

Периодическое издание основано в 1916 г., возобновлено в мае 1934 г.

Входит в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАКом РФ

УЧРЕДИТЕЛИ:

*Министерство образования и науки Российской Федерации
Межрегиональная общественная организация
«Объединение преподавателей истории»
ООО «Преподавание истории в школе»*

Культурология и педагогика

- 3 Л.М. Сергиенко**
Развивающее обучение в школе и педагогике дореволюционной России
- 7 М.А. Булахтин**
Семья, воспитание и политика: из педагогического опыта польского консерватора ВЛ. Яновского
- 11 Г.С. Бережная**
Профессиональные дисфункции педагогов как причины конфликтов в школе
- 14 М.В. Потехина**
Становление непрерывного художественного образования в сфере моды и дизайна (с 1980-х гг. до 2005 г.)
- 18 Н.Х. Джеканович**
История развития письменности

История зарубежных стран

- 22 М.А. Сапронова**
Социально-политическая доктрина халифата как сущность власти в мусульманском государстве
- 26 С.А. Прокопенко**
Современная испанистика об особенностях брачного поведения «благородных» в Испании раннего Нового времени
- 31 С.А. Прокопенко**
Взаимосвязь поземельных отношений, систем наследования, семейных моделей и демографического поведения испанского крестьянства в эпоху Габсбургов
- 35 С.А. Прокопенко**
Количественные аспекты депортации морисков: основные тенденции историографического анализа

Отечественная история

- 39 Д.А. Карпов**
Была ли Передовая засечная черта единым оборонительным рубежом
- 42 В.В. Вяткин**
Эволюция духовных консисторий:
XVIII – начало XX века

1917 г. – начало XXI века

- 47 Т.В. Соловьева**
Организация выборов в местные органы самоуправления Пермской губернии во второй половине XIX века
- 51 Е.В. Малышева**
О судебной реформе 1897 г. в Сибири
- 55 А.А. Болгаевский**
Русские войска в Македонии в годы Первой мировой войны
- 59 А.В. Долгова**
Преступления по должности, совершаемые членами организаций по борьбе с дезертирством в 1918 – 1923-х гг.
- 62 В.В. Вяткин**
Сопротивление разгрому церкви в 1920–1930-е гг. (на материалах Урала)
- 66 С.С. Ховалыг**
Социальный состав руководящих кадров Тувинской Народной Республики в 1921–1928-х гг.
- 70 Н.А. Володина**
Деятельность властей по формированию советской системы политического контроля в 1917–1941 гг.
- 74 А.В. Хохлов**
Восстановление системы народного образования и культуры в освобожденных районах СССР в годы Великой Отечественной войны
- 78 В.В. Зюлин**
Государственная политика модернизации среднего медицинского образования Российской Федерации (с 1990-х гг. до 2005 г.)

ПИШ-информбюро

Выставка «Открываем РИМ» (с. 2 обложки)
Общество «Русская Ганза» в 2008 г. (с. 3 обложки)

АДРЕС РЕДАКЦИИ ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ:

129626, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А

Тел.: (495) 683-2541.

Тел\факс: (495) 683-8583.

E-mail: pishinfo@rambler.ru

www.pish.ru

Формат 70 x100 1/16.

Журнал зарегистрирован
Министерством по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ
28 декабря 2000 г.
Свидетельство ПИ № 77-7049
Отпечатано в ОАО
«Выбор-принт»

127278, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А.
Тел. (495) 683-54-52.
Факс: (495) 683-54-52.

© ООО «Преподавание истории в школе», 2008, № 2.
Спецвыпуск

Главный редактор	<i>Э.Н. Абдулаев</i>
Заместитель главного редактора	<i>В.Б. Перхавко</i>
Редакторы отделов	<i>С.А. Абрамова, А.Ю. Морозов</i>
Зав. производственным отделом	<i>С.А. Голубков</i>
Компьютерная верстка	<i>С.А. Голубков</i>
Координатор номера	<i>В.Б. Перхавко</i>

Редакционный совет:

**Э.Н. Абдулаев, М.Д. Афанасьев,
В.В. Артемов, И.В. Бестужев-Лада,
О.В. Волобуев, А.Б. Драхлер, А.Н. Иоффе,
Г.М. Карпов, А.Ф. Киселев, А.В. Лукутин,
К.Г. Митрофанов, В.Б. Перхавко
(председатель), А.П. Прохоров,
Я.В. Соловьев, А.И. Чернов, А.П. Шевырев**

Охраняется Законом об авторском праве. Запрещается воспроизведение журнала
или журнальной статьи без письменного разрешения издателя.

Любая попытка нарушения закона будет преследоваться в судебном порядке.

Л.М. Сергиенко

Развивающее обучение в школе и педагогике дореволюционной России

Педагогика призвана отвечать на запросы времени и общества, определяя такие системы воспитания и методы обучения, которые конструктивно влияли бы на молодое поколение. Наша страна пережила за последние 15 лет не только серьезный экономический, но что гораздо опаснее, глубочайший гуманитарный кризис. В обществе произошло крушение привычных устоев и нравственных ценностей, в результате которого обнажились глубинные вопросы человеческого бытия, смысла жизни живущих ныне и будущих поколений. Резкая смена идеологических ориентиров в 90-е гг. XX в., социально-экономические и политические перемены последних десятилетий привели к определенному сдвигу в общественном и педагогическом сознании, сущность которого заключается в переосмыслении всего комплекса вопросов, связанных с образованием, его ролью в социуме.

Более десяти лет в педагогической науке обсуждаются проблемы гуманизации образования, развития способностей личности, необходимых и ей, и обществу, соединения бытия индивидуального человека с культурой.

В связи с этим, развивающее, личностно ориентированное образование выступает как часть глобального социального процесса смены рецептивно отражательного понимания мышления, а значит, и образования человека, другим, который называют конструктивно деятельностным. Проявления этого процесса глубоки и разнообразны. Они, прежде всего, предполагают отказ от жестких авторитарных схем, связанных с манипулированием учащи-

мися, ориентацию на их развитие и воспитание. Конструктивно деятельностное понимание сущности образования стало основой построения концепции его содержания, в наибольшей степени соответствующего установкам гуманистического мышления. В этой концепции содержание образования рассматривается как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, тождественный по структуре (разумеется, не по объему) мировой культуре.

В соответствии с таким пониманием содержание образования должно включать, помимо «готовых» знаний и опыта осуществления деятельности по образцу, также опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений.

Результатом гуманистической направленности образования должно явиться становление как личности человека, способного к сопереживанию, готового к свободному гуманистически ориентированному выбору и индивидуальному интеллектуальному усилию, уважающему себя и других, терпимого к представителям других культур и национальностей, независимого в суждениях и открытого для восприятия иного мнения и неожиданной мысли.

Применение методов развивающего обучения в образовании задает концептуальные основания для переосмысления целей, содержания и технологий процесса подготовки учителя к реализации личностно-развивающей педагогической деятельности, активизации его личностных функций, понимание сущности педагогической деятельности, ориентированной на личность учащегося.

Немаловажная роль в этом процессе отводится позиции учителя. Он должен быть от-

Сергиенко Людмила Михайловна – старший преподаватель Ставропольского государственного педагогического института.

крытым в общении, верить в способности каждого ученика, уметь сопереживать и сочувствовать.

Для успешного овладения и применения методов развивающего обучения современному учителю просто необходимо обратиться к богатейшему отечественному педагогическому наследию, почерпнуть из него самые лучшие и жизнеспособные элементы.

Русская педагогическая мысль имеет многовековую гуманистическую традицию. Её лучшие представители (Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, П.Ф. Каптерев) рассматривали в своих трудах человека, его интеллектуальное и нравственное развитие как меру целесообразности любой педагогической деятельности и педагогической системы.

Одним из первых в отечественной педагогике обратился к проблемам личностно ориентированного образования К.Д. Ушинский. Его по праву считают основателем педагогической антропологии. Он был первым российским учёным-педагогом, создавшим цельную педагогическую научную систему.

Как отмечали современники Ушинского, «его труды произвели совершенный переворот в русской педагогике», а самого замечательного русского педагога называли отцом этой науки. Ушинский был универсален как педагог, как педагог перспективного видения. Прежде всего, он выступал как педагог-философ, отчетливо понимая, что педагогика может базироваться только на прочном философском и естественно-научном фундаменте, на концепции народности воспитания, отражающих развитие этой науки и специфику национальной культуры и воспитания.

Ушинский был и теоретиком воспитания, его отличала глубина проникновения в сущность педагогических явлений, стремление выявить закономерности воспитания как средства управления развитием человека.

Ушинский как методист разрабатывал вопросы содержания образования, сущность процесса обучения, принципы, частные методики обучения, создал замечательные учебники «Родное слово» и «Детский мир», которые составили эпоху в детской педагогической литературе.

Как педагог-психолог разрабатывал психологические основы обучения, изложил систему психологических идей (дал характерис-

тику мышления, памяти, внимания, воображения, чувств, воли).

Ушинский выступал и как оригинальный «школовед». Им выдвинута программа преобразования русской школы, особенно русской народной школы, чтобы привести ее в соответствие с потребностями развития страны и демократизацией образования.

И, наконец, Ушинский – историк педагогики, изучал труды представителей мировой педагогики Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Песталоцци, Спенсера и других. На основе анализа и отбора всего разумного, критического рассмотрения данных своих наблюдений и педагогического опыта Ушинский создал свой капитальный труд, психолого-педагогический трактат «Человек как предмет воспитания» (I ч. – 1867 г., II ч. – 1869 г.).

Исходя из своих прогрессивных взглядов, Ушинский по-новому взглянул на педагогику как науку. Он был глубоко убежден, что ей нужна прочная научная база. Без неё педагогика может превратиться в собрание рецептов и народных поучений. «Прежде всего, – по мнению Ушинского, – педагогика должна опираться на научные знания о человеке, на широкий круг антропологических наук, к которым он относил анатомию, физиологию, психологию, логику, филологию, географию, политэкономия, статистику, литературу, искусство и др., среди которых особое место занимают психология и физиология» [9, с. 34].

Ушинский понял необходимость всестороннего изучения человека. Он утверждал: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [9, с.34].

Таким образом, Ушинский осуществил педагогический синтез научных знаний о человеке, поднял педагогику на качественно новый уровень. Известный ученый Ананьев, оценивая целостный подход Ушинского к человеческой личности, справедливо отмечает силу его теоретического мышления и педагогического убеждения, сумевшего столетие назад обосновать проблему всестороннего развития личности, которую современная наука считает фундаментальной проблемой философии, педагогики, естествознания и психологии.

Целый ряд методов развивающего обуче-

ния содержит в себе педагогическое наследие выдающегося русского писателя-разночинца Н.Г. Чернышевского, который в методике обучения Чернышевский придавал решающее значение развитию мысли. Согласно Чернышевскому, уметь думать, самостоятельным путем добывать знания, формировать свое мировоззрение – именно эти качества и навыки должен формировать учитель [8, с.66].

Среди разнообразных методов и приемов обучения Чернышевский видное место отводил живому слову учителя, беседе и самостоятельной работе учащихся. «Если наши дети хотят быть людьми, в самом деле, образованными, они должны приобретать образование самостоятельными знаниями», – писал Чернышевский [8, с.66].

Самостоятельные занятия оценивались им очень высоко по ряду причин. В них Чернышевский видел не только средство закрепления, но и расширения того круга знаний, какой получали учащиеся от устного изложения материала учителем и вообще в школе. В них он рассматривал и одно из важных средств развития самостоятельного мышления учащихся, а также привития навыков и умения самостоятельно работать над повышением уровня своих знаний.

Процесс обучения является также процессом воспитания. Эту мысль Чернышевский подчеркивал неоднократно. Своей практикой он показал, что это достигается путем тщательного отбора материала для каждого очередного занятия, подбора таких фактов и всяких иных данных, которые даже без особых комментариев заставляют учащихся думать в определенном направлении, помогают поднимать и укреплять определенные убеждения и нравственные чувства. Он показал, как в процессе преподавания при помощи фиксирования внимания на главном, наиболее существенном, и других приемов достигается вместе с образовательной и воспитательная цель [8, с.68].

Вопросам развивающего обучения всегда уделял большое внимание ещё один корифей отечественной педагогики П.Ф. Каптерев. В своем научном труде «Как образовать стойкий характер» он обосновывал важность выработки у школьников характера и мировоззрения.

«Однако, – считал Каптерев, – становление характера и мировоззрения невозможно без

развития умственной самостоятельности, приучение к умственному труду и воспитания к нему интереса. Такая задача может быть решена не любыми средствами обучения, а только эвристическими, побуждающими учащихся самим находить ответы, размышлять над наблюдаемым, самим делать простые обобщения и выводы». Каптерев видел в эвристике основное средство обучения школьников искусству мыслить: эвристика вносит в школу «дух науки, дух труда... сущность ее заключается в том, школьники постоянно работали, постоянно делали самостоятельные усилия для приобретения выработки знания» [4, с.114].

Каптерев критиковал «книжный характер» обучения, когда в основном идёт нагрузка на память. В статье «Основы классической школы» он так описывал процесс обучения: «Материал учащиеся просто учат, по частям механически в себя вбирают, как губка воду. Память бухнет, но ума, т.е. формального развития не прибавляется, потому что не выясняется, чем изучаемый материал отличается от прежде изученного, какие части прежнего материала вошли в новый, как он здесь изменился» [4, с. 114].

Школа, согласно его воззрениям, призвана обращать пристальное внимание на учащихся с выдающимися способностями, удовлетворять индивидуальные вопросы и потребности, руководить их самообразованием. Каптерев подчёркивал, что в процессе обучения и самообразования значительна роль учебника. Он настаивал на том, что «учебник должен быть написан серьёзно, сжато, заключать действительно научные знания, но при этом возможно просто, толково, с расчётом, что пользоваться им будут едва приступающие к науке. Язык учебника должен быть вполне хорошим, соответствовать своему предмету, т.е. быть простым, внятным и точным, не должен заключать неправильностей, тяжелой конструкции фраз, нескладных оборотов» [4, с.66].

Интересны и актуальны взгляды Каптерева и на личность учителя. В своей работе «Дидактические очерки» он целых четыре главы посвятил исследованию этого вопроса.

Он полагал, что учителю, прежде всего, необходимо обладать научными знаниями: преподаваемого предмета, родственными с ним наукам, его методологии, детей. Не случайно Каптерев считал самым высшим заветом ди-

дакта «учиться, учиться и учиться». Без собственного развития и усовершенствования не может быть учителя. Не развиваясь, постепенно отходя в сторону от культуры, учитель не может развивать других, он способен только учить, т.е. сообщать затверженные формулы и знания. Такие педагоги не могут оживить своё преподавание, они – «учителя по обязанности, по невозможности другого дела. В то же время, имея основательные знания, учитель является художником: оставаясь свободным и самостоятельным деятелем, он должен творчески пользоваться методом, сделать его своим достоянием, умея пользоваться им в работе с детьми, имеющими разную подготовку и разные природные свойства» [4, с. 601]. Совершенно очевидно, что рекомендации Каптерева не устарели, они важны и для современного учителя.

Целый ряд интересных идей по поводу развивающего обучения высказывал видный русский мыслитель, писатель, педагог В.В. Розанов. Период активной педагогической деятельности Василия Васильевича пришелся на начало XX в. Его взгляды на проблемы образования были во многом тождественны со взглядами П.Ф. Каптерева. Розанов одним из первых среди русских педагогов выдвинул лозунг: «не дети для школы, а школа для детей». Он считал, что «деятели школы должны сердечно и тепло относиться к учащимся, что воспитываемые лица не должны тонуть растворяясь в общей учащейся массе, что живая детская личность не должна признаваться только числом, процентом, дробью» [4, с.64].

Розанов считал, что осуществить вышеизложенное можно лишь, соблюдая в педагогической деятельности принцип индивидуальности. Названный принцип требует, чтобы «как в образуемом (ученик), так и в образующем (учебный материал) была по возможности сохранена индивидуальность, это драгоценнейшее в человеке и его творчестве. Где она не сохранена, подавлена или в пренебрежении, там образования совершенно не происходит. Только как личность, как этот определенный человек, а не «человек вообще», я могу быть наиболее изобретателен в мыслях, в своих чувствованиях, упорен, тверд в стремлениях» [7, с.92].

Что же касается образующего, т.е. учебного материала, Розанов считал, что «лучше усвоить одну тему досконально, со всех сторон, чем хва-

тать куски из каждой темы. Следовательно, исходя из этого, учитель и должен подходить к подбору учебного материала» [7, с. 92].

Особо он подчеркивал, что принцип индивидуальности должен быть выражен по всем линиям образующей системы, он не должен быть случайным явлением.

В.В. Розанов тесным образом связывал благополучие страны с образованием народа. Как определенный ориентир для современников и последующих поколений звучали его слова: «Свободная и просвещенная страна, страна честная в мелком и большом, – вот задача, лежащая перед Россией, не достигнув которой она не может успокоиться и не успокоиться» [7, с. 238].

Русская педагогическая наука дореволюционного периода оставила современным педагогам колоссальное наследие, имеющее непреходящее значение в наши дни. Безусловно, его изучение и следование методам, предложенным К.Д. Ушинским, П.Ф. Каптеревым, Н.Г. Чернышевским, В.В.Розановым потребует от педагогов невероятных духовных усилий и фундаментальных знаний. Но ведь и профессия педагога – одна из самых важных и ответственных в обществе, так как формирует будущее поколения страны.

Литература

1. Вахтеров В.П. Каптерев. Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели. Рецензия // Образование. 1899. № 1.
2. Забарзина Л.Э. Русские педагогические портреты: Учеб. пособие. 2-е изд. Воронеж, 2004.
3. Забарзина Л.Э. Неизвестная статья П.Ф. Каптерева // Педагогика. 2005. №3.
4. Каптерев П.Ф. Основы классической школы // Русская школа. 1899. № 11.
5. Каптерев П.Ф. Педагогические идеалы и взгляды К.Д. Ушинского // Образование. 1895. № 1.
6. Николукин А.Н. Розанов. М., 2001.
7. Розанов В.В. Сумерки просвещения / Сост. В.Н. Щербаков. М., 1990.
8. Смирнов В. З. Педагогические идеи Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. М., 1957.
9. Ушинский К.Д. Собр. Соч.: В 11 т. Т.3. М.; Л., 1948.
10. Ушинский К.Д. Письма о воспитании наследника русского престола // Педагогика. 1999. № 5–6.
11. Чумаков В. Вычеркивания из Ушинского // Народное образование. 2002. № 7.

Семья, воспитание и политика: из педагогического опыта польского консерватора В.Л. Яворского

Представления о том, что воспитанием и обучением детей необходимо заниматься с самых ранних лет, имеет немало сторонников среди психологов и педагогов. Развитие у ребенка творческих способностей, мышления и кругозора способствует не только формированию его индивидуальности, но и воспитанию важных социальных качеств личности. Потребность в этом становится все более ощутимой и в современной России. Наряду с укреплением в нашем обществе ценностей индивидуальности и неповторимости каждого человека, вновь обретают силу и такие понятия, как гражданственность и патриотизм, чувство общественного долга и социальной ответственности.

Воспитанием и образованием человека занимаются различные общественные институты. Среди них одну из главных ролей по-прежнему играет семья. Значение родителей в деле воспитания подрастающего поколения трудно переоценить. Исследование семейных отношений привлекает внимание не только психологов и педагогов. Изучение этой проблематики представляет интерес и для исторической науки, поскольку позволяет лучше понять менталитет и культуру той или иной страны, полнее изучить судьбу известных исторических деятелей, раскрыть новые грани их духовного мира, отношения с окружающими людьми. В предлагаемой статье анализируются особенности педагогического опыта видного польского ученого и политического деятеля начала XX в. Владислава Леопольда Яворского. Обращение к этой стороне его жизни продиктовано в первую очередь тем,

что Яворский стремился воспитать в своем маленьком сыне активный интерес к миру политики, с которым он сам был тесно связан.

Прежде всего, представлю небольшую биографическую справку. В.Л. Яворский родился 5 апреля 1865 г. в Карсах Келецкой губернии Российской империи (Царства Польского) в семье мелкого шляхтича. В 1884 г. он окончил гимназию в г. Кракове, затем учился на юридическом факультете Ягеллонского университета (1884–1888). Удачно складывалась его научная и академическая карьера: в 1899 г. Яворский стал профессором Ягеллонского университета, а в 1928 г. – действительным членом Польской академии знаний.

Помимо научной и преподавательской работы В.Л. Яворский активно занимался политической деятельностью. Так, в 1890-е гг. он сблизился с представителями так называемого «краковского» направления в польском консерватизме, в дальнейшем став одним из лидеров этого течения. Яворский был политическим редактором консервативной газеты «Час», депутатом краевого сейма Галиции¹ (с 1901 г.) и австрийского парламента (с 1911 г.). В годы Первой мировой войны Яворский оказывал всемерную поддержку Ю. Пилсудскому – будущему маршалу и диктатору Польши в создании польских легионов. После восстановления независимости Польши в 1918 г. по причине тяжелой болезни, а также неблагоприятной для «краковских консерваторов» политической конъюнктуры он отошел от активной политической деятельности, однако не утратил интереса к проблемам общественной жизни и продолжал поддерживать контакты со многими видными политиками того времени. В 1920-е гг. главное внимание Яворский уделял научной работе. Его конституционно-право-

¹Максим Анатольевич Булахтин – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

вые взгляды существенно повлияли на разработку польской конституции, принятой в апреле 1935 г.

В.Л. Яворский оставил после себя большую корреспонденцию. Материалы его переписки привлекают повышенный интерес исследователей, поскольку содержат не только ценную информацию о политических и научных взглядах автора, его политической деятельности, но также являются важным источником по истории Польши начала XX в. Знакомство с этой корреспонденцией показывает, что, несмотря на загруженность общественными делами, В.Л. Яворский уделял большое внимание семье, воспитанию и обучению своего маленького сына Иво. Проблемы, которые он затрагивал в своих письмах к сыну, были самыми разнообразными. Однако особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что в этих письмах В.Л. Яворский рассматривал весьма не простые для детского восприятия вопросы. Иво было 7 лет, когда отец рассказал ему о событиях в России 1905–1907 гг. «В России император даровал конституцию², – писал В.Л. Яворский. – Это означает, что поляков там уже не будут угнетать так, как раньше, что в школах детей будут учить по-польски, что все мы сможем там говорить и печатать то, что думаем. Это большая радость для всех поляков. С этого времени мы будем сильнее и Бог даст, пруссаку³ тоже не дадимся, хотя он для поляков хуже всего»⁴.

Яворский посвящал сына и в другие подробности политической жизни России тех лет. «Опасаются, – отмечалось в одном из писем, – что царь распустит Думу⁵. Это может привести к такой революции, какой еще не видывали. Тысячи людей погибнут. Если бы царь был умным, то разогнал бы тех министров, которые в настоящее время у него есть, а новыми сделал бы самых хороших депутатов из Думы. Они, безусловно, управляли бы лучше. Однако что же поделаться, если сам царь неумный и советники у него очень плохие»⁶.

В письмах к сыну В.Л. Яворский значительное внимание уделял описанию политической обстановки на польских землях Австро-Венгрии (Галиция). Будучи депутатом краевого сейма, он рассказывал о проблемах, которыми занимается сейм. Из писем видно, что Иво интересовался деятельностью отца в сейме. «Спрашиваешь, хорошим ли было [мое] выступление? – писал В.Л. Яворский. –

Действительно оно получилось хорошим. Быть может, отцу удастся помочь бедным учителям»⁷.

Яворский сообщал маленькому Иво даже о таком сложном вопросе, как принятие нового закона о выборах в краевой парламент. «Сейм начнет работу примерно 12 сентября. – писал В.Л. Яворский. – На нем мы примем закон о всеобщем голосовании, но не таком, как в Государственный совет⁸. Люди более умные будут избирать отдельно⁹, поэтому можно ожидать, что определенное число депутатов будет лучше других»¹⁰. В дальнейшем В.Л. Яворский сообщал ребенку о затруднениях, возникших в связи с принятием закона. «В сейме плохо, – отмечалось в письме. – Мы должны были принять новый избирательный закон. Чтобы такой закон принять, в сейме необходимо присутствие как минимум 120 депутатов и из них как минимум 80 должны голосовать за этот новый закон. Нас, консерваторов, в таком количестве в сейме нет, поэтому мы должны договариваться с демократами. Однако демократы не хотят такого соглашения. Поэтому есть опасения, что мы не примем нового закона. Если мы не примем этого нового закона, то сейм будет насчитывать столько русинов [украинцев]¹¹, социалистов и людовцев¹², что мы, консерваторы, потеряем влияние и власть в крае. Однако большим несчастьем станет то, что в сейме будет слишком много русинов, а они являются большими врагами поляков»¹³.

В.Л. Яворский специально останавливался на характеристике польско-украинских противоречий, обострившихся в начале XX в. «Русины хотели бы выбросить нас из всей Восточной Галиции¹⁴, – писал В.Л. Яворский, – отобрать у нас университет в Львове, который является польским, они хотели бы укомплектовать все учреждения русинами и т.д. Учитывая это, мы должны защищаться, потому что это земля испокон веков была польской. Однако русины очень жестоки и агрессивны. Это вызывает большое раздражение и усиливает ненависть. Несмотря ни на что, мы должны здесь держаться, землю не продавать, а русинов не дразнить, но им тоже не уступать»¹⁵. В.Л. Яворский полагал, что создание отдельного украинского университета в Львове было бы «большим несчастьем для поляков»¹⁶ и выступал за сохранение существующих отноше-

ний, а именно, университет во Львове должен быть польским, но «возможны некоторые лекции на русинском языке»¹⁷.

В.Л. Яворский затронул и такую трагическую страницу в польско-украинских отношениях, как убийство украинским студентом М. Сичиньским польского наместника Галиции, «краковского консерватора» А. Потоцкого (1908 г.). Сообщая о судебном процессе над убийцей, В.Л. Яворский отмечал: «Его приговорили к смерти через повешение, как и должны были [сделать]. Однако император может его помиловать, т.е. заменить ему смертную казнь, например, на пожизненное заключение. Все в настоящее время размышляют, сделает ли это император»¹⁸. Я считал бы, что он должен это сделать. Если Сичиньского повесят, то русины сделают из него героя и будут вечно его почитать и заявлять, что это мы, поляки, стали причиной его смерти. Следовательно, хотя справедливость и на нашей стороне, и Сичиньского справедливо должна встретить смертная казнь, однако по этим причинам лучше его помиловать»¹⁹. Яворский поинтересовался и мнением ребенка по поводу того, как нужно поступить с убийцей.

Как видно, В.Л. Яворский стремился приобщить своего сына к миру политики уже в детские годы. Не только с житейской, но и с точки зрения профессиональных психологов и педагогов столь раннее «политическое просвещение» может вызвать скептическую и даже отрицательную реакцию. Тем не менее исследователи обращают внимание на то, что формирование у детей особых познавательных интересов в немалой степени зависит от конкретной национальной и социокультурной среды²⁰. В нашем случае мальчик воспитывался и рос в семье с высокими духовными запросами. В.Л. Яворский был представителем польской интеллектуальной и политической элиты, в которой придавалось большое значение образованию, формированию чувства общественного долга, гражданственности и патриотизма. Поэтому воспитание соответствующих качеств у подрастающего поколения в таких семьях можно считать нормальным явлением.

В.Л. Яворский стремился сформировать у сына не только политический кругозор, но и художественное восприятие, особенно если речь шла о приобщении к серьезной ли-

тературе и ее анализу. «Книгу, которую я послал, – писал В.Л. Яворский, – должна тебя заинтересовать. Она служит основой для понимания Илиады²¹. Не отстраняйся от нее, если поначалу не будешь ее понимать. Я уверен, что с каждым днем тебе будет легче ее понять и оценить»²². Вот еще одно обращение внимательного отца: «У меня есть для тебя очень умная книга о живописи. Она написана по-немецки, поэтому я ее читаю, чтобы выбрать отрывки, которые тебя заинтересуют»²³. В своих письмах В.Л. Яворский интересовался и мнением сына о прочитанном: «Любопытно, что ты скажешь о Ноябре»²⁴. До Сенкевича²⁵ он считался лучшим польским романом»²⁶.

В целом, как видно из приведенных выше фрагментов, В.Л. Яворский придавал большое значение воспитанию сына. Будучи погружен в общественно-политическую жизнь и науку, он стремился сформировать те же интересы и у своего ребенка. Читая письма В.Л. Яворского, проникнутые родительской теплотой и любовью, не чувствуешь какого-либо отторжения его заботливых советов и рекомендаций со стороны маленького Иво. Напротив, эти послания свидетельствуют о его активном интересе к тем проблемам, которые затрагивал в своих письмах отец²⁷.

Проследившая жизненный путь Иво Яворского, следует отметить, что по окончании Ягеллонского университета, он, так же как и отец, посвятил свою жизнь образованию и науке. Современники отмечали прекрасные лекторские таланты Яворского-младшего и большую эрудицию. Любовь к знанию передавалась и его сыну – Владиславу – который стал известным ученым в области экономики и финансов. Примечательно, что правнук В.Л. Яворского – Петр тоже пошел по стезе своих предков, став исследователем и вузовским преподавателем. Таким образом, перед нами пример профессорской семьи в четырех поколениях (!), что свидетельствует о силе педагогической традиции, заложенной в начале XX в. видным польским ученым и политическим деятелем В.Л. Яворским.

Примечания

¹ Северо-восточная провинция Австро-Венгрии, образованная в результате разделов Польши в XVIII в.

² Речь идет о Манифесте 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором Николай II обещал ввести некоторые политические свободы и созвать Государственную думу.

³ Имелась ввиду Пруссия (с 1871 г. Германская империя). Западные и северные территории Польши были включены в состав Пруссии в результате разделов Польши в XVIII в. С конца XIX в. на этих землях усилились притеснения поляков.

⁴ Archiwum PAN w Warszawie (далее APANW). *Materiay Wadysawa Leopolda Jaworskiego*. Sygn. III – 84. Jedn. 38. List Wadysawa Leopolda Jaworskiego do Iwo Jaworskiego z 5.11.1905. К. 4.

⁵ В июле 1906 г. император распустил I Государственную думу.

⁶ Ibid. List z 21.07.1906. К. 7.

⁷ Ibid. List z 15.10.1905. К. 1.

⁸ Государственный совет – австрийский парламент. В январе 1907 г. был принят новый избирательный закон, который ликвидировал курриальную систему выборов в австрийский парламент и устанавливал принцип всеобщего избирательного права для мужчин, достигших 24-летнего возраста.

⁹ Предполагалось сохранить курриальную систему, которая обеспечивала привилегированный статус на выборах для более образованных и богатых граждан.

¹⁰ APANW. *Materiay Wadysawa Leopolda Jaworskiego*. Sygn. III – 84. Jedn. 38. List Wadysawa Leopolda Jaworskiego do Iwo Jaworskiego (07.1907). К. 14.

¹¹ До конца XIX в. сами галицкие украинцы в качестве своего этнонима использовали термин «русыны». Поляки называли их «русинами», а немцы – Reussen, Ruthenen или Russen. Существенное влияние на замену этнонима «русыны» на «украинцы» оказала деятельность известного историка М. Грушевского и его сподвижников. Усвоение этого этнонима должно было подчеркнуть различие между русинами/украинцами и русскими, а также поляками. См.: *Chwalba A. Historia Polski 1795–1918*. Krakw, 2000. S. 524.

¹² Людовцы – деятели Польской крестьянской (людовской) партии.

¹³ APANW. *Materiay Wadysawa Leopolda Jaworskiego*. Sygn. III – 84. Jedn. 38. List Wadysawa Leopolda Jaworskiego do Iwo Jaworskiego z 27.09.1907. К. 19.

¹⁴ В Восточной Галиции по разным данным от 60 до 70 % населения составляли русины/украинцы. В условиях подъема украинского национально-го движения поляки опасались гонений со стороны украинцев.

¹⁵ APANW. *Materiay Wadysawa Leopolda Jaworskiego*. Sygn. III – 84. Jedn. 38. List Wadysawa Leopolda Jaworskiego do Iwo Jaworskiego z 25.02.1907. К. 10.

¹⁶ Ibid. List z 11.03.1907. К. 12.

¹⁷ Ibid. List z 11.03.1907. К. 13.

¹⁸ Главой Австро-Венгерской империи являлся Франц Иосиф.

¹⁹ APANW. *Materiay Wadysawa Leopolda Jaworskiego*. Sygn. III – 84. Jedn. 38. List Wadysawa Leopolda Jaworskiego do Iwo Jaworskiego z 3.07.1908. К. 24.

²⁰ Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка. СПб., 2004. С. 43; Кон И.С. Ребенок и общество. М., 2003. С. 281–282.

²¹ Древнегреческая эпическая поэма, приписываемая Гомеру.

²² APANW. *Materiay Wadysawa Leopolda Jaworskiego*. Sygn. III – 84. Jedn. 38. List Wadysawa Leopolda Jaworskiego do Iwo Jaworskiego z 25.06.1908. К. 22.

²³ Ibid. К. 30. Письмо без даты, однако, судя по его расположению среди других писем, оно было написано в 1909–1910 гг.

²⁴ Роман «Ноябрь» – трехтомное произведение польского писателя Г. Жевуского (1791–1866). Роман многократно переиздавался, был переведен на английский, немецкий, русский и чешский языки.

²⁵ Сенкевич Генрих (1846–1916) – польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1905).

²⁶ APANW. *Materiay Wadysawa Leopolda Jaworskiego*. Sygn. III – 84. Jedn. 38. List Wadysawa Leopolda Jaworskiego do Iwo Jaworskiego z 4.07.1909. К. 28–29.

²⁷ Следует упомянуть еще один примечательный факт. В одном из писем Яворский-старший спрашивал: «Помнишь ли ты обещание, что будешь учить Збышка [по-видимому, родственник] истории искусства?» См.: APANW. *Materiay Wadysawa Leopolda Jaworskiego*. Sygn. III – 84. Jedn. 38. List Wadysawa Leopolda Jaworskiego do Iwo Jaworskiego (VII.1907). К. 14. На наш взгляд, это свидетельствовало о формировании у маленького Иво чувства заботы о близких ему людях.

Профессиональные дисфункции педагогов как причины конфликтов в школе

Конфликты – характерное для школы явление, имеющее субъективно-объективную природу. Так, по данным мониторингового исследования, которое проводилось в школах Московской области, почти 2/3 опрошенных представителей администрации, учителей, учащихся и родителей, считают, что конфликты в школе естественны и неизбежны¹. С какими дисфункциями профессиональной деятельности педагогов связано обострение противоречий школьного социума? Поиск ответа на данный вопрос требует обращения к типологии школьных конфликтов. Типологии конфликтов представлены в работах С.В. Баныкиной, Г.Л. Воронина, В.И. Журавлева, М.М. Рыбаковой, Н.В. Самоукиной и других исследователей.

Исходя из понимания школьного конфликта как формы проявления обострившихся объектно-субъектных и субъектно-субъектных противоречий, прежде всего, выделяют основных субъектов деятельности в школе, между которыми могут возникать конфликты. Это учитель, ученик, администрация, родители. Таким образом, в зависимости от участвующих в конфликте сторон, выделяют следующие типы конфликтов в школе: «учитель – ученик(-и)», «учитель – родитель(-и)», «учитель – учитель(-я)», «учитель – администрация», «ученик – ученик (-и)», «ученик – родитель(-и)», «ученик – администрация», «администрация – администрация», «администрация – родители»².

М.М. Рыбакова выделяет конфликты поведения, конфликты деятельности и конфликты

отношений³. Н.В. Самоукина выделяет мотивационные конфликты, конфликты, связанные с недостатками в организации обучения в школе, конфликты взаимодействий⁴. В.И. Журавлев выделяет наиболее типичные конфликтно-стрессовые ситуации в работе с младшими школьниками, подростками, старшими школьниками. Далее конфликты разделяются по содержанию и сценарию⁵. Однако представленные типологии не дают в полной мере информации о дисфункциях в деятельности педагогов, которые приводят к возникновению конфликтов. Частично эта задача решается О.А. Ивановой, которая разработала типологию конфликтов между учителями и учениками, в основу которой положены ошибки учителей⁶. Она выделяет: конфликты оценки; конфликты взаимодействия; конфликты организации деятельности; конфликты информационные; конфликты мотивов и стимулов⁷. Но данная типология охватывает только конфликты, связанные с профессиональными дисфункциями учителя по линии учитель – ученик, оставляя за рамками конфликты между другими субъектами школьного социума и связанные с дисфункциями представителей администрации, педагогов-психологов, социальных педагогов. Поэтому, изучив причины возникновения конфликтов в школе, которые достаточно подробно представлены в психолого-педагогической литературе⁸, мы на основе профессиональных дисфункций педагогов разработали следующую типологию.

Первая группа – конфликты, связанные с профессиональными дисфункциями в сфере учебно-воспитательного взаимодействия. В этой группе можно выделить конфликты, связанные с нарушениями ди-

Галина Сергеевна Бережная – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и геополитики РГУ имени И. Канта, г. Калининград.

дактической, организационной функций и функции общения.

1. Конфликты, связанные с нарушением дидактической функции – это конфликты, возникающие из-за методических ошибок учителей. Чаще всего это ошибки в методике оценивания знаний и умений детей, манипуляции оценками, непонятное объяснение, бессистемное изложение, усложненный язык, отсутствие повторения, сухость преподнесения материала, неумение связать тему с жизнью, заинтересовать предметом, неожиданные контрольные работы.

2. Конфликты, связанные с нарушением организационной функции. Причинами таких конфликтов становятся: плохая организация класса, отсутствие гибкости в постановке и реализации цели урока, не обеспеченность поставленных целей урока материальными и психофизиологическими средствами со стороны учащихся; нарушение правила сбалансированности целей урока описанием учебного места учащегося.

3. Конфликты, связанные с дисфункцией общения – это конфликты, возникающие из-за ошибок в реализации коммуникативного компонента педагогической деятельности. Среди причин данной группы конфликтов – приказной тон, крик учителя, подмена деловых отношений межличностными, неоправданные отрицательные оценки не поступку школьника, а его личностным качествам, открытое или маскируемое нарушение педагогической этики, ошибки в тактике взаимодействия, дискриминация в отношении к отдельным учащимся.

Вторая группа – конфликты, связанные с профессиональными дисфункциями в управленческой сфере. В этой группе выделяются конфликты, связанные с нарушением организационной функции и функции общения, а также инновационные конфликты.

1. Конфликты, связанные с нарушением организационной функции – это конфликты, обусловленные неоптимальной организацией труда учителей. Они возникают из-за недостаточно четкого разграничения сфер управленческого влияния между самими администраторами школы, неудобного расписания занятий, неравномерного распределения педагогической нагрузки, классного руководства, неравномерной загруженности учителей общественными

поручениями, перекладывания на учителя “чужих” обязанностей, незапланированных (неожиданных) форм контроля за деятельностью учителя, необъективного или неравномерного распределения ресурсов (кабинетов, технических средств обучения), неудачного подбора учителей в одной параллели с точки зрения их психологической совместимости, косвенного «сталкивания» учителей.

2. Конфликты, связанные с нарушениями в социально-психологическом аспекте управления – это конфликты, возникающие из-за недостаточного внимания руководителя к социальным и психологическим аспектам управления: из-за тяготения к авторитарному стилю управления, оценочно-императивного характера применения требований, отсутствия индивидуального подхода, неадекватности стиля руководства коллективом уровень его социального развития, недооценки руководителем профессионального честолюбия педагога, нарушения психолого-дидактических принципов морального и материального стимулирования труда учителя.

3. Инновационные конфликты возникают из-за непродуманного введения инноваций в школе.

Третья группа – конфликты, связанные с профессиональными дисфункциями на уровне психолого-педагогического сопровождения. Данная группа включает в себя конфликты, связанные с нарушением функции обеспечения благоприятного социально-психологического климата в школе. Это прежде всего конфликты в ученической среде: конфликты лидерства, межгрупповые конфликты, конфликты между одним учеником и целым классом, конфликты, возникающие из-за непроясненности социального статуса личности ученика в школьном социуме.

Таким образом, для школьного социума характерны конфликты между всеми участниками учебно-воспитательного процесса. Значительная часть этих конфликтов связана с ненадлежащим выполнением профессиональных функций педагогами в сфере учебно-воспитательного взаимодействия, управленческой сфере, в системе психолого-педагогического сопровождения, а также с недостаточным уровнем толерантности в отношениях между учителями и учащимися. Учитывая взаимосвязь качества выполнения професси-

ональных функций педагогами и конфликтности школьного социума, весьма актуальной для дальнейшей разработки представляется проблема ответственности педагогов за конфликтность школьного социума.

Примечания

¹ Баныкина С.В., Степанов Е.И. Конфликты в современной школе: изучение и управление. М., 2006. С. 48.

² Воронин Г.Л. Конфликты в школе // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 94.

³ Рыбакова М.М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе. М., 1991. С. 46.

⁴ Самоукина Н.В. «Игры, в которые играют...»: психологический практикум. Дубна,

2000. С. 53 – 56.

⁵ Журавлев В.И. Основы педагогической конфликтологии. М., 1995.

⁶ Иванова О.А. Система подготовки педагога к взаимодействию в конфликтной образовательной среде: автореф. дисс....д-ра пед. наук. СПб., 2004. С. 25.

⁷ Там же.

⁸ Анциупов А.Я. Профилактика конфликтов в школьном коллективе. М., 2003; Баныкина С.В., Степанов Е.И. Конфликты в современной школе: изучение и управление. М., 2006; Журавлев В.И. Основы педагогической конфликтологии. М., 1995; Самсонова Н.В. Конфликтогены в педагогической системе // Творческий рост учителя в развивающем обучении. Сб. научных трудов. Калининград, 1999. С. 46 – 50.

Выставка «Русское искусство 1870-х – 1910-х годов из собрания Серпуховского историко-художественного музея»

Третьяковская галерея в рамках многолетнего федерального проекта «Золотая карта России» открыла программу «Музеи Подмосковья», призванную познакомить столичного зрителя с собраниями лучших подмосковных музеев. Первым событием новой программы стала выставка из фондов Серпуховского историко-художественного музея, вернисаж которой состоялся 3 марта.

Серпуховский историко-художественный музей обладает одной из интереснейших среди региональных музеев России коллекций изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В настоящее время его фонды насчитывают около 40 000 единиц хранения, 12 000 из которых – художественные памятники. В основе собрания, известного первоклассными произведениями русской и западно-европейской живописи, лежат приобретения серпуховских купцов Мараевых, сделанные в последней четверти XIX – начале XX века.

В конце XIX века Мараевы, в прошлом крепостные графов Орловых-Чесменских, являлись купцами I гильдии и входили в число богатейших семей Серпухова. С 1884 года семейство возглавляла А.В.Мараева, при которой в семье возник интерес к коллекционированию. Вначале это были предметы старины (мебель, ткани, посуда и бытовая утварь), иконы и рукописные книги. В 1896 году А.В.Мараева купила у московского собирателя Ю.В.Мерлина, представителя старинного дворянского рода, художественную коллекцию, включавшую около 400 живописных и графических работ западно-европейских мастеров XVI–XIX веков и русских художников XVIII – начала XIX века. В 1918 году имущество Мараевых было национализировано, а коллекция произведений искусства стала основой местного краеведческого «Музея старины и искусства», открытого для публики в конце 1920 года. В 1923–1925 годах музей получил из фондов управления народным образованием Московской губернии свыше 100 экспонатов, сформировавших раздел русского искусства 2-ой половины XIX – начала XX века. В 1920-х – начале 1930-х годов музейные фонды пополнялись из национализированных усадеб, а также из закрытых монастырей и церквей Серпухова. С 1956 года, когда произошло репрофилирование музея из краеведческого в историко-художественный, главное направление деятельности музея определяется его богатейшей коллекцией художественных памятников.

М.В. Потехина

Становление непрерывного художественного образования в сфере моды и дизайна (с 1980-х гг. до 2005 г.)

К середине 1980-х гг. среднее специальное образование художественного профиля в РСФСР давали учебные заведения различной ведомственной принадлежности и образовательных направлений: художественно-промышленные училища Министерства местной промышленности, художественные и культурно-просветительные училища Министерства культуры, а также техникумы Министерства бытового обслуживания РСФСР, готовившие специалистов в области конструирования одежды, парикмахерского искусства и т.п. Характерной особенностью средних специальных учебных заведений художественного профиля была их тесная связь с будущей сферой профессиональной деятельности учащихся: художественно-промышленными комбинатами, ателье, творческими союзами и т.п.

В СССР имелись талантливые специалисты в области промышленного и бытового дизайна, работавшие, главным образом во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики («ВНИИТЭ»), деятельность которых заложила основы развития данного творческого и образовательного направления в 1990-е – 2000-е гг.¹

Период перестройки конца 1980-х – 1991 гг. имел неоднозначное воздействие на систему среднего профессионального образования художественного профиля. С одной стороны, свобода творчества, смена образовательных парадигм и гуманитаризация образования в целом положительно сказались на развитии среднего специального образования художес-

твенного профиля. Большое значение для модернизации содержания художественного образования на рубеже 1990-х гг. имела отмена цензуры в отношении иностранной литературы и произведений искусства, возможность свободного выезда за границу, что существенно расширило поле художественного восприятия преподавателей и студентов художественных вузов и училищ.

С другой стороны, материальное положение художественных вузов, как и всей образовательной системы, стало ухудшаться, что сказывалось на внутренней атмосфере учебных заведений и качестве образовательного процесса. В условиях социально-экономического кризиса руководство страны не уделяло достаточного внимания сфере образования и культуры, которые, хотя и способны были решить часть своих проблем за счет рыночных механизмов, требовали законодательного регулирования и финансирования в соответствии с изменившимися условиями их деятельности².

В 1990-е гг. художники-оформители, мастера прикладного искусства, модельеры, стилисты, дизайнеры интерьеров получили возможности для развития индивидуального предпринимательства (создания собственных студий, ателье и т.п.) и участия в деятельности частных предприятий соответствующей направленности.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. возник ряд объединений и ассоциаций, деятельность которых способствовала развитию среднего художественного образования по специальности «дизайн» и решению проблем стажировки и трудоустройства их выпускников. Еще в 1987 г. по инициативе специалистов ВНИИТЭ был создан Союз дизайнеров СССР.

Мария Викторовна Потехина – соискатель кафедры «История и политология» Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТИС), преподаватель Волгоградского технологического колледжа.

В 1991 г. был образован Союз дизайнеров России. В 2003 г. он объединял более 3000 специалистов, живущих и работающих в 64 городах России. Союз дизайнеров России выступал организатором выставок, конкурсов на лучшие произведения дизайна, готовил публикации по профессиональной тематике, занимался издательской деятельностью, поддерживает творческие и научные контакты с ведущими учебными заведениями России, готовящими будущих дизайнеров.

«Закон об образовании» 1992 г. создал правовую основу для появления в России негосударственных образовательных учреждений высшего и среднего специального образования, которые ориентировались на подготовку специалистов, имеющих спрос на рынке труда, включая некоторые художественные специальности, в первую очередь, связанные с дизайном, индустрией моды, искусством фотографии и т.п.

Аналогичные образовательные направления на коммерческой основе стали открывать государственные художественные вузы и училища культуры и искусств, например Ленинградский областной колледж культуры и искусства (в нем в 1991 г. появилось отделение декоративно-прикладного искусства и народных промыслов), а также учебные заведения технологического профиля. Дизайнеров готовили некоторые старейшие художественные ссузы, такие, как Орловское художественное училище (специализации «Реклама в архитектурно-пространственной среде», «Промографика и реклама») Московское академическое художественное училище памяти 1905 г., и др.

Тем не менее, в начале 2000-х гг. во многих регионах России сохранялся высокий спрос на специалистов в области промышленного дизайна, стилистов, модельеров и т.п.³ Особенно востребованы оказались специалисты в области дизайна различных направлений. Директор Классического колледжа художественно-эстетического образования и дизайна в г. Орехово-Зуево О.А. Денисова отмечала, что «свобода индивидуальности породила повсеместную необходимость в создании огромного количества новых разнообразных форм, дефицит представителей этой творческой профессии превратился в насущную проблему»⁴.

Это явление создало благоприятную социально-экономическую среду для развития

художественного образования по данным специальностям и способствовало решению финансовых и материально-технических проблем учебных заведений, успешному трудоустройству выпускников или их перехода на следующий образовательный уровень. В конце 1990-х – 2000-е гг. одной из наиболее востребованных профессий стали менеджеры в сфере культуры и искусства, в частности, техников-менеджеров по мебельной промышленности и народным промыслам готовил Московский колледж художественных ремесел и другие средние специальные учебные заведения. В условиях развития информационного общества в их деятельности большую актуальность приобрела подготовка Web-дизайнеров, компьютерных графиков.

Классический колледж художественно-эстетического образования и дизайна был открыт в 2003 г. Орехово-Зуево Московской области. Он предлагал обучение по специализациям: дизайн интерьера, дизайн ландшафта, веб-дизайн, дизайн рекламы, дизайн костюма, художник-декоратор, художник-оформитель, художник-живописец, культурконсульт. Орловский областной колледж культуры и искусств в начале 1990-х гг. открыл отделение «Фотовидеотворчество», которое обеспечило кадрами местные каналы телевидения.

В 1990-е гг. была существенно обновлена учебно-методическая база среднего профессионального образования, в том числе, разработаны и утверждены новые стандарты специальностей высшего и среднего специального образования, разработаны в соответствии с ними новые программы обучения.

В частности, приказом Министерства образования Российской Федерации от 2 июля 2001 г. № 2572 «Об утверждении государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования – Классификатора специальностей среднего профессионального образования» была утверждена специальность 0514 Дизайн (по отраслям) и 0515 Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы. Они вводились в действие с 1 сентября 2004 г. 16 апреля 2004 г. был утвержден ГОС СПО по специальности 0514 Дизайн.

Во второй половине 1990-х – 2005 гг. значительно расширилась подготовка кадров ху-

дожественного профиля в многопрофильных и педагогических колледжах (училищах), особенно в базовых региональных образовательных учреждениях. В частности, Московский технологический колледж № 309 Всемирного союза ОРТ предлагал подготовку по специальностям дизайн костюма, дизайн кино-фото-рекламы, конструирование и моделирование одежды из ткани. Московский художественно-педагогический колледж с 1997 г. начал подготовку по специальности «Парикмахерское искусство по международным образовательным программам», в том числе, по программе Парижской академии парикмахерского искусства «Saint Louis». В этом же колледже действовал театр моды «Шарм» и «Дизайн-студия» на отделении «Швейное производство»⁵.

Развитие этого направления среднего профессионального образования осуществлялось и в отдаленных регионах страны. Так, в Намском педагогическом колледже в Республике Саха (Якутия) с 1999 г. разрабатывался стандарт и его национально-региональные компоненты по специальности «Технология и дизайн» и квалификации «Учитель технологии и дизайна», причем эта работа велась с учетом задачи создания сопоставимых программ и учебных планов среднего высшего профессионального образования.

В 1990-е гг. начался процесс включения средних специальных учебных заведений художественного профиля в процесс формирования систем непрерывного образования. Активную роль в этом процессе играли Московский институт (с 1994 г. университет) культуры, Санкт-Петербургская академия культуры, Краснодарская академия культуры, Красноярская государственная академия культуры и искусства, Самарская государственная академия культуры и искусств и другие вузы, заключавшие договоры о сотрудничестве с колледжами культуры и искусств.

Художественные училища и колледжи открывают своим выпускникам путь в престижные высшие учебные заведения. Так, выпускники Ленинградского областного колледжа культуры и искусства продолжают образование в Академическом институте живописи скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, Санкт-Петербургской Высшей государственной художественно-промышленной

Академии им. Штиглица, Театральной Академии (художник кукол, костюм), Академии Культуры и Искусств, Академии Технологии и Дизайна.

Активно сотрудничали профильные вузы с техникумами и колледжами, осуществлявшими подготовку дизайнеров и стилистов. В частности, значительное место программы непрерывного образования художественного профиля занимали в деятельности Московского государственного университета сервиса⁶. Еще в 1970-1980-е гг. подготовку художников-технологов по специальности «Художественное оформление, моделирование изделий текстильной и легкой промышленности» осуществлял художественно-технологический факультет Московского технологического института, где, в частности, преподавал всемирно известный кутюрье В.М. Зайцев. В 1990-е – 2005 гг. МГУС осуществлял научно-методическую поддержку технологических техникумов и колледжей, лучшие выпускники которых имели право льготного поступления в университет сервиса по достаточно широкому спектру специальностей.

В том числе, в составе МГУС действовал Институт дизайна, изобразительного и прикладного искусства с факультетами моды и дизайна, изобразительного и рекламного искусства, декоративно-прикладного искусства и интерьера. Кроме того, сам МГУС осуществлял программы повышенного уровня среднего профессионального образования по специальностям «Косметика и визажное искусство» с квалификацией выпускника «технолог-эстетист», «Парикмахерское искусство» с квалификацией «модельер-художник» и «Техника и искусство фотографии» с квалификацией выпускника «фотохудожник». К началу 2002 г. в системе МГУС действовало 12 колледжей, в том числе осуществлявших образовательную деятельность по профилю «мода и дизайн»⁷.

В 1990-е гг. в муниципальном и частном секторе начального профессионального образования также получает развитие подготовка по данным специальностям, что позволило выстроить трехступенчатую систему непрерывной подготовки специалистов по наиболее востребованным в современной России направлениям художественного образования.

Наиболее успешно подобные программы осуществлялись в учебных заведениях инно-

вационного типа – профессиональных лицах. Например, московский Лицей художественного текстиля № 323 принимал выпускников 11 классов на обучение по профессиям: модельер-конструктор (специализация – ручная роспись по шелку, ручное ткачество, художественная вышивка) со сроком обучения 3 года, мастер золотого шитья, мастер по росписи ткани, портной верхней легкой одежды, дизайнер по изготовлению искусственных цветов и аранжировке со сроками обучения 2 года. В лицее действовал также факультатив по обучению бисероплетению и моделированию. Московский художественный профессиональный лицей № 303 предлагал обучение по специальности «дизайнер со знанием компьютерной графики и анимации».

В 2000-е гг. существенное развитие получили теория и методика подготовки специалистов со средним специальным образованием в области моды и дизайна, был подготовлен и выпущен в свет ряд учебных пособий по различным направлениям дизайна⁸.

Таким образом, в течение периода 1980 – 2005 гг. среднее профессиональное образование в области моды и дизайна стало одним из востребованных направлений отечественного образования, как в государственном, так и негосударственном секторе.

Обучение по данным специальностям осуществляется в рамках систем непрерывного образования, в учебных заведениях инновационного типа на основе соединения новейших педагогических подходов и технологий и традиций российского дизайнерского искусства и образования⁹.

Примечания

¹ См.: Дизайн в СССР: 81 – 85: Обзор НИИ технической эстетики. М., 1987; Хан-Магомедов С.О. Пионеры советского дизайна. М., 1995; Кантор К.М. Правда о дизайне: дизайн в контексте культуры доперестроечного тридцатилетия, 1955–1985: история и теория. М., 1996.

² Доклад международной комиссии по образованию 21 века, представленный для ЮНЕСКО: «Образование: сокрытое сокровище». М., 1997. С.62.

³ Вершинина В.В. Арзамасская художественная школа: История и современность // Художественное образование в России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 2002.

⁴ С профессиональным голодом покончено // Орехово-Зуевская правда. 17.10.06.

⁵ История среднего профессионального образования в России. М., 2001. Т.2. С.59.

⁶ До 1993 г. – Московский технологический институт (МТИ), в 1993- 1998 гг. – Государственная академия сферы быта и услуг (ГАСБУ), с 2007 г. – Российский государственный университет туризма и сервиса (РГУТИС).

⁷ Сервис в России: теоретические и прикладные вопросы. М., 2002. С.37, 160.

⁸ Тихонов-Бугров Д.Е. Дизайн в рекламе и упаковке: учебное пособие. СПб., 2000; Ермилова В.В. Моделирование и художественное оформление одежды: Учебное пособие для студентов образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования. М., 2004; Львова И.А. Дизайн среды: Введение в специальность: Учебное пособие. Калуга, 2006; и т.п.

Н.Х. Джекaнoвич

История развития письменности

Письмо является одним из величайших изобретений человечества. Происхождение письма следует относить к тем эпохам, когда у говорящих людей появилась потребность общаться с отдаленными членами рода или с другими племенами в тех случаях, когда общение звуковым языком невозможно или затруднительно. Главные затруднения для общения представляют пространство и время. Устное речевое общение возможно в пределах слышимости речи или на определенном расстоянии от человека. Уже в античные времена сложились поговорки о преимуществах письма перед устной речью: «*Verba volant-skripta manent*» («Слова летают, надписи остаются»), – гласит латинская поговорка. Это изречение примерно соответствует русским пословицам «Слово не воробей, вылетит не поймаешь» и «Что написано пером, не вырубишь топором».

Искусство письма после речи является самым разумным и могучим средством, с помощью которого человек выражает свои желания и мысли и делает их понятными для других. Благодаря письму, наши идеи, мысли и знания, вся наша умственная и духовная жизнь не умирает вместе с нами, а сохраняется в течение долгого времени, превращаясь в драгоценное достояние для последующих поколений. «Письмо-это чудесная, неиссякаемая чаша, которая всегда остается полной, несмотря на то, что всякий из нее черпает», – говорил немецкий писатель Вуттке. Только письмо дает нам возможность запомнить огромную массу приобретенных веками сведений, благодаря письму мы имеем школы, в которых передаем нашим детям огромный и ценный запас знаний, который мы получи-

ли от наших предков. Письмо имело и имеет огромное значение во всемирной истории человеческой культуры и занимает самое видное место в общей картине прогресса и цивилизации. Жизнь людей современного цивилизованного мира до того тесно связана с письмом, что без него была бы невозможна и сама цивилизация. Целый ряд великих изобретений, великих открытий неразрывно связан с искусством письма, например, книгопечатание. Письменность помогла решить проблему хранения информации, обеспечила связь прошлого с будущим.

Письмо – это знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени. Письменность появилась примерно к 3300 г. до н.э. в Шумере, к 3000 г. до н. э. – в Египте, к 2000 г. до н. э. – в Китае. Во всех регионах этот процесс шел по одной схеме – рисунок – пиктограмма – иероглиф – алфавит.

Высокое культурное значение письма не подлежит сомнению. Каким же образом удалось человеку изобрести это важное искусство, и кому именно принадлежит идея создания письменности? Египтяне, вавилоняне и другие древние народы смотрели на письмо, как на дар, ниспосланный богами, и только впоследствии изобретение письма приписывали финикийцам. Но кто бы ни изобрел письменность, несомненно, одно, что это изобретение не далось человеку сразу. Искусство письма проходило определенные этапы развития, прежде чем оно стало таким, которым пользуется современное человечество.

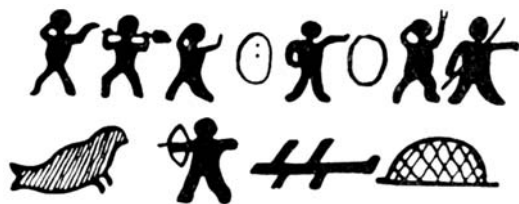
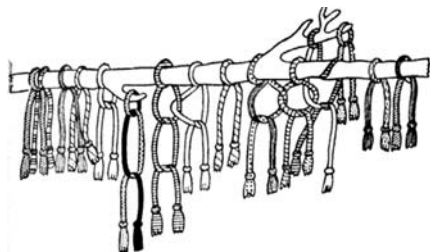
Известно, что первыми посланиями были, так называемые, «живые послания», которые мало напоминают наши письма. Для передачи своих мыслей и желаний люди часто исполь-

Нурсяня Хосяиновна Джекaнoвич – учитель начальных классов ГОУ СОШ № 1279, Москва.

зовали предметы, которые обозначали понятия или использовали животных. Это пример символической сигнализации, где каждый предмет, что-либо символизирует. Так, греческий историк Геродот рассказывает, что, когда древние персы потребовали от скифов добровольного признания их могущества и власти, то вместо ответа скифы им послали птицу, мышшь, лягушку и пять стрел. Все это означало следующее: «Персы, если только вы не умеете летать подобно птицам, прятаться в землю подобно мышам, прыгать по болотам подобно лягушкам, то будете осыпаны нашими стрелами, лишь только вступите в скифскую землю». Общий смысл такого послания был разгадан жрецами персидского царя Дария не только исходя из этой прямой символизации, но и из знания кто такие скифы, где они живут, как воюют и т.д. (Шницер Я.Б. С. 11).

Наряду с символической сигнализацией существует и условная сигнализация. Так, некоторые народы американских индейцев, точнее перуанцы и мексиканцы, а так же дикие племена западной Африки использовали узелковое письмо. Таково перуанское письмо *кипу*: палочка с навязанными шнурками узелками, которую можно послать с гонцом как письмо. О «значении» узелков заранее договаривались те, кому посылалось и те, кто посылал «послание». Такими знаниями обладала особая каста жрецов. Сообщения, которые передаются таким способом, могут быть только элементарными и схематичными; это чаще всего какие-нибудь указания, сигналы бедствий и т.п.

Бесспорно, начертательное письмо имеет большие возможности. Начертательное письмо мы встречаем почти у всех народов земного шара на низших ступенях их культурного развития. Известную роль в историческом искусстве письма имела татуировка. Дикие племена Африки, Америки и Австралии употребляли всевозможные знаки для украшения сво-

его тела. Татуировка научила людей выражать понятия при помощи рисунков и таким образом послужила переходной ступенью к пиктографии (от латинского *pictus* – «живописный» и греческого *grapho* – «пишу»), т.е. картинному письму, письму рисунками. Первые приемы картинного письма были несложные. Люди изображали жизненные ситуации, вещи, существа. (Шницер Я.Б. С. 22–24).

С развитием понятий и абстрактного мышления возникают такие потребности письма, которые пиктография уже не может выполнять, и тогда возникает идеография (от греческого *idea* – «идея» и *grapho* – «пишу»), т.е. «письмо понятиями», которые возникают в сознании человека и требуют своего выражения на письме. Рисунок по-прежнему остается, но меняется смысл, например, рисунок глаза, как пиктограмма обозначает «глаз», а как идеограмма – «зоркость», «бодрствование». Одни и те же рисунки могли иметь и прямое и переносное значение, что затрудняло общение. Потребность передавать более сложные по содержанию и длинные по размерам тексты привели к схематизации рисунков, к превращению рисунков в условные значки – иероглифы (от греческого *hieroglyphoi* – «священные письмена», «резьба жрецов»), так как, во-первых, не писали, а резали на кости и других материалах, а, во-вторых, «тайной» иероглифического письма владели жрецы (Реформатский А.А. С. 353).

Между тем, как в Египте развивалась система иероглифов, у древних обитателей долины Тигра и Евфрата, постепенно вырабатывалось письмо особого рода, которое известно под названием клинописи. Это одна из сложных и неудобных систем для выражения своих мыслей. Несмотря на это, письмо имело обширное распространение. Название свое это письмо получило от формы его знаков, имеющих клинообразную форму. Самым обычным материалом для письма служила глина, из которой приготавливали особые

плитки, кирпичи и цилиндры, на которых палочками выдавливались изображения в виде клинообразных палочек или углов. Клинья эти делались с большой быстротой, и многие писцы достигали в этом замечательного искусства. Глиняные дощечки обжигались на огне, тем самым сохранялись без изменений в течение тысячелетий (Шницер Я.Б. С. 69). Тексты, расшифрованные исследователями, произвели научную сенсацию. Так, тысячи табличек, найденных в столице Ашшурбанипала, представляли собой настоящую огромную библиотеку. Здесь были произведения лирической поэзии, исторические хроники, религиозно-философские и математические труды. Однако клинописные таблички служили и для сугубо практических целей – многие из них представляют собой долговые обязательства, опись имущества, торговые договоры и прочие бытовые документы. Благодаря им ученые узнали не только о научных достижениях, но и о повседневной жизни людей, живших в те времена (Малов В. С. 5).

Технический прогресс письма, т.е. изыскание более подходящего материала, на чем пишут, и инструментов письма, привел к тому, что от камней и кусков дерева или коры перешли к надписям на специальных материалах. В Египте были придуманы свитки из папируса, клетчатки нильского тростника, в других местах – разного рода обработка кожи (пергамент) и, наконец, в Китае была изобретена бумага. Вместо высекающих по камню и царапающих по дереву орудий при новых материалах появились пишущие орудия: тушь и кисточка, которыми можно было гораздо быстрее изображать нужные знаки. На данном этапе развития письменности главное было в том, чтобы письмо сделать более доступным для пользующихся им, а количество таких людей все возрастало в связи с развитием торговли, передвижений и, наконец, с установлением государственности. Иероглифическое

письмо удобно тем, что посредством его знаков можно передать и наглядное, и отвлеченное содержание; здесь уже возникает вопрос алфавита, т.к. , для того , чтобы читать и писать, надо знать и иметь в распоряжении известный набор знаков и определенное для данного текста и притом очень большое количество иероглифов. (Реформатский А.А. С. 355).

В дальнейшем письмо стало передавать язык в его фонетическом облике. Самый продуктивный способ оказался в фонографии (от греческого *phone* – «звучание» и *grapho* – «пишу»), когда ассирийцы и вавилоняне свои сложные слова стали разлагать на «кусочки», созвучные с короткими словами шумерского языка, т.е. в конце концов на слоги. Тогда иероглиф стал обозначать слог.

Лучшим примером такой слоговой системы служит древнеиндийское письмо «девангари», где каждый знак служил изображением согласной в сочетании с гласной *a*, т.е. слогов па, ба, та, да и т.п.; для того, чтобы читать другую гласную, применялся надстрочный или подстрочный знак; если требовалось передать одну согласную, то ставился особый подстрочный «запретительный» знак вирама. Получается сравнительно простой алфавит, употребление которого не требует особых логических и грамматических познаний (Реформатский А.А. С. 358).

पाणा उपधेहि

Дальнейший шаг в развитии фонографии мы находим в письме древних евреев и финикийцев, где буквами обозначались согласные, выражавшие корни, а чередовавшиеся между ними гласные, для выражения грамматических форм, обозначались на письме диакритическими (от греческого *diakritikos* – «различительный») знаками. Таким образом, алфавит становился еще более экономным: в арабском, например, 28 букв для согласных и несколько «харакат» для гласных. Этот тип письма называется консонантным.

Последний шаг на пути фонографии был сделан древними греками, которые заимствовали графические знаки, судя по названиям букв, от финикийцев и евреев, и стали обозна-

чать буквами не только согласные, но и гласные. Таким образом, греческий алфавит был первым буквенно-звуковым алфавитом и послужил в дальнейшем основой для алфавитов латинского, славянских и многих других. Этот исторический процесс развития алфавитной системы мира можно расположить в хронологическом порядке, т.е. в той последовательности, в которой они развивались у различных народов. Тогда открывается картина, свидетельствующая о том, что существующие алфавиты не выдумывались и не изобретались отдельными личностями, а вырабатывались один из другого путем постепенных уклонений от первоначального типа, причем каждый алфавит должен был пройти целый ряд промежуточных стадий, прежде чем получил свою окончательную форму (Шницер Я.Б. С. 109).

На основе древнесемитских алфавитов возникло арамейское письмо, которое через данные типы сирийского письма распространилось на восток к уйгурам и далее к монголам и маньчжурам. На юг арамейское письмо перешло к арабам и к покоренным ими народам. Арабским алфавитом писали все народы, принявшие магометанство: персы, турки, татары, азербайджанцы, узбеки и туркмены. Его применяли и некоторые кавказские народы – абхазы и народы Дагестана. Римляне переработали греческий алфавит и создали удачное письмо для своего языка, и затем передали его всем романо-германским народам (испанцам, французам, итальянцам, португальцам, румынам, немцам, англичанам, шведам, норвежцам, датчанам). Латинский алфавит приняли также финны, венгры, эстонцы, латыши, литовцы, албанцы и некоторые славянские народы: поляки, чехи, словаки, словенцы и хорваты.

Особые алфавиты, очень древние, происхождение которых не вполне ясно, имеют армяне и грузины. В IV в. н.э. епископ Вульфила придумал алфавит для германского народа готы, исходя из образцов греческого и некоторых германских знаков рунического письма (письмо рунами от древнескандинавского *run*- «тайна», состоявшее из «палочковидных» угловатых знаков в Скандинавии и Англии). Алфавит этот известен по дошедшему до нас знаменитому «Codex Argenteus», который со-

держит перевод Евангелия на готский язык и написан серебряными буквами на красном пергаменте. В настоящее время как готский, так и рунический алфавит, имеет для нас лишь исторический интерес, т.к. обеим этим азбукам не долго суждено было существовать, и в конце концов, они обе были вытеснены латинским алфавитом (Шницер Я.Б. С. 194).

Славянский алфавит получил свое начало во второй половине IX в. Говоря о славянском письме, мы должны иметь в виду не одну славянскую азбуку, а две азбуки – глаголицу и кириллицу, применяемые Кириллом и Мефодием, их ученики и последователи. Обе эти азбуки живут в славянской письменности с самого ее зарождения. Несомненно, обе эти азбуки имеют теснейшую связь: значение, название и порядок букв (Шницер Я.Б. С. 198).

Глаголица применялась главным образом в Хорватии, наряду с более поздней латиницей. Первоначально это был алфавит для всех славян, и наиболее древние памятники славянской письменности именно глаголические.

Возвращаясь к вопросу о происхождении письменности, важно отметить, что изучением истории развития письменности занимается грамматология – область языкознания, которая устанавливает и изучает соотношения между буквами алфавита и звуками речи. Грамматология как отрасль языкознания появилась достаточно давно, практически одновременно с языкознанием: что касается философской грамматологии, ее возникновение относят к XVIII в. и связывают с творчеством Ж.-Ж. Руссо (хотя начатки философской грамматологии, как показывает Деррида, можно обнаружить уже у Аристотеля и Платона). Философская грамматология рассматривается как особая познавательная дисциплина, призванная исследовать роль письменности в культуре, взаимосвязь и взаимовлияние письменности и культуры в истории общества.

Литература

- Малов В. Книга. М., 2002.
Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 2003.
Шницер Я.Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен. М., 1995.

М.А. Сапронова

Социально-политическая доктрина халифата как сущность власти в мусульманском государстве

Синтез религии и политики, заложенный в самой исламской традиции, выводит ислам за рамки религии, позволяет говорить об исламе как об особой цивилизации и культуре. В рамках этой культуры сформировалось богатое идейное наследие, включающее и политико-правовые концепции.

Моделью идеального мусульманского общества на протяжении столетий была община Мухаммеда. Теоретически политическая и социальная структура мусульманского общества должна воспроизводить именно эту модель. Однако, как показывает история, на практике идеальная модель существовала только в сознании мусульман, в реальной же жизни она начала модифицироваться уже сразу после смерти пророка Мухаммеда. Это объяснялось, прежде всего, тем, что Мухаммед взял на себя комплекс социальных функций (исследователи раннего ислама называют не менее восьми таких функций, главной из которых была миссия посланника Аллаха), который в полном объеме не выполняли даже его первые преемники – «праведные халифы».

Теоретически верховная политическая власть должна принадлежать Аллаху. Мухаммед же, являясь его посланником, только реализовал божественную волю, получая указания путем непосредственного общения с Аллахом. Заместители Пророка – халифы уже не имели возможности такого прямого общения и должны были руководствоваться указаниями, переданными через Мухаммеда и составившими содержание Корана и сунны. Тем не менее, по прошествии сравнительно небольшого промежутка времени функции верховной политической власти перешли к халифам¹. Одновременно значительное число

функционеров стали выполнять в той или иной мере духовные и светские функции.

После первого раскола в исламе и возникновения шиитского, хариджитского и суннитского течений в мусульманской идеологии определились и три различные модели (структуры) политической власти². Во всех трех моделях источником верховной власти над людьми признается Аллах, разногласия же заключаются в том, каким образом эта власть должна реализовываться. Для суннитов и хариджитов – это имамат, верховное руководство общиной, осуществляемое выборным главой – халифом, сочетающим светскую и духовную власть. Шииты рассматривают имамат как божественное установление, и, следовательно, имам является для них непосредственным исполнителем предписаний Аллаха (функция Мухаммеда, не перешедшая к суннитским халифам) и имеет определенную связь с Богом. В силу этого и «функционеры» шиитской общины («духовенство») отличаются функционально от суннитских, являясь представителями имама³.

Концепция исламского единства, таким образом, непосредственно связана с теорией халифата, поскольку именно халифат был основной формой ее политической реализации. На протяжении всей истории развития идеи исламского единства важную роль играли воззрения мусульманских ученых на политическую организацию исламского общества. Совокупность этих воззрений можно обозначить, хотя и достаточно условно, как социально-политическую доктрину. В основе этой доктрины лежит представление о том, что общество должно руководствоваться заветом Аллаха, а не законами людей, так как только он является источником власти, люди же – лишь проводники божественной воли, реализация которой – основная функция «земной» власти. Вто-

Марина Анатольевна Сапронова – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО (Университет), Москва.

рой основополагающий тезис доктрины заключается в идее неразделенности светской и духовной власти халифа.

Вопрос о характере и форме власти в мусульманском обществе всегда был предметом изыска- ний богословов и мыслителей мусульманского мира, причем, чем больший промежуток времени отдалял их от периода правления правоверных халифов, тем более это время идеализировалось, превращаясь в своего рода эталон «идеального государственного устройства», а сама модель этого устройства все более удалялась от реальности. Более того, исторические факты свидетельствуют, что политическая организация раннеисламского общества в действительности существенно отличалась от «идеала», построенного впоследствии средневековыми авторами⁴. Категория *халифата* рассматривалась с двух точек зрения – *как сущность власти в мусульманской общине и как форма правления в государстве*.

Для многих ученых мусульманского средневековья был характерен прагматический подход к вопросу о характере мусульманского государства: в подавляющем большинстве они поддерживали институт халифата, наполняя содержание идеи власти халифа теми элементами, которые наиболее соответствовали историческому моменту. Отсутствие реального политического единства мусульман, усиление феодальной разобщенности мусульманского мира, многочисленные войны между исламскими государствами в еще большей степени закрепили в средневековой мусульманской общественной мысли представление о периоде «праведных» халифов как о единственной приемлемой модели исламского единства.

Вопрос о халифате как форме политической организации всех мусульман вновь возникает в период становления национально-освободительного движения. Идея исламского единства приобретает реальный смысл в условиях, когда европейский колониализм стал общим врагом для всех мусульманских народов. Произведения Джемаль ад-Дина аль-Афгани, Абд ар-Рахмана аль-Кававибби, Мухаммеда Абдо и др. послужили основой для разработки концепции исламского единства в условиях существования независимых мусульманских государств, причем развитие ее продолжало идти как в направлении панисламизма, так и по линии регионального мусульманского национализма.

Политической формой исламского единства

его идеологи считали халифат, путь к созданию которого они видели в последовательном осуществлении культурного, политического и экономического сотрудничества между мусульманскими странами, за которым должно следовать образование «союза исламских наций» и выборы халифа в качестве «объединительного средства». Халифат рассматривался, таким образом (в частности, идеологом «Братьев-мусульман» Хасаном аль-Банной) *не как форма правления, а как сущность власти в мусульманской общине*. Такая межгосударственная общность, по их мнению, была призвана осуществлять исламский путь развития, противопоставляя мусульманский мир остальному человечеству. Государства, которые должны входить в халифат, имели бы «исламский порядок» и должны были отвечать трем главным принципам: Коран должен составлять основу конституции; правление должно осуществляться посредством совещательного совета (шура); исполнительные органы должны быть ограничены учением ислама и «желанием общины».

В последние годы целый ряд идеологов исламского единства обращались к разработке концепции единого исламского государства, которая стала играть важную роль в политическом противостоянии, и в настоящее время нередко берется на вооружение различными общественно-политическими силами, выступающими под исламскими лозунгами. При этом делались попытки придать ей конкретное очертание вплоть до формулирования программы действий, направленных на ее реализацию. В качестве первоочередной задачи выдвигалась «духовная революция», понимаемая как «кардинальная перестройка системы образования и пропаганды» с целью более глубокого распространения мусульманской культуры и развития сотрудничества между исламскими государствами, что обеспечило бы «единство мыслей и действий», и неразрывно связывалось с укреплением роли шариата в общественной жизни. Само единое исламское государство мыслилось на конфедеративной основе. Эта идея была выдвинута в 1979 г. университетом аль-Азхар и сформулирована в Проекте исламской конституции. Такое понимание единого государства характерно для большинства мусульманских идеологов, некоторые из которых вкладывают именно подобный смысл в понятие халифата применительно к современности: о халифате – конфедерации писали идеологи «Братьев-мусульман», с идеей общемусульманского государ-

ства-конфедерации выступали и теоретики исламского социализма 50–60-х гг. и идеологи Лиги исламского мира.

В современных арабских странах концепции возрождения халифата все чаще отводится роль силы, которая используется в идейной борьбе различных общественно-политических организаций за влияние на массы. В настоящее время идеи построения исламского государства выражают политические партии и движения, базирующиеся, прежде всего на идеологии салафизма.⁵ В последние десятилетия XX в., когда значение ислама как политического фактора быстро росло, журналисты и ученые в попытке разъяснить сущность различных проявлений этого феномена внесли основательную путаницу в эти представления. Так, однотипные явления фундаменталистского толка подчас называются по-разному, типологически разные – одинаково, хотя каждое название, как правило, отражает отдельные их реальные черты. При этом все ученые сходятся во мнении, что в настоящее время научно обоснованного определения фундаментализма нет⁶. Иными словами, призыв возврата к чистоте истоков содержит в себе зерна фундаментализма. Можно согласиться с мнением Л.Б. Алаева, который в этой связи подчеркивает, что «истинное значение переосмысления религиозных догматов состоит в том, является ли призыв «назад» действительным содержанием того или иного учения или же это лишь способ вычленив в традиционной религии то зерно, на котором можно построить современное мировоззрение»⁷. Проблема, как представляется, заключается в том, что в исламском фундаментализме всегда содержались обе эти тенденции.

Не вдаваясь в детальную характеристику многочисленных течений, представляющих данное направление, а также тех проблем в отечественном и зарубежном исламоведении, которые связаны с терминологическими определениями этих течений, остановимся на их теоретических разработках, затрагивающих вопросы функционирования власти в исламском государстве.

Исламизм исходит из единства светского и религиозного начал. Его идеологи не приемлют и намек на секулярность, т.к. хорошо осознают, что без признания за исламом «нерасчлененности» мирского и духовного их построения тотчас же становятся несостоятельными. Своими истоками это течение уходит в средние века и связано с именем выходца из Сирии улема Таки ад-Ди-

на ибн Таймийи аль-Харрани ад-Димашки, известного как ибн Таймийа, (1263–1328), который в общем виде сформулировал те идеи, которые в настоящее время составляют концептуальную основу исламизма⁸. В своем учении Ибн Таймийа выступал за абсолютное доверие к Корану и словам Пророка Мухаммеда и считал необходимым строго следовать заповедям сподвижников Пророка и нормам их поведения; категорически отвергал любые «недозволенные нововведения», которые он рассматривал как ересь; не допускал разделения государства и религии. Религия же, по его мнению, слабеет без государственной поддержки, и если правитель отходил от ислама, то его подданные обязаны были восстать против него. Ибн Таймийа настаивал также на принципе «мубайа’а», т.е. на взаимном обязательстве (обоюдной клятве) правителя и общины соблюдать права друг друга; выступал против коррупции и обогащения; добивался конфессиональной сегрегации, противопоставляя мусульман остальным верующим (известно его требование подвергнуть казни некоего христианина, оскорбившего Коран) – тем самым закладывались основы свойственного исламистам тотального неприятия чужого опыта.

Среди идеологов исламизма XX в. выделяется несколько фамилий: египтянин Сайид Кутб (1906–1966), принявший катарское гражданство египтянин Юсуф Кардави (р. 1926), пакистанец Абу Аля Маудуди (1903–1979), суданец Хасан ат-Тураби, саудовец Абд аль-Азиз Бен Баз, палестинец шейх Така ад-Дин ан-Набахани (1909–1979) и шейх Ахмед Ясин (1938–2004) и другие. Все эти твердые последователи салафизма являются не только идеологами, но принимают самое активное участие в политической жизни своих стран. Их объединяет то, что свой духовный авторитет они обретали вместе с политическим опытом, становясь одновременно религиозными наставниками и политическими лидерами, олицетворяя, таким образом единство религии и политики. Однако конечной их целью является не успех в теологической дискуссии, а победа на поле идеологической и политической борьбы, их сверхзадача – сформулировать собственную альтернативу, внедрить ее в жизнь и обязательно защитить от возникающих вследствие внешнего давления деформаций.

Среди европейских и американских ученых сложились два полярных взгляда на перспективы исламизма. Согласно первому он обречен на не-

удачу и уже потерпел поражение, согласно второму – это направление в идеологии и практике мирового мусульманства является вечным, а в начале XXI в. еще больше набирает силу.

Тем не менее, все авторы согласны с тем, что приход к власти исламистов не тождествен созданию исламского государства. Их победа почти неизбежно, хотя и не сразу приводит к размыванию самой идеи исламизма, демонстрирует зыбкость исламской политической конструкции, ее институции, что связано, прежде всего, с размытыми теоретическими положениями самой концепции и интерпретации исламского государства.

В любом случае, у исламистов *нет единого мнения о том, каким должно быть исламское государство, за построение которого они ведут борьбу*. У них также самые разные представления и о том, как достичь конечной цели, с помощью каких форм борьбы, через какие этапы необходимо пройти в процессе создания исламского государства. Причем это разнообразие взглядов и подходов можно обнаружить даже в одной и той же организации. Тунисский публицист Халиб Булярес утверждает, что «наибольшего успеха достигают те воинствующие религиозные организации, которые совсем не заботятся о теоретических тонкостях. Боевика, который приходит в исламистскую организацию, интересует не тема для диссертации»⁹.

Как отмечает М.И. Филиппова, «подавляющее большинство американских социологов и востоковедов, специально останавливаясь на анализе теорий «исламского порядка», приходят к выводу об их утопичности»¹⁰. Трудность разработки модели «исламского порядка», по их мнению, заключается в том, что ислам, подобно другим мировым религиям, уделяет слишком мало внимания проблемам государства и экономики. «Шариат, – пишет М.Йап, – это главным образом кодекс поведения для индивидов, которые составляют исламскую умму... Только путем индукции можно сконструировать мусульманскую политическую философию, но какая же это будет примитивная и пустая структура»¹¹.

Любое исламское государство или мелкомаштабное образование, в конце концов, прямо или косвенно вынуждено отказываться от гипертрофии религиозного императива и начинает эволюционировать в сторону светскости. Ему приходится насильно навязывать обществу (большей

его части) религиозные нормативы поведения и запреты. Выступая от имени религиозной общины, государство сталкивает ее с индивидом, ограничивает созидательную возможность, в конечном счете, обрекая общество на внутреннее противостояние.

Примечания

¹ М.Б. Пиотровский. Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе (история и современность). Отв.ред. И.М. Смилянская. М., 1987. С. 6–20.

² Г.В. Милославский. Интеграционные процессы в мусульманском мире. М., 1991. С.80.

³ О концепциях власти см: E.Rosenthal. Political Thought in Medieval Islam. Cambridge, 1962.

⁴ В.В. Бартольд. Халиф и султан // В.В. Бартольд. Сочинения. М., 1966. Т. VI. С. 15–78.

⁵ От арабского «ас-салаф ас-салих» – «праведные предки». Салафитских организаций в мире довольно много. В настоящее время существует всемирная сеть радикальных исламских организаций салафитского толка (см:). Наиболее популярную электронную хрестоматию салафитской мысли можно найти на сайте Al Wala'wa'l Baraa (Azzam Brigades) (<http://membres.tripod.com/-Suhayb>)

⁶ Наиболее часто употребляемым является термин «исламизм» – один из множества терминов, определяющих политическую активность под эгидой религии. Этот термин «объемнее» остальных, так как включает в себя сразу три компонента: религиозный (корень «ислам»), идеологический («кизми») и политическое действие, и, кроме того, не требует дополнительных пояснений, как, например, интегрим, нативизм или ревайвализм (от «revival» – возрождение).

⁷ Л.Б. Алаев. История традиционного Востока. С древнейших времен до начала XX века. М., 2004. С. 302.

⁸ Ибн Таймийя. Шариатская политика, Бейрут, 1966 (на арабском языке).

⁹ В качестве характерного примера теоретической неподготовленности исламистов он приводит незнание основ религии, продемонстрированное на суде многими членами организации Священная война, ответственной за убийство Анвара Садата. Boulares Habib., A la recherche des norme perdue. Tunis, 1983. P. 72.

¹⁰ М.И. Филиппова. «Исламский бум» глазами ориенталистов и социологов США // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. Под ред. А.И. Ионовой. М., 1985. С. 262.

¹¹ М.Е. Япп. Contemporary Islamic Revival, L., 1980. P.184.

С.А. Прокопенко

Современная испанистика об особенностях брачного поведения «благородных» в Испании раннего Нового времени

Испанское общество при Габсбургах было переходным. Социальный статус испанца определялся в ту эпоху сословной принадлежностью, имущественным положением, этно-религиозными корнями, полом и причастностью к городскому или деревенскому миру.

Важнейшей чертой испанского общества была сословность. Или, как уточнил Б. Беннассар, кастильское общество осознавало себя как сословное и структурированное на три части¹. Арагонским влиянием можно объяснить существование в ряде приграничных городов Кастилии XVI в. особого четвертого сословия – «горожан». Кастильские цензы XVI в. говорят, что «благородные» составляли менее 10% населения страны, клир – менее 5% и оставшаяся часть приходилась на так называемое «третье сословие». Но в Каталонии по цензу 1553 г. «благородные» насчитывала только 0,8% всех дворов².

Современные историки существенно увеличили число социальных групп в европейских странах раннего Нового времени³. Вплоть до утверждения о том, что «последовательный социальный анализ приводит к аннигиляции макрогрупп, трактуемых как конструкты»⁴. В результате Э. Сориа Месса, столкнувшись с проблемой многообразия групп формировавших благородное сословие, заявил о «практической неприменимости в качестве категории исторического анализа» термина «знать (аристократия)» к Новому времени⁵. Однако гетерогенный характер элит, трудности идентификации форм организации власти – не повод к отрицанию социальной стратификации.

Сергей Алексеевич Прокопенко – доцент кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета.

Х.А. Марабаль по примеру М. Вебера различал «доминирующую группу» и «руководящий сектор». В первую входили и так называемые «группы давления»⁶.

Ф.М. Бургос Эстебан серьезным образом углубил наши представления о функционировании власти, поставив в центр анализа семью и родственные отношения⁷. Вслед за социологами он сосредоточил внимание на таких специфичных институтах влияния как *линажи* и *кланы*. Главные характеристики линажа заключаются во временной протяженности этого семейного рода благородных и исключительно кровных узах между его членами. Клан («семейный клан») есть совокупность породнившихся семей, имеющих общее прошлое, реальное или мифическое, и отличающаяся прочной солидарностью. Особенностью родственных отношений в клане было то, что его ядро составляли семьи в необязательно чётном количестве. Ф. Галваче Валеро считает, что линаж и клан отличались также пространственной организацией. Если линажу была свойственна делокализация⁸, для клана была характерна географическая концентрация. Особое место среди неродственных отношений в клане занимали долговые обязательства (или клиентские) отношения. Они характеризовались добровольностью, и, как правило, заключались в устной форме. М.-К. Жербе, которая проанализировала родословные примерно 4000 благородных Кастилии, обратила внимание на еще одну роль клана: благодаря клиентским отношениям поддерживалась вертикальная связь между благородными разных уровней. Тем самым компенсировалась невозможность брачных уз из-за сильной социальной эндогамии высших страт⁹. Влияние клана измерялось числом свя-

зей каждого члена («масштабом») и их интенсивностью. Комбинация эндогамии и экзогамии при реализации брачной стратегии позволяла концентрировать разные типы власти, господства, влияния. А сочетание клиентских и долговых отношений давало возможность выстраивать систему взаимной поддержки в разных сферах власти и социальных группах за счет неформального влияния. Это уже был не *feudalismo*, как утверждает Бургос Эстебан, а *fidelidad* (верность), которая трансформировала власть во влияние и содействовала выживанию традиционных властных групп в рамках «Нового (абсолютистского) государства». Такое развитие ситуации было обратной стороной усиления центральной власти, что не только ослабляло родовую солидарность династий, но и повышало значимость и автономность семей.

На вершине социальной пирамиды Испании находилась аристократия. В нее входили гранды – первоначально 25 титулов принадлежавших к 20 династиям. За ними следовала титулованная знать (герцоги, маркизы, графы в Кастилии; виконты, маркизы, графы (с 1599 г.) и бароны в Арагоне). В особую страту можно выделить территориальную знать. Как правило, она, помимо майората и титула, обладала наследственными муниципальными должностями. Базовый эшелон второго сословия («благородных») составляли идалго и кабальеро. Реальных привилегий у этой категории было две: освобождение от налогов и от рекрутской повинности. Но в XVII в. налоговый иммунитет практически стал фикцией (кроме личных налогов). Ценз 1528–1536 гг. определил численность кастильского дворянства (кроме Гранды и Страны Басков) в 83672 семьи¹⁰. По цензу 1591 г. идалгию в Кастильской короне имело примерно 10% населения или 133 тыс. семей.

Дворянству были свойственны имущественное различие и крайне неравномерная география. Меньше всего идалго было в Галисии (5%), в Эстремадуре, Ла-Манче, Мурсии и Андалусии. В южных областях они порой представляли собой нисходящие ветви титулованной знати. В Каталонии в 1518 г. «кавалеров» было только 451, в 1626 г. – 526. К северу от Леона и Бургоса идалгией имела около половины населения, в Астурии, Наварре, Стране Басков она становилась почти всеоб-

щей. Но тогда большинству идалго были гарантированы или бедность, или необходимость занятий физическим трудом¹¹. Поэтому здесь складывается иерархичная структура внутри дворянства. Так в Наварре XVII в. существовали кабальерос и сеньорес де паласо («дворцовые рыцари и сеньоры» – собственно дворяне), а также инфансонес (идальго)¹².

До настоящего времени фактически отсутствуют работы о семейной (уже – брачной) стратегии грандов в раннее Новое время, хотя чуть лучше ситуация по истории титулованной аристократии. Важнейшим элементом этой социальной стратегии было сохранение родовых земель, что и закрепил институт майората, введенный «реформами Торо» в 1505 г. и сохранившийся до XIX в. Потому знать характеризовалась очень сильной социальной эндогамией. Потому в данной социальной группе требования церкви избегать браков между кровными родственниками до четвертого колена (или как исключение до третьего – «два брака между династиями») и между свойственниками не соблюдались. Государство согласовывало канонически нормы и эти родовые стратегии¹³. Бургос Эстебан выделил следующие типы эндогамных браков: параллельная эндогамия (между членами двух семей в одном поколении); последующая эндогамия (между разными поколениями двух семей); текущая эндогамия (между разными более-менее близкими членами семейных ядер).

Многочисленность дворянства порождала иную ситуацию. Как показывает пример Эстремадуры, в семьях кабальеро браки между кровными родственниками не практиковались. Из 307 браков за период со второй половины XV – по начало XVI в. лишь 1 был заключен между кузенами, еще 1 между дальними кузенами и 4 между членами одного династия. Другое важное отличие аристократии и дворянства касалось особенностей брачного контроля. В Эстремадуре, которая в начале XVI в. еще являла собой пример богатых возможностей для демографического роста благородных, аристократия и кабальеро светский целибат не практиковали. Но различия наблюдались в характере религиозного целибата. Для мужчин титулованной знати данный показатель составлял 20%, а для кабальеро – примерно 8%. Одновременно у представите-

лей последней категории был явный гендерный перекокс: женщины шли в церковь в три раза чаще, чем мужчины¹⁴.

Такие цифры можно интерпретировать, с одной стороны, как нежелание аристократических семей терять титулы, а с другой – наличие большего веера возможностей для мужчин-дворян. Чем больше у семьи (линажа) было титулов, тем зримее присутствовал подобный вид контроля. Во второй половине XVII в., когда численный рост эстремадурского дворянства создал угрозу его социальному статусу, похожая стратегия стала наблюдаться и у кабальеро. Изучение генеалогий 42 семей благородных Эстремадуры за XVI–XVII вв. показало, что в 10 семьях, где присутствовал жесткий контроль за женским потомством, насчитывалось 120 монахинь, включая 67 с «титулами» (аристократическими и сеньориальными), а в 9 семьях, где такой контроль отсутствовал, и которые обладали меньшим числом «титулов» и экзогенных связей, удалось обнаружить только 8 монахинь. Вместе с тем, аристократы, создавшие семью, ориентировались на высокую легитимную плодовитость, которая достигалась ранним возрастом вступления в брак, а также массовой практикой повторных браков в случае смерти одного из супругов¹⁵. Как свидетельствуют материалы Жербе, в Эстремадуре рубежа XV–XVI вв. 5% пар титулованной знати были стерильными, а в среднем число детей у титулованных – составило 5–6 (125 детей на 24 пары). Благородные стоявшие на более низкой иерархической ступени имели по 4–5 детей (344 на 82 пары). Причина расхождений показателей плодовитости – разница брачного возраста. Следствием высокой брачности в среде титулованной знати являлся невысокий показатель бастардов. В XVII в. у аристократии из-за демографического давления включается дополнительный регулятор рождаемости – повышается возраст вступления в первый брак. Тем самым брачная модель аристократии по этому показателю приблизилась к усредненной – «западноевропейской».

Часть представителей территориальной знати и дворянства шли по пути обмена титула и идалгии на состояние («неравный брак»). Помимо решения экономических задач неравными (экзогенными) браками пытались усилить позиции семьи, используя поли-

тические возможности новых родственников. Ключевую роль в выборе супруга для детей играл отец. Такой порядок вещей санкционировался правом и моралью. На XXIV сессии Тридентского собора объявили ничтожными браки, заключенные вне канонических предписаний, особо упомянув недействительность брака, заключенного без согласия родителей. В результате тайный брак считался более ущербным, чем собственно конкубинат и морганатический брак.

Брак был важным институциональным инструментом перераспределения доходов. Рекордные величины приданого зафиксированы у грандов – 100 тыс. дукатов у дома Аркос (1594 г.), 90 тыс. у Бенавенте (1561 г.)¹⁶. У дворян расходы на приданое и на свадьбу были много скромнее, но и они становились непосильными. Положение усугублялось высокой плодовитостью. Интервал рождений в семьях кантабрийских идалго составлял в среднем 22,4 месяца, в Мурсии и Эстремадуре – 24 месяца, в Вальядолиде – 33 месяца¹⁷. Со времени законов Торо и до Филиппа V постоянно принимались указы по ограничению размеров приданого. Многие предпочитали платить отступное монастырям за достойное пребывание там своих дочерей. Вклад в монастырь всегда был меньше затрат на бракосочетание.

Майорат способствовал как сохранению патриархальной семьи, так и вынужденной миграции младших детей, особенно сыновей. По подсчётам Ж.-П. Дедье из 52 членов дома Овандо (Эстремадура) живших в XVII–XVIII вв. (т.е. фаза «сжатия» для эстремадурского дворянства) только 28 родились и умерли в Касересе. Он выделил 3 типа причин вынужденных младших покинуть родные места: браки (традиционные связи с олигархическими линажами соседних городов), служба королю, поиск экономических предпочтений¹⁸.

Главным источником доходов для дворянства в этот период стала государственная служба. Необходимость университетского образования, обязательная пятилетняя стажировка юристов – кандидатов в лиценциаты в аудиенциях или королевских трибуналах, перспективы прозябания на низших ступенях карьерной лестницы неизбежно отдаляли время создания дворянином-чиновником своей семьи. В результате в этих кругах распростра-

нялась модель брака, при которой супруги принадлежали к разным поколениям (муж – к «поколению родителей»). Молине-Бертран приводит рекомендацию из трактата падре Хуана де Пиньеды о желаемом возрасте вступления в брак, видимо, в связи с данной ситуацией: 15–20 лет для девушек и 30–36 лет – для мужчин. Еще больше дворян служили короне шпагой. Кастильские дворяне занимали практически все офицерские должности в многонациональной армии Испании и большинство – на флоте. По мере нарастания негативных последствий майората младшие сыновья дворян стали заполнять в терциях даже вакансии рядовых. Жалование было невысоким – от 1,5 до 2 эскудо в месяц во времена Филиппа II¹⁹. Военный «медик» с университетским образованием (высшая категория) и офицер получали около 16 эскудо в месяц. Сходный порядок величин был и на флоте²⁰. Такое скудное финансирование вооружённых сил если не подпитывало окончательный светский целибат, то существенно сдерживало возраст вступления в первый брак, деформировало каноническую практику взаимоотношения полов.

Рост разрыва возраста вступления в первый брак между полами среди дворян неминуемо повышал долю сверстниц мужчин-супругов, которые не могли найти себе пару. Другим следствием позднего возраста вступления в брак мужчин стал рост числа внебрачных отношений со всеми вытекающими последствиями. Рекордная цифра внебрачных детей была зафиксирована в Саламанке, несомненно, благодаря школярам Университета: 12,3% в 1534–1580 гг. и 25,3% в 1580–1600 гг.²¹. В делах Наваррского Трибунала Инквизиции за 1582–1635 гг. наказания по поводу нарушения целибата и за преступления в области брачных отношений составили около 16%.

Майорат снижал внутрисемейные конфликты (особенно по поводу приданого). Об этом свидетельствует одно из немногих исследований выполненное на основе нотариальных актов, хотя и по Каталонии. Конфликты по вопросам приданого составляли среди старой городской аристократии, **нуворишей** и среди семей традиционной городской олигархии соответственно 26,4%; 29,4% и 36,3%.²² Однако необходимость сохранения родовых земель и отсутствие достойно-

го приданого постепенно привели к фантастически высокой норме вынужденного целибата. В случае с эстремадурским дворянством к XVIII в. половина взрослых мужчин были холостыми и 42% взрослых женщин – незамужними. Из таких вынужденных холостяков каждый второй шел по церковной линии; 22% незамужних уходили в монастырь и еще 20% числились по линии «окончательного светского целибата». Ярким отражением этих общих закономерностей является генеалогический микрокосм дворянской семьи из Сьюдад-Реала А. де ла Куэвы и М. Бермудес заключивших брак в 1668 г. Из 24 детей – это документально зарегистрированный рекорд для региона – 15 умерли до возраста зрелости (данный показатель тоже выше среднего). Все 5 выживших дочерей были отданы в монастыри. Только один сын женился и остался в Сьюдад Реале как наследник. Другой сын скончался холостяком в окрестном городке, третий – дослужившийся до капитана кавалерии, также умер холостым, а последний эмигрировал в поисках лучшей доли в Индии, где сгинул без следа²³. Но если принять во внимание средние показатели плодovitости, подобная брачная и репродуктивная стратегия ставила под угрозу сам факт существования благородных в долгосрочной перспективе: каждая пара производила 4,8 детей, из которых доживали до взрослого возраста 3,7. В итоге, например, в эстремадурском г. Брозаке за XVIII в. исчезло 5 из 8 дворянских династий, в Трухильо 5 из 9, в Касаресе 20 из 27²⁴.

Прошлое «благородных» – одна из наиболее разработанных тем социальной и демографической истории. В настоящее время на смену генеалогическим изысканиям органично пришли просопографические исследования. В рамках изучения конфигурации власти, стратификации «благородных» наибольший интерес представляет исследование такие специфичных институтов влияния как династии и кланы. Развитие «Нового государства» ослабило династии и усилило значение семьи. Наибольшие различия в демографическом поведении «благородных» зафиксированы в области брачных отношений. Брачная политика титулованной аристократии сводилась к сохранению родовых земель и титулов путём майората, эндогамии и высокой нормы рели-

гиозного celibата (у мужчин). Дворянство, придерживаясь той же стратегии, отличалось более высокими нормами религиозного celibата у женщин и светского – у мужчин. По мере нарастания экономических трудностей значительно вырос показатель вынужденного светского celibата. Превращение госслужбы в главный источник доходов дворянства и потребность в квалифицированных служащих вызвали к жизни специфическую форму брака: «разнопоколенного», когда муж принадлежал к «поколению родителей». Это привело к росту окончательного celibата среди женщин, увеличению внебрачных сексуальных отношений и доли бастардов среди новорожденных.

Примечания

¹ *Bennassar B.* Especificidades de las sociedades estamentales de Aragón y Castilla en tiempos del Emperador // *Carlos V. Europeanismo y Universalidad*. Vol. IV. Madrid, 2001. P. 77.

² См.: *Elliott J.H.* La Revuelta Catalana 1598–1640. Barcelona, 1966. P. 25.

³ В лучше всего исследованной Франции раннего Нового времени А.Д. Люблинская, например, выявила 7, а потом и 11 социальных групп, П.Ю. Уваров – 10. Р. Мунье и его последователи взяли за основу «подлинной» социальной иерархии тариф подоходного налога 1695 г., по которому французское общество было разбито на 22 класса, объединяющих 569 рангов в зависимости от ставки взимаемого налога.

⁴ *Уваров П.Ю.* Франция XVI в. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 39.

⁵ *Soria Mesa E.* La grandeza en España en la Edad Moderna. Revisión de un mito historiográfico // *Carlos V. Europeanismo y Universalidad*. Vol. IV. P. 619.

⁶ *Maravall J.A.* Poder, Honor y Elites. Madrid, 1971. P. 155 y ss.

⁷ См.: *Burgos Esteban F.M.* *Burgos Esteban F.M.* Los lazos del poder. Oligarquías y parentesco en una élite local castellana en los siglos XVI y XVII. Valladolid, 1994. P. 120–126, 131–141, 184–185.

⁸ *Galvache Valero F.* La educación familiar en los Humanistas españoles. Pamplona, 2001. P. 24.

⁹ *Gerbet M.-C.* La Noblesse dans le Royaume de Castille. Étude sur ses structures sociales en

Estrémadure (1454–1516). Paris, 1979. P. 464.

¹⁰ *Rinz Martín F.* La población española al comienzo de los tiempos modernos // *Historia económica de España*. Madrid, 1978. P. 8.

¹¹ См.: *Ведюшкин В.А.* Достоинство труда глазами сословий. Испания. XVI–XVII вв. // *Этика и организация труда в странах Европы и Америки*. М., 1977. С. 76–93.

¹² *Zabalza Seguin A.* Migración y estructura familiar en el Pirineo Navarro (XVI–XVII). Sobre la correlación entre troncalidad y migración // *Migraciones internas y medium-distance en la Península Ibérica, 1500–1900*. Vol. II. Santiago de Compostela, 1994. P. 682.

¹³ См.: *Espinosa A.* Early Modern State Formation, Patriarchal Families, and Marriage in Absolutist Spain: The Elopement of Manrique de Lara and Luisa de Acuña y Portugal // *Journal of Family History*. 2007. №2. P. 5.

¹⁴ *Gerbet M.-C.* La Noblesse dans le Royaume de Castille. P. 164–166, 172–175.

¹⁵ См.: *Rodríguez Sánchez B.* El poder y la familia. Formas de control y de consanguinidad en la Extremadura de los tiempos modernos // *Poder, familia y consanguinidad en la España del Antiguo Régimen*. Barcelona, 1992. P. 16, 22–24.

¹⁶ *Bragado Mateos J.* El Censo como instrumento de crédito para la nobleza castellana en la Edad Moderna // *Hispania*. 1992. №181. P. 471.

¹⁷ *Molinié -Bertrand A.* Au siècle d'or l'Espagne et ses hommes. Paris, 1985. P. 336–337.

¹⁸ *Dedieu J.-P.* Las élites: familias, grupos, territorios // *La Culture des Élites Espagnoles a l'Époque Moderne*. Bordeaux, 1996. P. 25–28.

¹⁹ *Pazzis Pi Corrales, M. de.* Naos y armadas. El mundo marítimo del Rey Felipe // *Torre de los Lujanes*. 1997. №34. P. 54; *Ulloa M.* La Hacienda Real de Castilla en el reinado de Felipe II. Roma, 1963. P. 57.

²⁰ См.: *Salvador E.* La economía valenciana en el siglo XVI. Valencia, 1972. P. 244.

²¹ Цит. по: *Molinié -Bertrand A.* Au siècle d'or l'Espagne et ses hommes. P. 331, 324.

²² *Fargas Pecarrocha M.A.* La protocol·lització de la conflictivitat familiar a l'inici de l'època moderna // *Actes del II Congrés d'història del Notariat català*. Barcelona, 2000. P. 348–350.

²³ *Rahn Phillips C.* Ciudad Real 1500–1750. Growth, Crisis, and Readjustment in the Spanish Economy. Cambridge (Mass.), 1979. P. 102.

²⁴ *Aragón Mateos S.* La nobleza extremeña en el siglo XVIII. Mérida, 1991. P. 191–194, 261–262.

Взаимосвязь поземельных отношений, систем наследования, семейных моделей и демографического поведения испанского крестьянства в эпоху Габсбургов

В начале XVI в. (т.е. до ускорения процесса урбанизации) в деревнях Кастильской короны по максимальным оценкам проживало 60% населения¹. Доля сельского населения в Арагонской короне была значительно выше. Поэтому крестьянство определяло демографическую динамику Испании.

Распространено мнение о том, что кастильское крестьянство достигло процветания в Средние века и при Католиках, но пережило деградацию при Габсбургах². Однако такое представление явно не учитывает благоприятную экономическую ситуацию для него, по меньшей мере, во вторую треть XVI в. и дифференциацию внутри крестьянства. Прогресс в земледелии виден в замене вола на мула при обработке земли, опережающем развитии виноградарства, оливководства, а с XVII в. – выращивании маиса по Кантабрийскому карнизу и на севере страны. Вокруг крупных городов сложились аграрные комплексы. С середины XVI в. происходит постепенная замена цензивы денежной территориальной рентой. Не выдержав конкуренции с земледелием, при Карле V в Новой Кастилии (кроме гористых районов) начинается упадок животноводства. Сама Места претерпела существенные изменения. Пропорция стационарного и перегонного овцеводства, бывшая в конце XV в. еще 1 к 4, изменилась в пользу первого, а в 1566–1580 гг. произошло слияние в единую Месту перегонного овцеводства с южным «стационарным» (риберьегос). Даже после кризиса конца столетия нельзя

говорить о ситуации «всеобщей нищеты в крестьянских зонах» Кастилии до 1620 г.³

При Габсбургах наиболее прочные позиции латифундизм имел в Андалусии, Эстремадуре и Новой Кастилии. Неблагоприятная аграрная конъюнктура в Андалусии после 1640 г. еще больше стимулировала процесс концентрации земельной собственности⁴. Но перераспределение земли в XVI в. происходило за счет орденов (особо интенсивно в 1535–1565 гг.), а примерно с 1570 гг. – за счет епископальных владений⁵. После истощения церковного источника Корона перешла к торговле собственными землями. Исключение Валенсия, где в начале XVII в. перераспределили земли изгнанных морисков.

На севере страны, в Кантабрии, Каталонии, с конца XVI в. и в Гранаде преобладала крестьянская парцеллярная и общинная собственность. В XVI в. в связи с демографическим давлением и высокими ценами на сельхозпродукты усиливается атака на общинные земли. Режим держания и контрактов, переуступки прав собственности вели к развитию субаренды. Благодаря этому в стране было много мелких собственников, долгосрочных арендаторов (колонос энфитейтуикос) и субарендаторов.

В ту эпоху в общинах не существовало понятия индивидуальных прав. Человек в этом мире реализовывал права опосредовано, через коллективную единицу – «дом». В Наварре членами общины могли быть только хозяева домов – весиналес. Число таких домов было фиксированным и не могло меняться. Хозяева «простых домов» («жители» или «резиденты») не участвовали в управлении и не пользовались общинными угодьями. Такая практика искусственного поддержания баланса между

Сергей Алексеевич Прокопенко – доцент кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета.

населением и земельными ресурсами встречалась на некоторых территориях Старой Кастилии (Куэнка). Там в ряде деревень насчитывалось до половины семей «резидентов».

На севере, северо-западе, в Каталонии господствовал неравный режим наследования и усеченный тип семьи. Это естественная стратегия сохранения крестьянского родового гнезда в условиях малоземелья. В результате здесь главной привилегией становится возможность создать семью. Невозможность подобного для большей части взрослых детей обернулась фактической институализацией холостяцкого/незамужнего состояния и эмиграции. Другим важным следствием системы стал конкубинат. В отличие от других пиренейских регионов в Наварре не давалось предпочтение наследнику-мужчине. Наследник выбирался из числа всех детей независимо от очередности рождения. Наследник со своей стороны должен был одарить братьев и сестёр, принадлежавших к «дому». Из-за трудностей брачной партии для девушек отцы часто точно определяли долю приданого дочерям, но не сыновьям.

В Галисии также господствовала система неравного наследования («лучшая» или «главная» доля). Особенностью Галисии было рассредоточение населения в маленьких деревнях. В результате не было возможности абсорбировать лишние рабочие руки за счет ремесла или других сфер занятости, как это наблюдалось в крупных поселениях. Земля, бывшая в руках монастырей и сеньоров, по большей части находилась в долгосрочной эксплуатации («форос»), например, на срок «жизни трех королей». В XVI–XVII вв. собственники земли старались сократить сроки аренды. С другой стороны, в ходе длительной аренды права на землю неоднократно переуступались (субаренда вплоть до 4-х рук). Поэтому Галисия в XVII в. превратилась в зону повышенной конфликтности. Следствием малоземелья и режима неравного наследования стала мощная мужская эмиграция с неизбежными гендерными диспропорциями: 17% галисиек никогда не выходили замуж, и одновременно от 1/5 до 1/3 домашних хозяйств возглавляли женщины (часто на положение «живых вдов»)⁶. Но значительный и устойчивый демографический рост в Галисии показал, что не все было так мрачно. И вряд ли это феномен можно объяснить только внедрением маиса. Влияние системы неравного наследования

не было однозначно негативным. «Крестьянский майорат», как и дополняющие его целибат и эмиграция, предотвращали излишнее дробление крестьянской собственности и поддерживали устойчивость «патрилокального» хозяйства на фазе демографического роста.

К югу от Гуадиана на селе преобладали пенденцики. Встречались труженики, бравшие в аренду землю. В Андалусии на собственных парцеллах часто выращивали такие высоколиквидные и трудоемкие культуры как виноград и оливы, а зерно – на общинных или арендованных землях. Ещё до появления американского рынка, в XV в., в севильском районе оливковые деревья на единицу площади давали в пять раз больше ренты, чем зерновые⁷. В центре и на юге страны преобладал уравнилельный тип наследования среди крестьян. Под влиянием реконкисты дочери здесь уравнивались с сыновьями в правах наследования. Раздел имущества при каждой передаче наследства компенсировался вкладом обеих супругов. Это вело к преобладанию новых хозяйств («неолокальная» система) и господству нуклеарной семьи. Исключение из числа наследников бастардов, браки между родственниками, а также целибат компенсировали негативные последствия дистрибутивного наследования. Другим способом предотвращения излишнего дробления был т.н. семейный фаворитизм – произвольность выбора получателя лучшей доли.

Успешнее всего конъюнктуру XVI в. использовали зажиточные крестьяне (подерадос или принсипалес). Судя по цензу 1591 г., они составляли примерно 5% населения Кастилии. К тому времени подерадос превратились в сельскую олигархию. Часто они подражали образу жизни сеньоров, создавая по мере возможности свой майорат. Среднее крестьянство составляло около 20% селян. Это труженики с небольшими участками земли, владевшие крупно рогатым рабочим скотом или мелко рогатым скотом. Они не привлекали работников, но в хорошие времена дополнительно арендовали землю. Бедняки арендовали землю или имели немного своей, иногда держали скотину. Многие из них батрачили, ткали или занимались прядением. При ухудшении конъюнктуры бедняки первыми мигрировали в города или крупные поселения.

Исследование по материалам района Монтес (между Толедо и Сьюдад Реалом) дает на

1580-е гг. примерно ту же картину социальной дифференциации. По методике расчета земельных владений, валового сбора основных сельхозкультур к деревенской элите отнесено примерно 10% дворов, к «среднему классу» – 25%. Расчёт по алькабалам позволил выделить среди элиты верхушку – 2%. Бедных было от 10 до 20%. Бедняки, благодаря рассеянной мануфактуре (суконной и шелкоткацкой), имели дополнительный источник дохода⁸. Миграционные потоки района Монтес воспроизводили черты макропроцессов. Из мелких гористых деревень шло перемещение в посёлки. Это диктовалось быстрым достижением в деревнях относительного и реального переселения, а также диверсификацией экономики крупных поселений, и значит их большей способностью абсорбировать мигрантов.

Следует отметить региональное своеобразие в отношении крестьян к миграции. Во внутренней Испании, в отличие от северо-запада, где миграция была институализирована, необходимость покинуть отчий дом рассматривалась как трагедия. Характерно, что местные суды очень часто использовали как меру наказания временное изгнание, зачастую по требованиям самих селян. Страх и антипатия к маргиналам особенно проявлялась в отношении молодых женщин и бездетных вдов. То есть здесь мы в период отсутствия земельного голода наблюдаем ту же закономерность: уравнительное наследование у крестьян Новой Кастилии укрепляло канонический брак, но маргинализировало миграции и холостяцко/незамужнее состояние. Не случайно, что конкубинат в этих районах вел к социальному остракизму известному как «вито».

Анализ на уровне семейных (хозяйственных) моделей позволяет лучше понять социально-пространственные нюансы демографического роста. А. Морено Альмарсеги в Пласенсии дель Монте (современная Уэска) выделил четыре типа сельских семейных хозяйств: «патрилокальный» (когда сын остаётся наследником в отцовском хозяйстве; уход в дом жены (наследницы) в той же деревне; «неолокальный» (создав на выделенном отцом участке новое хозяйство); «миграционный» (часто это брачный обмен с соседними селами). По большому счёту, потенциал эндогенного демографического роста реализовывался благодаря росту числа неолокальных хозяйств. В Пласенсии

дель Монте такой тип осуществлялся в формах брака «последышей» с обеих сторон или младшего ребенка с «чужаком». Поскольку эта область была давно заселена (пример «наполненного мира») и в ней господствовало неравное наследование, здесь доминировали браки первого типа. Лишь 7% родительских домов не обеспечивали континуитет в каждом поколении. Неолокальное хозяйство в каждом поколении создавали по 15% мужчин и женщин. Таким образом, здесь брачная практика поддерживала континуитет уже существующих домов (1, 2 и 4 типов)⁹. Материалы орденских и монастырских земель на севере королевства Валенсия показывают, что естественный ритм перехода земельной собственности путем наследования составлял 25 лет¹⁰.

В случае с Пласенсия дель Монте заметна гендерная дискриминация при передаче собственности: в 80% наследники-мужчины. Но наряду с этой ярко выраженной половой дискриминацией обнаруживается и социальная. Репродуктивные возможности семьи зависели от количества земли. Пионеры и их прямые потомки имели возможность захватить лучшие и лучшие земли. Среди старожилов были 4 семьи инфансонес – мелких деревенских дворян. Генеалогическая реконструкция поселения за 1600–1855 гг. позволила выявить следующее: континуитет мощи инфансонес на всем протяжении периода; рост числа домовладений за счет дробления имущества старожилов; убывание количества детей в семьях 1–4 типов одного цикла (соответственно 2,63; 2,25; 1,83; 1,59); незначительное время существования хозяйств «неолокального» типа (1–3 поколения) из-за ограниченности ресурсов для продолжения рода; зависимость совокупного демографического роста от брачной политики малого ядра собственников, особенно семей инфансонес местечка (1 и 3 типы); то, что число женщин выходящих замуж было примерно одинаково (малым) в семьях всех типов, т.е. не зависело от социального статуса¹¹.

С середины XVI в. сокращается население деревень Новой Кастилии. Возможно, столь ранний кризис был связан с упадком местного животноводства. Усиление соперничества перерогонного и стационарного животноводства было следствием их общего поражения в конкурентной борьбе с земледелием, что породило

ло дефицит пастбищ и неминуемое сокращение поголовья скота у крестьян. Впрочем, как показывает пример провинции Сеговия, динамика земледелия и животноводства не была однозначной¹².

В связи с углублением экономического кризиса в конце XVI столетия государственный и сеньориальный прессинг на «Хуанатруженника» неизмеримо усилился. Сопоставление численности весинос по Relaciones (1575 г.) и по Мемориалу 1623 г. (фактически данные за 1584 г.) говорит о все большем переводе королевских крестьян в разряд сеньориальных на худших для них условиях. Крестьяне Новой Кастилии в конце XVI в. отдавали уже более 50% урожая «господствующим классам»¹³. По данным М. Артолы, сокращаются также сроки аренды, достигнув в Андалусии к XVIII в. 3–6 лет.

Порочный круг экономической депрессии и миграции функционировал просто. Уход крестьян из села утяжелял фискальное бремя оставшихся. Эти потери из-за депрессивной демографии было трудно компенсировать. Корректировка налогов в соответствии с реальным числом податного населения если и проводилась, то с большим опозданием. Продажи общинных земель и даже собственной юрисдикции только усиливали налоговое давление. Примером тому служат Вильямедьяна и Валдеолмильос (в Паленсии). Оба городка, чтобы рассчитаться с долгами по налогам в 1580 г. продали часть своей юрисдикции (первый также еще алькабалы и часть третин). Дабы выправить положение, власти пошли на повышение ставок земельной аренды и новые займы. В последующие годы долги только росли, в том числе из-за плохого муниципального управления. В 1599 г. население Вильямедьяна сократилось с 450 до 300 дворов, причем остались только бедные. В Валдеолмильосе к 1614 г. из 113,5 дворов осталось лишь 30 и также одни бедняки. На всех приходилось не более 8–10 пар мулов и волов¹⁴.

Таким образом, в силу ряда причин в Испании сложилось две большие системы доступа к земле, которые повлияли на демографические переменные и на конфигурацию семьи. На севере, северо-западе и в Каталонии господствовал неравный режим наследования, «усеченный» тип семьи и «патрилокаль-

ное» хозяйство. Невозможность создания семьи для младших детей породило сильную эмиграцию из этих районов, а также высокие нормы celibата и/или конкубината. В центральной Испании и на юге страны преобладали дистрибутивный тип наследования, «нуклеарная» семья и «неокальное» хозяйство. Устойчивость крестьянских хозяйств поддерживалась благодаря вкладу обеих супругов при создании новой семьи и браку между родственниками. В зонах неравного наследования демографический рост на селе обеспечивался в основном за счет зажиточных крестьян и мелких дворян.

Примечания

¹ Gelabert J. Cities, towns and small towns in Castile, 1500–1800 // Small Towns in Early Modern Europe. Cambridge, 1995. P. 272.

² См.: Pfandl L. Introducción al Siglo de Oro español. Madrid, 1994. P. 114.

³ Bennassar B. La Espasa del Siglo de Oro. Barcelona, 1994. P. 193.

⁴ Domínguez Ortiz A. The Golden Age of Spain, 1516–1659. London, 1971. P. 181.

⁵ Runz Martín F. Rasgos estructurales de Castilla en tiempos de Carlos V // Moneda y Crédito. Revista de Economía. 1966. № 1. P. 98.

⁶ Poska A.M. Gender, Property, and Retirement Strategies in Early Modern Northwestern Spain // Journal of Family History. 2000. № 25. P. 314–315.

⁷ Денисенко Н.П. Испанские военные ордена Сантьяго и Калатрава в XV – начале XVI века // Латинская Америка в исторической ретроспективе. М., 1994. С. 126.

⁸ Weisser M.R. The peasants of the Montes. Chicago, 1976. P. 39–44, 49, 61, 75, 96.

⁹ Moreno Almoréguí A. Pequeña nobleza rural, sistema de herencia y estructura de la propiedad de la tierra en Plasencia del Monte (Huesca). 1600–1855 // Poder, familia y consanguinidad en la Espasa del Antiguo Régimen. Barcelona, 1992. P. 75–77, 79.

¹⁰ Sánchez-Blanco R.B. Familia y transmisión de la propiedad en el País Valenciano (siglos XVI–XVII) // Poder, familia y consanguinidad ... P. 42.

¹¹ Moreno Almoréguí A. Pequeña nobleza rural... P. 79–81, 96, 105.

¹² См.: Литаврина Э.Э. Крестьянство Испании и Португалии в XVI–XVIII вв. // История крестьянства в Европе. Т. 3. М., 1986. С. 180; Runz Martín F. Demografía histórica // Once ensayos sobre la historia. Madrid, 1976. P. 138–139.

¹³ Salomon N. La vida rural castellana en tiempos de Felipe II. Barcelona, 1973. P. 257.

¹⁴ Marcos Martín A. Movimientos migratorios y tendencias demográficas en Castilla la Vieja y Leon a lo largo de la época moderna // Migraciones internas y medium-distance en la Pennínsula Ibérica, 1500–1900. Vol. II. Santiago de Compostela, 1994. P. 227–228.

Количественные аспекты депортации морисков: основные тенденции историографического анализа

В последние годы специалисты в области исторической демографии уделяют особое внимание созданию динамичных демографических моделей, что предполагает изучение миграций. Одной из разновидностей миграций являются депортации этно-религиозных и этно-культурных меньшинств. В Испании раннего Нового времени было две таких депортации: иудеев в 1492 г. и морисков в 1609–1614 гг. Самой масштабной из них оказалось изгнание морисков – потомков крещеных испанских мусульман¹.

В отличие от демографии иудеев ситуация с морисками яснее благодаря росту качества статистики в XVI в. Информация из королевской канцелярии и цензы XVI в. были введены в научный оборот еще в XIX в. каноником и архивистом Т. Гонсалесом². Однако либеральные историки первой половины XIX в. предпочитали оперировать фантастическими цифрами арбитристов XVII в., а также творцов так называемой «черной легенды» за пределами Испании³. Обличение абсолютизма Габсбургов хорошо накладывалось на стратегию борьбы либералов с испанской монархией в первую половину XIX в. Разброс оценок современников депортации был от 400 тыс. человек (Монкада) до 3 млн. (Наваретте). Ближе всех к истине тогда оказался П. Пеньялоса: 300 тыс. высланных морисков из общей численности в 310 тыс., в том числе 140 тыс. было депортировано из Валенсии, 70 тыс. – из Арагона и Каталонии, 30 тыс. – из Андалусии. Остальные пришлось на обе Кастилии и Эстремадуру⁴. Вместе с тем, историкам XIX в. при-

надлежит заслуга перехода от традиционного рассказа-описания депортации к анализу архивных документов.

Пресвитер П. Боронат-и-Баррачина (1901) привлек материалы «Генерального архива Симанкас» и некоторых валенсийских архивов, а противник изгнания американец Г. Ли (1901) использовал протоколы трибуналов Инквизиции. Подсчеты Бороната численности валенсийских морисков являлись самыми точными на тот момент времени. В немалой степени это объяснялось его палеографической подготовкой. Правда, высокую оценку творчества Бороната несколько принижает его явная антиморискская позиция, «если не антиморискская мания». Традиционалисты XX в., не внося ничего нового, взяли на вооружение выводы Бороната о причинах, масштабах и последствиях изгнания.

В 1950 гг. на гребне интереса к маргинальным группам и этническим меньшинствам ученые вновь обращаются к теме морисков. Пик интереса к количественным проблемам депортации пришёлся на это и следующее десятилетия. В 1970 гг. центр тяжести сместился в сторону качественного анализа истории морисков на уровне семейных моделей. В тот период поворот от «полемической» к «научной» истории морисков лучше всего реализовали зарубежные и испанские историки близкие к «Анналам»: француз К. Гаррад, аргентинец Т. Гальперин-Донги, каталонец Х. Регла и другие. В фокусе их внимания оказались социально-экономические проблемы. Известный испанский этнограф и историк Х. Каро Бароха сосредоточился на этно-культурных характеристиках общины морисков. Француз Л. Кардильяк – на религиозных аспектах менталитета арагонских морисков, попытавшись сбли-

Сергей Алексеевич Прокопенко – доцент кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета.

зять «диалектику» некоторых из них с протестантизмом, а других охарактеризовав как «скрытых исламистов». Более сбалансированному анализу истории морисков способствовала работа «Международного комитета морисковских исследований», созданного в 1980 г. по инициативе тунисского историка А. Темими. Под эгидой Комитета прошло более десятка конгрессов по морискологии⁵. Из работ самого А. Темими наибольшего интереса заслуживает *Bibliographie générale d'études morisques*, которая включает литературу с конца XVI в. и до 1994 г. (3577 описаний).

На волне автономизации и интереса к регионально-культурной самобытности в 1980-х гг. возникли центры по изучению морисков и мудихаров во многих центральных университетах. Из провинциальных выделю «Центр исследований мудихаров⁶» в Теруэле (Арагон), который в 1980–1990 гг. с периодичностью раз в 3 года проводил представительные конференции, а также субсидировал публикации. Для нас интерес представляет библиографическое исследование 1988 г. П. Перес Винь-уэлес *Recogida de bibliografía sobre mudiñares y moriscos de la Península Ibérica*. Параллельно продолжалось изучение источников.

Демографические аспекты депортации морисков подробно рассмотрел в монографии, ставшей сегодня уже классической, французский испанист А. Лапейр. Благодаря работе в местных архивах Испании, ему удалось, в частности, обогатить широкомасштабное полотно Бороната наблюдениями, полученными при изучении 329 валенсийских поселков. Ядро его источниковой базы составили фонды «Генерального архива Симанкас»: документы *Sbmeta de Castilla*; переписка Филиппа III с секретарем А. де Прадом, вице-королями частей Арагонской короны и Наварры, церковными иерархами; протоколы «Генерального Совета» с резюме королевских решений, а также фонды Национального исторического архива.

Большинство морисков проживало на территории Арагонской Короны. Самой мощной в Испании была валенсийская община морисков. Они составляли примерно 25% населения региона (П. Шоню – почти 33%) и около половины численности всех морисков страны. Согласно региональным данным, за период 1565/1572 – 1609 гг. их численность выросла

с 18 638 дворов до 31 715 или на 69,7 %, в то время как «старых христиан» – на 44,7 %. А. Лапейр подсчитал, что оттуда было депортировано 117 464 морисков. Эта цифра хорошо согласуется с данными, введенными в научный оборот Т. Дансалесом.

Из последних результатов полученных специалистами отмечу, во-первых, опровержение Дж. Кэйзи представлений о 1609 г. как поворотном пункте в динамике валенсийской демографии. Британский испанист одним из первых вовлек в оборот региональные приходские регистры по 4 городкам. Они показали уменьшение числа крещений с 1587 г. и начало депопуляции королевства ещё до 1609 г.⁷ Но Пла Алберола считает серии Кэйзи малопредставительными, а оценки траектории эволюции «старых христиан» сомнительными из-за хронологии опорных переписей: за 1510 и 1520 гг. Эти десятилетия были отмечены восстаниями мудихарес (мудихаров) и коммунарос/германиас, что исказило общую картину.

Во-вторых, наметилась ревизия представлений о негативных последствиях депортации морисков для региона: реколонизация этих мест «старыми христианами» позволила существенно смягчить последствия демографической катастрофы. В ряде мест Аликанте поток колонистов из числа «старых христиан» на высвобожденные земли достиг значительных размеров сравнительно рано – в 1620 гг., а между 1620–1688 гг. здесь уже был зарегистрирован прирост населения в среднем по проценту за год. Сопоставление разных районов (комарки) пострадавших от депортации в интервалах 1620–1649 и 1630–1649 гг. показало, что рождаемость превысила смертность в два раза, в результате прирост населения составил там невероятную цифру – 2% в год⁸.

Что касается Арагона, из-за некачественной демографической статистики специалистам приходится опираться на показатели налогов взимаемых с общин морисков. Сегодняшние оценки численности арагонских морисков близки к традиционным. Патриарх исторической демографии Х. Надаль назвал более 60 тыс. душ, Х. Салас Аусенса – 14 тыс. очагов разбросанных по 127 населенным пунктам, что концентрировались в долине реки Эбро и ее правых притоках. По Каталонии начало радикальной ревизии устоявшихся мнений положил в 1950-е гг. Х. Регла. По его мне-

нию, там проживало не 50 тыс., а лишь около 10 тыс. человек⁹. Надаль, тщательно изучивший провинциальную документацию, сократил число морисков до чуть более 4 тыс. душ, локализовав места их проживания в Принципале комарками Тортоса и Лерида¹⁰.

Определенные сложности представляет характеристика ситуации по Кастильской короне. Во-первых, это связано со слабой изученностью морисков Кастилии, по сравнению с Валенсией и Арагоном. Тем более что локальная кастильская историография увлекается социальными и идеологическими аспектами депортации в ущерб экономическим и демографическим. Во-вторых, выяснение численности кастильско-леонских морисков затрудняется проблемой депортации гранадских морисков на рубеже 1560–1570 гг. на земли Кастилий и Леона. Поэтому исследователям приходится дополнительно определять численность гранадских морисков на момент их депортации из Гранадского королевства (рубеж 1560–1570 гг.), а также судьбу этих изгнанников до окончательной депортации в 1609–1614 гг.

Основу морисков собственно Кастилии и Леона (т.е. без гранадских) составили крещёные мудехарес. Специалисты доказали, что с XIII в. они находились в состоянии культурного и демографического упадка. Накануне 1502 г. численность мудехарес Кастилии уменьшилась до 17–20 тыс.¹¹. Иной была ситуация в Гранадском королевстве. Здесь численность гранадских морисков за две трети XVI столетия выросла с 37 тыс. очагов до 67 тыс.¹². Мориски компактно проживали в Ла Альпухарре, долине Лекрин и комарке Алмериа. На 1568 г. Ф. Руис Мартин насчитал 120 000 гранадских морисков¹³. При подавлении восстания в Альпухарре в 1568–1570/1 гг. 5500 морисков было убито, 2000 бежало, 500 было сослано на галеры. Остальных местных морисков расселили по Испании: 4000 в Курдобу, 1000 в Бвилу, 2500 в Толедо и еще туда же отправили 400 военнопленных рабов. По мнению Лапейра, всего в Кастилию переселили 60–65 тыс. человек¹⁴.

Серьезные коррективы в эти подсчеты, используя локальные исследования по 9 районам (tahas), внес Б. Венсан. Согласно ему, на момент восстания суммарное число жителей Гранады равнялось примерно 275 000 че-

ловек, из них морисков было 150 000. После восстания 1568–1570/1 гг. и депортации примерно 140 тыс. «новых христиан», а также их частичного возвращения к 1591 г. в Гранаде насчитывалось не более 20–25 тыс. морисков¹⁵. Среди тех, кто принял логику Венсана, назову крупнейшего авторитета в области исторической демографии XVI в., французенку А. Молине-Бертран¹⁶. В других работах можно найти усредненные цифры между крайними значениями: 80–100 тыс. переселённых гранадцев – «новых христиан».

Сводные итоги депортации 1609–1614 гг. таковы. На 1609 г. по данным А. Лапейра в Испании проживало 296–300 тыс. морисков, по подсчетам А. Домингес Ортиса и Б. Венсана – 319 тыс.¹⁷. Это почти совпадает с оценкой нунция Казтано в письме Папе Клименту VIII за 1594 г. (300 тыс.), но значительно превышает цифры Т. Гонсалеса (только 117 388 морисков). По подсчетам Лапейра за сентябрь 1609 г. – январь 1614 гг. Испанию покинули 272 140 человек. Из-за некоторых источниковых лагун эту цифру, полагает он, нужно считать минимальной. Если учесть масштабы тайной и явной эмиграции в канун изгнания, общее число морисков высланных в 1609–1614 гг. действительно равняется 300–350 тыс. человек.

После депортации в Испании остались 10–15 тыс. морисков – «добрых христиан» (власти выделили квоту в 6%, которая была превышена только в Арагоне). Основная роль счастливых заключалась в присмотре за покинутой недвижимостью и передаче производственного опыта переселенцам¹⁸. Насильно от семей также отделяли маленьких детей, которых отдавали на воспитание в семьи «старых христиан» или в приюты.

На региональном уровне ситуация выглядит следующим образом. Больше всего пострадала Арагонская корона: Валенсия, Гранада и Арагон. Но в Каталонии местные мудехарос составляли лишь около 3% населения. В наибольшей степени пострадала Валенсия (с сильной дифференциацией по районам) и зона в Арагоне глубиной в 40 км к югу от реки Эбро. Причем в Арагоне разрушение хозяйственного уклада «затормозило структурно переселенческое движение» «старых христиан», а значит, негативно воздействовало на ситуацию в среднесрочной и долгосрочной

перспективе. Кастилия в результате депортации с 1609 г. потеряла 1,3% населения (с учетом гранадцев). Поэтому требования представителей Гвадалахары, Сьюдад Реала, Толедо в 1614–1617 гг. уменьшить алькабалы «из-за депортации морисков»¹⁹ были исключением, если не попыткой использовать ситуацию для снижения налогового бремени.

По своим масштабам депортация морисков превзошла все западноевропейские депортации Нового времени. Например, количество изгнанных морисков превысило в два раза число гугенотов выехавших из Франции в соответствии с Нантским эдиктом (не более 200 тыс. человек)²⁰. Демографические (экономические и пр.) последствия изгнания морисков оказались более чувствительными, чем ущерб от высылки иудеев 1492 г. А для демографии Испании обе депортации оказались губительнее эмиграции.

Примечания

¹ О морисках см.: *Ланда Р.Г.* В стране Аль-Андалус через тысячу лет. М. 1993; Он же. Мориски в Магрибе // Вопросы истории. 1997. №3. С. 51–59.

² *González Tombs.* Censo de la poblaci3n de las provincias y partidas de la Corona de Castilla en el siglo XVI ... 1-a ed.-1829. Madrid, 1982. P. 110–111.

³ До сих пор многие арабисты продолжают не критично повторять эти оценки. См.: *Roger Abdul Wahhab Boase.* The events of 1492 and the plight of moriscos // Michigan Quarterly Review. 1992. №4. P. 593.

⁴ См.: *Colmeiro M.* Historia de la Economna polntica en Espaca. T. I. Madrid, 1965. P. 641.

⁵ Сайт Центра «Фонд Темими»: <http://www.refer.org/fondationtemimi>

⁶ Мудйхар – от искаженного mudegelin, которое дали сами мавры (Degel- Антихрист). Другая употребительная версия – от арабского мудаджжан

(прирученный). Это жители бывшей мусульманской Испании, отвоёванной христианами, которым были гарантированы владение собственностью, а также исповедование своей религии и отправление обрядов.

⁷ *Casey J.* Moriscos and the Depopulation of Valencia // Past & Present. 1971. №50. P. 37.

⁸ *Pla Alberola P.J.* Despoblaci3n y repoblaci3n // [Actas de] Asociaci3n de Demografna Historica. Vol. III. Bilbao, 1991. P. 205, 213, 218, 223.

⁹ *Regl3 J.* Estudios sobre los moriscos. Barcelona, 1971. P. 34.

¹⁰ *Nadal J.* Bautismos, desposorios y entierros. Barcelona, 1992. P. 25–27.

¹¹ *Ladero Quesada M.A.* Los mudйjares de Castilla en tiempos de Isabel I. Valladolid, 1969. P. 16.

¹² *Vincent B.* La repeuplement du Royaume de Grenade (1570–1580) // Le Migrazioni in Europa. Secc. XIII–XVIII. Firenze, 1994. P. 383.

¹³ *Runz Martin F.* Movimientos demogr3ficos y economicos en el Reino de Granada durante la segunda mitad del siglo XVI // Anuario de Historia Economica y social. T. I. Madrid, 1968. P. 135–137.

¹⁴ *Lapeyre H.* Gйographie de l'Espagne morisque. Paris, 1959. P. 69, 130.

¹⁵ *Vincent B.* La repoblaci3n de las Alpujarras en el siglo XVI // Hombre y territorio en el Reino de Granada (1570–1630). Almeria, 1995. P. 31–32. В другой статье Венсан говорит о том, что королевство потеряло 9/10 морисков. См.: *Vincent B.* La repeuplement du Royaume de Grenade (1570–1580). P. 384.

¹⁶ *Molini3-Bertrand A.* Au si3cle d'or l'Espagne et ses hommes. La population du Royaume de Castille au XVI-e si3cle. Paris, 1985. P. 274.

¹⁷ *Lapeyre H.* Gйographie de l'Espagne morisque. P. 204; *Domnguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. Vida y tragedia de una minoria. Madrid, 1978. P. 83.

¹⁸ *Dnaz-Plaja F.* El siglo XVII. La Historia de Espaca en sus documentos. Madrid, 1957. P. 23.

¹⁹ *Pulido Bueno I.* La Real Hacienda de Felipe III. Huelva, 1996. P. 47.

²⁰ *Histoire des Populations de l'Europe.* Vol. I. Paris, 1997. P. 267.

Д.А. Карпов

Была ли Передовая засечная черта единым оборонительным рубежом

Одной из важнейших составляющих оборонительной системы южного порубежья Русского государства XVI–XVIII вв. являлись так называемые засечные черты – непрерывные линии естественных препятствий и деревянных укреплений, включавшие в себя разноуровневые опорные пункты (города, городки, остроги и т.п.), объединенные в единый военно-административный комплекс под общим руководством. Всего таких черт известно около двух десятков¹. Первой из них к середине 60-х гг. XVI в. была сооружена Большая засечная черта, которую по ее административному центру называют так же Тульской. Следующая же, по мнению ряда ученых, сложилась уже к 1571 г. Упоминание об этом оборонительном комплексе, получившем наименование Передовой засечной черты, можно встретить во многих монографиях, справочниках и учебных пособиях². Так на протяжении нескольких последних лет регулярно переиздается атлас по истории России для VI класса средней общеобразовательной школы, где на карте, иллюстрирующей восточную политику Московского государства при Иване IV, нанесены русские оборонительные линии, построенные во второй половине XVI в. Среди них обозначена и Передовая засечная черта, правда, без указания названия³.

Риском предположить, что подобное выделение неправомерно, и является следствием некритического использования авторами историко-графических источников.

В письменных источниках интересующего нас времени Передовая засечная черта вовсе не упоминается. Как, кстати, и собственно понятие «засечная черта». В документах XVI–XVIII вв. эти

стратегические оборонительные линии называли просто «чертами», в отличие от «засек», представляющих собой тактическую оборонительную линию, прикрывавшую важный участок местности (не путать с понятием засеки, как одного из видов лесных завалов). Из отдельных засек формировалась Черта. Так, например, Большая черта, имевшая в 1638 г. общую протяженность более 1000 км., включала в себя по несколько тульских, лихвинских, рязанских и других засек⁴. Впервые же она названа была «засечной» в 1916 г. в монографии А.И. Яковлева «Засечная черта Московского государства в XVII веке»⁵. По мнению автора, «термин «засека» приобретал более широкий и условный смысл, распространяясь на сложную систему укреплений, в которой лесные завалы-засеки только... смыкали естественные препятствия местности..., чередуясь с... частоколами, надолбами, ... валами и рвами»⁶. С того времени понятие «Засечная черта» прочно вошло как в специальную, так и в популярную литературу.

Что же подразумевается под Передовой засечной чертой? В «Военном энциклопедическом словаре» читаем, что эта оборонительная линия в 1571 г. располагалась от Путивля на западе до Алатыря на востоке⁷. Называя ее грандиозной, такой ученый, как А. Смирнов, писал о протянувшейся на сотни верст цепи засек, рвов, валов, частоколов, острожков и крепостей. В качестве иллюстрации исследователь использовал карту, озаглавленную «Засечные линии и сторожи при Иване IV и Б. Годунове». На ее авторство А. Смирнов не претендовал. Подпись свидетельствует, что карта составлена «по Беляеву» (имеется в виду И.Д. Беляев, изучавший в первой половине XIX в. станичную и сторожевую службу на южном порубежье России середины XVI–XVII вв.⁸). На ней мы находим изломанную черту, которой, согласно легенде карты, обозначены засечные линии, созданные до 1571 г., проходящую от Нов-

Дмитрий Анатольевич Карпов – ассистент кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

города-Северского через Путивль и Рыльск до Алатыря. Это, надо понимать, и есть Передовая засечная черта, указанная в статье. В нее, помимо уже названных городов, входят Орел, Новосиль, Данков, Рязжск, Шацк, Кадом, Темников⁹.

Эти же названия встречаем в фундаментальном труде Е.А. Разина по истории военного искусства, написанном почти за полвека до статьи А. Смирнова: «В период... Ивана IV была усилена древняя Тульская Черта и построена вторая Черта: ...от Путивля на Рыльск и далее на Новгород-Северский, Орел, Данков, Рязжск, Шацк, Алатырь на Суре»¹⁰. Свои выводы автор иллюстрировал картой, повторяющей в отношении Передовой черты ту самую, что у А. Смирнова названа «по Беляеву». Правда, карту Е.А. Разин составлял, скорее всего, не на основе оригинала, помещенного в книге И.Д. Беляева¹¹, а на основе более поздней перепечатки. Возможно, он работал со сборником карт и схем, составленным Л.Г. Бескровным¹². Карту именно из этого издания воспроизвел в своей статье и А. Смирнов. Интересно, что при перечислении городов Передовой засечной черты Е.А. Разин называет их не в том порядке, в каком они идут, если следовать с запада на восток по линии, нанесенной им на карту. На карте Черта идет от Новгорода-Северского на Путивль, дальше на Рыльск, Орел и т.д.¹³, как у Л.Г. Бескровного. Оборонительную же линию, идущую согласно той последовательности городов, которую в тексте привел Е.А. Разин, находим на карте, помещенной в работе профессора Императорской Николаевской Военной академии, генерал-майора А.Г. Елчанинова «История военного искусства в России до воцарения Петра Великого», написанной в начале второго десятилетия XX в.¹⁴. Есть упоминание об интересующем нас объекте и в тексте статьи: «При Иоанне IV была выстроена вторая засека – от Путивля на Рыльск, Новгород-Северский, Орел, Новосел [так в тексте назван Новосиль], Данков, Рязжск, Шацк, Темников и Алатырь на Суре»¹⁵.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что Е.А. Разин работал с обоими изданиями или восходящими к ним материалами, не стыковав текстовый материал с картографическим.

Абсолютно ту же самую последовательность городов данной укрепленной линии, только в обратном порядке, незадолго до А.Г. Елчанинова изложил в своем известном «Курсе русской истории» В.О. Ключевский: «Вторая линия, построенная в царствование Грозного, шла от... Алатыря на... Суре, захватывая в свою цепь Темников,

Шацк, Рязжск, Данков, Новосиль, Орел... на Новгород-Северский, и отсюда круто... на Рыльск и Путивль, так же имея впереди, где было можно, засеки, рвы, острожки»¹⁶. Обращает на себя внимание, что В.О. Ключевский не ведет речь собственно о Засечной черте, как едином военно-административном образовании. Оборонительная черта в его представлении это цепь крепостей, усиленных, «...где было можно...», полевыми фортификационными сооружениями. Учитывая же, что А.Г. Елчанинов в своей работе ссылается на «Курс русской истории» В.О.Ключевского по одному из вопросов о прошлом отечественных вооруженных сил¹⁷, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что и в отношении Передовой засечной черты он, вероятно, учитывал сведения, содержащиеся в этом труде. Только ту структуру, которую В.О. Ключевский назвал оборонительной чертой, представляя ее, повторимся, как цепь городов с тактическими укреплениями, А.Г. Елчанинов назвал засекой. Суть своего понимания этого термина исследователь в статье не раскрывает, но из контекста ясно, что речь о целостном образовании. Отсюда, возможно, и идет понимание учеными более позднего времени линии городов от Путивля до Алатыря на Суре, представляющих из себя отдельные оборонительные центры, как единого комплекса – Черты по терминологии XVI–XVII вв.

Сам же В.О. Ключевский, описывая вторую оборонительную линию Русского государства, прямо ссылается на источник своей информации – известную уже нам работу И.Д. Беляева «О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича»¹⁸. Таким образом, все указывает на то, что именно эта работа И.Д. Беляева стала источником сведений о Передовой засечной черте. Но если мы обратимся к оригиналу, то выяснится, что автор вовсе не пишет о данной линии городов, как о едином стратегическом образовании, которое можно было бы назвать по аналогии с Большой или Белгородской оборонительными линиями Чертой. Это, собственно, вполне понимал и В.О. Ключевский.

Прежде всего, бросается в глаза то, что та самая карта «по И.Д.Беляеву», послужившая образцом для публикуемой по сей день под заголовком «Засечные линии и сторожи при Иване IV и Б. Годунове» из атласа Л.Г. Бескровного, в подлиннике носит название «Чертеж городов, сторож и станичных разъездов на Степной Украине Московского государства». А тем значком, кото-

рый в атласе Л.Г. Бескровного обозначает засечные линии, в книге И.Д. Беляева показаны цепочки городов, существовавших до 1571 г.¹⁹. Составитель ли вышеназванного атласа подправил карту И.Д. Беляева, или он пользовался другим, уже искаженным, историографическим источником, в данном случае не принципиально. Ясно, что изначально на интересующей нас карте засечные черты не обозначались. Но может быть, в тексте найдутся упоминания о них?

Уже на первых страницах книги И.Д. Беляева мы натываемся на ту самую Передовую линию, но не засечную. Опираясь на данные Разрядных книг, автор отмечает, что к 1571 г. на южных рубежах Московского царства сложилось две линии «украинных» городов. Задняя линия, почти полностью проходившая по Оке от Серпухова до Нижнего Новгорода, являлась, по словам И.Д. Беляева, твердой границей государства. К этой же линии ученый относил и Тулу²⁰, смешивая, таким образом, оборонительные системы Берега и Большой черты. А вот к первому разряду украинных, или «передних», как писал автор, городов принадлежали Алатырь, Темников и далее по известному нам списку из сочинения В.О. Ключевского вплоть до Путивля²¹. Отсюда, по-видимому, и пошла «Передовая засечная черта». Но И.Д. Беляев писал, повторимся, не о Черте, как непрерывной и взаимосвязанной линии оборонительных сооружений, войска которой имеют общее руководство: «... существовала уже длинная цепь укрепленных городов по всей степной Украине, от Алатыря... до Путивля...»²². Цепи приграничных крепостей с автономной системой обороны, включающей в себя и полосу предполья со рвами, засеками и забоями на реках, о которой тоже упоминает И.Д. Беляев²³, были известны на Руси с глубокой древности. Еще в 990 г. Владимир Святославич начал возводить подобные по рекам Десне, Выстре (современное название Остер, приток Десны), Трубежу, Встугне (современное название – Стugna, приток Десны) и Суле²⁴.

Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, поставить под сомнение существование Передовой засечной черты, как единой стратегической оборонительной линии. Ее же выделение рядом отечественных историков стало следствием не критического отношения к историографическим источникам.

Примечания

¹ Иванов Ю.Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2004. С. 582–583.

² Атлас карт и схем по русской военной истории / сост. Л.Г.Бескровный. М., 1946. Л. 13; Волков В.А. Войны и войска Московского Московского государства. М., 2004. С. 495; Иванов Ю.Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2004. С. 463, 482; История России. IX–XVI века. 6 класс: Атлас. М., 2006. С.43; Передовая засечная черта // Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 547 и др. издания.

³ История России. IX–XVI века. 6 класс: Атлас. С.43.

⁴ Иванов Ю.Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2004. С. 508.

⁵ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 223; Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

⁶ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 16.

⁷ Передовая засечная черта // Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 547.

⁸ Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

⁹ Смирнов А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 37.

¹⁰ Разин Е.А. История военного искусства : в 3 т. М., 1957. Т.2. С. 342, 352.

¹¹ Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. Карта на вклейке.

¹² Атлас карт и схем по русской военной истории / сост. Л.Г.Бескровный. М., 1946. Л. 13.

¹³ Разин Е.А. История военного искусства : в 3 т. Т.2. М., 1957. С. 352.

¹⁴ Елчанинов А.Г. История военного искусства в России до воцарения Петра Великого // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб., 2003. С. 61.

¹⁵ Там же. С. 62.

¹⁶ Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М., 1987. С. 199.

¹⁷ Елчанинов А.Г. История военного искусства в России до воцарения Петра Великого // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб., 2003. С. 5.

¹⁸ Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. М., 1987. С. 199, сноски: С. 415.

¹⁹ Атлас карт и схем по русской военной истории / сост. Л.Г.Бескровный. М., 1946. Л. 13.; Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. Карта на вклейке.

²⁰ Там же. С. VIII.

²¹ Там же. С. VII.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею : Т.IX. СПб., 1862. С. 58.

В.В. Вяткин

Эволюция духовных консисторий: XVIII — начало XX века

Неотъемлемым звеном синодальной системы государственно-церковных отношений были региональные учреждения – духовные консистории.

Впервые слово «консистория» прозвучало в определении Синода за 1722 г. А в 1744 г. уже всем правительственным учреждениям, находящимся при архиереях, надлежало так называться. Деятельность консисторий понемногу регламентировалась. Указом 1768 г.¹ предписывалось включать в консисторские присутствия представителей и белого духовенства, которых в прошлом заменяли монахи.

Долгое время архиереи были, по сути, хозяевами в консисториях. Так, в 1785 г. архиепископ Московский Платон (Левшин), не согласовывая с Синодом, уволил одного из священников – членов Московской консистории. Гораздо хуже приходилось консисторским чиновникам. В 1786 г. за ошибку в отчетном документе Платон две недели морил чиновника на хлебе и воде.

К концу XVIII в. секретари консисторий были уже непосредственно подчинены Синоду, который их и принимал на работу, и увольнял. Еще обер-прокурор Д.И. Хвостов «часто обращался к секретарям епархий доставить ему точные сведения о положении дел»².

В 1803 г., выполняя указ императора, Синод подтвердил порядок назначения на секретарскую должность и смещение с нее только через Синод³. В связи с этим Платон (Левшин) жаловался, что нужно «терпеть перед

Валерий Викторович Вяткин – заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Пермского института железнодорожного транспорта, кандидат исторических наук, член Союза писателей России.

светскими унижение»⁴. «Желается, подчинив во всем секретаря, подчинить себе через них и Консисторию...»⁵ – откровенно признался он. Желание не исполнилось. В 1836 г. обер-прокурор Н.А. Протасов предписал именно секретарям наблюдать за порядком и в консисториях. Со временем консистории стали официальными правительственными церковными учреждениями в регионах. В начале XX в. вятский губернатор обратился в местную консисторию «с просьбой воздействовать на причт села...»⁶, проигнорировав при этом правящего архиерея.

С 1841 г. начал действовать Устав консисторий (далее: Устав). Значение его трудно переоценить: он дал единые правовые основания для всех консисторий, способствовал укреплению законности в церковной сфере, определил единый порядок рассмотрения церковных дел. По мнению П.В. Знаменского, Устав стоил дорогого, ибо доустановная епархиальная жизнь давала широкий простор для архиерейского деспотизма⁷.

Архиереи Уставу не порадовались. Епископ Порфирий (Успенский) писал: «Итак, допущены две власти в единой... церкви... власть духовная и светская, архиерейская и чиновничья, первая – смиренная, боящаяся доносов секретарских, вторая – преобладающая... Нелепый устав! Он подчиняет Церковь государству, святость – греховности...»⁸. Но духовная власть часто была не смиренной и не послушной; примеров святости духовенства мало – а фактов неуважения законов хоть отбавляй. Однако, Порфирий прав в важном: друг другу действительно противостояли две власти – духовная и светская. На уровне епархий противостояли епархиальные архиереи и консистории.

В статье 1 Устава читаем: «Духовная консистория есть присутственное место, чрез которое, под непосредственным начальством... Архиерея, производится управление и духовный суд...» Правом вмешательства в работу консисторий пользовался лишь Синод и епархиальные архиереи. Состоя в подчинении Синода, каждая консистория регулярно представляла туда исчерпывающие сведения о различных сторонах местной церковной жизни. Даже на мелкие шаги в церковной сфере часто требовалось разрешение Синода, будь то строительство небольшой часовни. Главной задачей консисторий была охрана православия. Устав конкретизировал направления деятельности консисторий: собственно, их контроль и участие подлежали вся церковная жизнь в пределах данной епархии. Благодаря консисториям стал известным опыт лучших священников. Консистории находили время и на ознакомление духовенства с новинками церковной литературы, рекомендуя лучшие издания. Консисторские решения не являлись тайной: они часто публиковались в местной церковной прессе.

Разнообразная деятельность привносила проблемы. Консистории были завалены множеством документов. В 1867 г. через Пермскую консисторию прошло 11 591 входящих бумаг и 14 096 исходящих⁹ (свыше 100 в день!). Заслуживает внимания и заметное превосходство числа исходящих документов. В нынешних епархиях больше входящих: на многие письма вообще не отвечают. Перегруженность консисторий отражалась на качестве их работы.

Уже в первой половине XIX в. принимались меры к оптимизации консисторского делопроизводства. В 1832 г. Синод принял специальное постановление «О сокращении делопроизводства в учреждениях духовного ведомства»¹⁰. Не следует думать, что этим был озабочен лишь Синод. В 1829 г. московский митрополит просил учредить, помимо постоянного, временное присутствие для скорейшего рассмотрения дел¹¹. В 1865 г. Пермская консистория издала указ «О сокращении переписки»¹². Во второй половине XIX – начале XX в. прослеживается гораздо большая тенденция к разгрузке консисторий.

Каждая консистория была двухчастным органом, состоя из присутствия и канцеля-

рии. В состав **присутствия** входили представители и черного и белого духовенства. Архиепископ Никанор (Бровкович) говорил, что «за столом консисторским сидят лучшие люди из духовенства»¹³. Но «лучших» было не много. Комплектуя присутствие Полоцкой консистории, архиепископ Савва (Тихомиров) пожаловался: «Но откуда мне было взять таких кандидатов?»¹⁴ Членов присутствия определял епархиальный архиерей, но его выбор подлежал утверждению Синодом.

Число заседаний зависело от количества дел, подлежащих рассмотрению. Были свои рекорды: в 1885 г. Якутская консистория заседала 260 раз¹⁵.

Органом жесткой власти консисторию не назовешь. Порфирий (Успенский) свидетельствовал, как в Киевской епархии служанка отомстила подвыпившему священнику. Отрезав у него бороду, она прикрепила ее сургучом к листу с текстом своей жалобы на священника. Жалоба попала в консисторию, которая «повела дело так, что у попа отросла борода...» Служанка осталась без удовлетворения. «Ай да консистория! – воскликнул Порфирий. – Со дна Днепра выгачит попа не мокрого»¹⁶.

Все делопроизводство консистории сосредоточивалось в канцелярии, управляемой **консисторским секретарем**, который являлся ключевой фигурой во всей консистории. Сам Синод однажды напомнил об «особенной важности обязанностей, лежащих на секретарях консисторских»¹⁷. Уместен пример секретаря Пермской консистории Г. Мышкина. Он был, «в своей консистории... главным вершителем дел, что называется «силой»¹⁸.

Одной из главных задач секретаря было обеспечение законности и справедливости в консисторской работе, и многие секретари, уже в силу своей образованности, успешно решали эту задачу. То, что она эта возлагалась на светское лицо – секретаря, – исторически оправданно. В 1767 г., рассмотрев беспорядки в ряде консисторий, Синод связал это с тем, что консисторские должности занимали исключительно монахи, не знавшие государственного законодательства.

Во многих консисторских указах, в бытность светских секретарей, присутствуют ссылки на законы. Не редкость указы, где законы цитируются, что не в пример архиереям. Митрополит Арсений (Москвин), обратив-

шись к другому архиерею, просил о своем протее: «Постарайтесь его, сколько возможно, успокоить, и главное, от всяких, даже законных, требований Консistorии оградить...»¹⁹ Совсем другое – секретари. «Ты был первым охранителем и исполнителем закона...»²⁰ – сказал о секретаре А.Я. Светлове член Пермской консистории.

Со временем секретарь становился все более значимой фигурой. В 1803 г. консисторских секретарей уравнивали в чинах с секретарями губернских правлений. Но что же было на самом деле? В 1783 г. секретарь Московской консистории Львов был произведен лишь в титулярные советники (девятый класс)²¹. Перспективы, конечно, были, ведь по штатному расписанию должности секретаря консистории соответствовал высокий шестой класс (коллежский советник)²². В 1870 г. коллежским советником стал секретарь Вятской консистории А. Вепрев²³.

В Уставе 1841 г. читаем: «Секретарь Консistorии определяется... Синодом по избранию... Обер-Прокурора... и увольняется также... Синодом... Секретарь... находясь под... начальством епархиального Архиерея, состоит... в непосредственном ведении Обер-прокурора... и обязан исполнять все его предписания»²⁴. Главным начальником для секретаря был именно обер-прокурор, к которому секретарь всегда мог обратиться беспрепятственно, являясь его личным представителем.

Иные секретари получили восторженные характеристики. М.И. Капустин писал в 1871 г. о «замечательном бескорыстии»²⁵ Л.К. Берегавского, о его незаурядных способностях, благодаря которым в Пермской епархии преодолели кризис. А вот что говорили о другом консисторском секретаре А.Я. Светлове: «Искреннее благочестие и набожность, – писал один из пермских священников, – кротость, и смирение... честное отношение к своему долгу, доходившее до самоотвержения...»²⁶

Свои достоинства секретари подтверждали делами, как секретарь Вятской консистории Илья Колесницкий, который в 1812 г. пожертвовал на победу над врагом половину своего годового жалованья.²⁷ Или секретарь Калужской консистории А.М. Гимальский, спасший в 1812 г. от французов имущество своей консистории.

Однако секретарей и много критиковали.

Существовала легенда, что секретари, бравшие взятки, имели в год десятки тысяч рублей.

А теперь о подчиненной секретарю **канцелярии**. Называя консисторских аристократией, митрополит Филарет (Дроздов) подчеркивал большую их роль. Консistorские чиновники (это также госслужащие) имели более скромные чины, чем секретарь. И кому-то вспомнятся Акакий Акакиевич, Макар Девушкин и прочие литературные символы чиновничьей нищеты. Но штатное расписание консисторий открывало перед чиновниками неплохие перспективы. Начав трудиться консисторским сторожем, иные со временем могли попасть и в канцелярию Синода. Столоначальник Пермской консистории П.В. Удинцев 1911 г. был надворным советником²⁸ (седьмой класс).

А теперь об окладах консисторских чиновников. В 1797 г. утвердили новые штаты консисторий. Помощник секретаря консистории стал получать 100 руб. в год, канцеляристы – по 80 руб.²⁹ Это были мизерные суммы.

Но важно заметить, что в 1869 г. утвердили новые штаты консисторий, втрое увеличив средства на их содержание. Оклады выросли: у столоначальников до 600 руб. казначеев – до 500 руб.³⁰ «Новых окладов нельзя не признать... достаточными...»³¹ – писал П.В. Знаменский. Но и эти выплаты кардинально ситуацию не исправляли. Проблему безденежья решали на местах: путем повышения канцелярских пошлин, сборов за печатные циркуляры и т. д. Многие значила сметливость секретарей. В 1893 г., по инициативе секретаря В.А. Александровского, Оренбургская консистория обзавелась собственной типографией, доходы от которой шли на нужды консистории. Перемены принес закон 1916 г., который учел и инфляцию. Так, казначей Пермской консистории стал получать 1 320 руб. в год³². Архиерей же имел всего в два с половиной раза больше, тогда как ныне у среднего епископа в сотни раз большая «зарплата», чем у сотрудника епархиального управления.

Не будем сбрасывать со счетов и моральное поощрение консисторских чиновников. Из формуляра казначея Пермской консистории И.Л. Олина видно, что он в свои 28 лет имел уже две медали. Служивший в той же консистории в 1880-е гг. столоначальником

А.В. Накаряков имел еще больше – орден Св. Станислава III степени³³.

Особый вопрос – уровень образованности консисторских сотрудников. Здесь разнообразная информация. Так, Адрес-календари Пермской епархии на 1882 и 1885 гг. составил столоначальник Пермской консистории Н.Д. Топорковым, что говорит об его образованности. Но негативных примеров больше. В 1837 г. при ревизии Оренбургской консистории выявлена поголовная безграмотность и невежество ее чиновников. Низкая грамотность влияла на качество работы. Вступив в управление Полоцкой епархией, Савва (Тихомиров) был поражен «неустройством делопроизводства» в местной консистории. «В постановлениях Консистории, – записал Савва, – встречал я отсутствие не только логических и юридически-канонических оснований, но и грамматического смысла...»³⁴

Работа консисторских канцелярий имела разные негативные стороны. Так, стало притчей во языцех взяточничество консисторских. Вспоминает М.И. Капустин: «Еще... в 1840–1850-х годах консисторские *повытки* разъезжали по епархии, собирая каждый... с духовенства где что можно... С пустыми руками их простить было ни о чем нельзя»³⁵. Но взяточничеству и поборам способствовали нищенские оклады.

Консисторские дела нередко и «волочились». (Это была общероссийская проблема.) Сам Синод признал, что только с 1826 по 1828 г. количество нерешенных консисторских дел удвоилось³⁶. Познакомившись в 1866 г. с Полоцкой консисторией, Савва (Тихомиров) записал: «Медлительность в делах и невнимательность к требованиям... были поразительные. Я нашел не мало дел, оставшихся без рассмотрения и решения с сороковых и пятидесяти годов...»³⁷

Можно по-разному смотреть на недостатки канцеляристов. Они меркнут на фоне безобразий, чинившихся клириками. Архивные фонды переполнены свидетельствами об этом. И еще: нет оснований, считать консисторских более виновными, чем сотрудники других правительственных учреждений.

Да, консисторские критиковали. Но их формулярные списки представляют часто другую картину. В формуляре И.Л. Олина из Пермской консистории отмечается его «от-

лично-усердная служба и особые труды», в другой раз – «примерное усердие»³⁸. Иные канцеляристы подтвердили свои достоинства делами, как в 1812 г. сотрудники Вятской консистории Гавриил Мотрохин и Петр Люминарский, «добровольно вступившие в войска»³⁹.

Улучшение консисторской работы связано с реформами Александра II. С 1865 г. создаются епархиальные ревизионные комиссии по проверке отчетности о средствах консистории. А с 1867 г. в стране действуют епархиальные съезды, и функции консисторий все более становятся исполнительными; съезды служат сдержкой и противовесом по отношению к консисториям. «Мало-помалу съезды сделались хозяевами материального положения епархии...»⁴⁰

Намечается сотрудничество съездов с консисториями. В 1910 г. на совместном заседании депутатов Екатеринбургского епархиального съезда и местной консистории обсуждался вопрос «О мерах борьбы с пьянством». И еще. Две ветви власти – консисторская и архиерейская стали взаимно контролировать и уравнивать друг друга. Итак, в XIX в. идет процесс совершенствования консисторской системы.

Пореформенные консистории стали поддерживать и самые авторитетные архиереи. Один из них, Никанор (Бровкович), выступил в защиту консисторий в разговоре с К.П. Победоносцевым: «Они [консистории] теперь вырастают, начинают проникаться сознанием долга, что продажность теперь отходит на задний план и становится просто невозможной...»⁴¹

Примерно в то же время, заняв Тверскую кафедру, Савва (Тихомиров) признался: «...Консисторией я пока доволен; дела идут мирно и спокойно»⁴².

Правительство и в дальнейшем занималось консисторской проблемой. 17 августа 1910 г. Синод выпустил указ по упрощению и ускорению делопроизводства в консисториях. Консистории упразднили 6 марта 1918 г.: на смену им пришли епархиальные советы.

Можно говорить и о тех позитивных сторонах консисторий, что выгодно их отличает от нынешнего епархиального управления:

1. Они обеспечили единую церковную политику в различных регионах, придавая Цер-

кви столь необходимую целостность, тогда как ныне царит епархиальная «диверсификация».

2. Они обеспечивали все большую законность в церковной жизни, что не характерно нынешней РПЦ.

3. Они подчинялись принципу гласности.

4. Консistorская система предполагала финансовую «прозрачность» и дисциплину.

5. Консistorии предоставили прецедент активного и плодотворного участия мирян в церковном управлении, удаленных ныне от серьезных дел в Церкви.

Примечания

¹ ПСЗ-1. Т. XXIV. № 18273.

² Кондаков Ю. Е. Государственная власть и эволюция высшего управления Русской православной церкви в первой половине XIX века: дисс. докт. ист. наук. СПб., 2004. С. 371. С. 189.

³ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20834.

⁴ Цит. по: Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. СПб., 2003. С. 614.

⁵ Там же.

⁶ Касимова Э. Г. Реализация государственной конфессиональной политики среди удмуртов, марийцев, татар Вятской губернии в 1870–1905 гг.: дисс. канд. ист. наук. Киров, 2005. С. 116.

⁷ Знаменский П. В. Приходское... С. 594.

⁸ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. IV. СПб., 1896. С. 134–135.

⁹ Государственный архив Пермской области (далее: ГАПО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 302. Л. 1.

¹⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания при Николае I (ПСПиР Н I). № 445. 31 августа 1832 г.

¹¹ ПСПиР Н I. № 246. 15 мая 1829 г.

¹² Памятная книжка для духовенства... Пермь, 1896. С. 101.

¹³ Киевский собор 1884 г. Из записок архиепископа Никанора // Русский архив. 1908. № 9. С. 88.

¹⁴ Титов А. А. О записках архиепископа Саввы // Русский архив. 1905. № 2. С. 258.

¹⁵ Юрганова И. И. Якутская духовная консистория: история становления и деятельности. 1870–1919 гг.: дисс. канд. ист. наук. Якутск, 2003. С. 32.

¹⁶ Цит. по: Русский архив. 1905. № 11. С. 512.

¹⁷ ПСПиР Н I. № 597. 24 мая 1834 г.

¹⁸ Капустин М. И. Преосвященный Иннокентий (Коровин) // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. VI. Пермь, 1903. С. 64.

¹⁹ Письма митрополита... С. 212 (Письмо 1863 г.)

²⁰ Знаменский Андрей, священник. Александр Яковлевич Светлов, секретарь Пермской духовной консистории (некролог). Пермь, 1900. С. 6.

²¹ Розанов Н. П. Около церковных стен. С. 28.

²² Вятские епархиальные ведомости. 1869. Отд. оф. № 11. С. 216.

²³ Вятские епархиальные ведомости. 1870. Отд. оф. № 24. С. 492.

²⁴ Устав 1841 г. Ст. 287, 288.

²⁵ Капустин М. И. Лаврентий Корнилович Берегавский // Пермские епархиальные ведомости. 1871. Отд. неоф. № 3. С. 27.

²⁶ Знаменский А. Александр... С. 3.

²⁷ См.: Осокин И., протоиерей. Материалы для истории Отечественной и освободительной войны по архиву Вятской духовной консистории. Вятка, 1912. С. 16.

²⁸ Справочная книга Пермской епархии / Сост. дьякон Петр Ершов. Пермь, 1911. С. 3.

²⁹ Капустин М. И. Преосвященный... С. 104.

³⁰ Вятские епархиальные ведомости. 1869. Отд. оф. № 11. С. 216–220.

³¹ Знаменский П. В. Приходское... С. 641.

³² ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 488. Л. 1 об. 2 об.

³³ Пермский епархиальный адрес-календарь на 1882 г. / Сост. Н. Д. Топорков. – Пермь, 1882. С. 6.

³⁴ Титов А. А. О записках... С. 257.

³⁵ Капустин М. И. Преосвященный... С. 20.

³⁶ ПСПиР Н I. № 234. 2 апреля 1829 г.

³⁷ Титов А. А. О записках... С. 258.

³⁸ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 488. Л. 1 об. – 2 об.

³⁹ Осокин И. Материалы... С. 18.

⁴⁰ Полный... Ст. 2135–2136.

⁴¹ Киевский собор... С. 87–88.

⁴² Титов А. А. Из записок Саввы, архиепископа Тверского // Русский архив. 1906. № 3. С. 399.

Организация выборов в местные органы самоуправления Пермской губернии во второй половине XIX века

Капиталистическое развитие России во второй половине XIX в. заставляет царское правительство становиться на путь преобразований. С отменой крепостного права в 1861 г. начинается волна буржуазных реформ. В частности, значимыми для России реформами стали земская и городская. С проведением этих реформ население получило новое право – право голоса, право выбора.

Проведение массовых публичных выборов путем закрытой баллотировки стало для Пермской губернии, ровню, как и для всей России, делом новым, еще не известным. По закону и указу от 1 января 1864 г. земства вводились в 34 губерниях Европейской России. В Пермской губернии земские учреждения были введены в 1870 г., что повлекло за собой проведение необходимой процедуры выборов.

Земские учреждения были введены в двух административно-территориальных единицах: в уезде и в губернии. Таким образом, земские учреждения занимали своеобразное и достаточно изолированное положение в аппарате власти¹. Выборы в земские учреждения проходили на трех избирательных съездах: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборщиков от сельских общин.

Порядок проведения выборов определялся разделом Городового положения «О городских избирательных собраниях». Однако из-за отсутствия опыта и традиций в организации такого мероприятия постоянно возникали большие сложности в проведении выбо-

ров. Во-первых, проблемы вызывала техника проведения выборов. Подготовка начиналась с составления списков избирателей – лиц и учреждений, получивших право участия в выборах². Выборы основывались на принципе имущественного ценза. Избиратели заносились в список для голосования по мере понижения суммы налога, уплачиваемого ими в городскую казну. Следовательно, чем больше была эта цифра, тем ближе к началу списка находился избиратель. Особую трудность вызывало также то, что для собрания огромного количества людей не имелось помещения и необходимого оборудования: ящиков, баллотировочных шаров и т.д.

Кроме технической проблемы возникал вопрос об ознакомлении населения со списком допущенных избирателей. Первоначально была идея опубликования списков в периодических изданиях, однако это повлекло бы за собой большие финансовые затраты. Поэтому было решено вывешивать списки в помещении Городской думы или управы. Необходимо заметить, что ориентироваться в этих списках было не просто, поскольку они выполнялись от руки, часто с ошибками, а фамилии располагались не в алфавитном порядке, а по цифре выплачиваемого налога.

Процедура выдвижения кандидатов в гласные в Городовом положении особо не оговаривалась. Кандидатуры выдвигались непосредственно перед началом голосования. Любая предвыборная агитация была запрещена. Участвовать в баллотировке в гласные городской думы мог любой человек, имеющий право участия в выборах (ст. 35 Городового положения). Каждый избиратель мог предлагать в гласные неограниченное количество кандидатур, включая свою собственную (ст.

¹ Татьяна Викторовна Соловьева – консультант протокольного сектора управления документационного обеспечения и кадров аппарата Законодательного Собрания Пермского края, г. Пермь.

37)³. Принимать участие в местном самоуправлении могли не только дворяне, но и другие классы. Причем помещики, имея право голоса во всех уездах, где они владели землей, могли не участвовать в выборах сами, а уполномочивать на то своих доверенных лиц. Такие доверенные помещиков избирались гласными в губернии. Иногда помещики, состоявшие в родственных отношениях, добивались такого положения, что имели несколько доверенных гласных в земстве одного и того же уезда. Таким образом, регистрация неограниченного количества кандидатов в гласные приводила к огромным спискам избираемых кандидатур в земские учреждения.

Выборы гласных в земские собрания проходили по трем куриям. Право голоса при выборах в первую курию было одинаково у каждого, владеющего определенной пропорцией земли. Эта пропорция составляла от 200 до 850 десятин, в зависимости от ценности земли. Однако внутри этой группы не все землевладельцы имели одинаковые голоса. К примеру, голос крупного землевладельца – дворянина равнялся 20 голосам мелких дворян. Таким образом, крупные дворяне имели возможность играть решающую роль в земствах. Во вторую курию входили лица, владеющие недвижимой собственностью. Третью курию составляли крестьяне и те, кто получил земельные душевые наделы.

Число уездных гласных от каждой курии было определено в каждом уезде Положением и установлено таким образом, чтобы обеспечить преобладание дворян в земских собраниях и управах.

Накануне выборов каждому избирателю высылались список кандидатов вместе с приглашением, где указывалось место проведения, день и час. Однако фамилии в списке избирателю ничего не говорили, зачастую это были никому неизвестные люди. Совершенно вслепую приходилось выбирать любую кандидатуру⁴.

Получается, выборы существовали сами по себе, отдельно от кандидатов и избирателей. Население проявляло безразличие к выборам. Одной из причин неактивности избирателей являлось то, что выборы проходили в будни и занимали целый день. Городовое положение устанавливало закрытую подачу голосов путем баллотировки шарами. На каж-

дого кандидата имелся отдельный ящик, разделенный пополам. В каждый ящик избиратель опускал по два шара: в одну половину ящика – за кандидата, в другую – против.

Помимо несовершенной техники голосования на результатах выборов сказывалось также то обстоятельство, что в ходе подготовки с населением не проводилось никакой разъяснительной работы. Избиратели совершенно не знали своих прав и обязанностей.

Не соблюдали никаких правил предвыборной агитации и выборов также и кандидаты в гласные. Сельский священник Николай Блинов – гласный Осинского уездного земского собрания – в своих очерках «Земская служба. Беседы гласного – крестьянина Акима Простоты» приводит картины земских выборов в Пермской губернии. Хлебный торговец, содержатель почтовой станции, стремясь пролезть в гласные, спаивали крестьян, через ловких ходоков-говорунов уговаривали их. И такой подкуп удавался будущим гласным, поскольку большинство крестьян равнодушно относилось к земским учреждениям⁵.

На основании Городового положения избранными в гласные считались лица, за которых проголосовали более половины избирателей. Гласные избирались на три года и собирались один раз в год на сессии.

Проблема подготовки к выборам привела также в 1869 г. к созданию в Пермской губернии особых временных уездных комиссий и губернского комитета. В состав комиссий входили мировой посредник, уездный исправник, полицмейстер, чиновник ведомства государственных имуществ и городской голова. Председателем комиссии назначался уездный судья. Работа комиссий заключалась в составлении избирательных списков и назначения примерных сроков созыва избирательных съездов⁶.

Первые прошедшие выборы показали несовершенство, а точнее полную несостоятельность организации выборов. Баллотировка шарами затягивала процесс и предоставляла поле для разного рода злоупотреблений.

Несмотря на то, что пермские землевладельцы-горнозаводчики обладали огромным движимым и недвижимым имуществом, легально овладеть земскими учреждениями и подчинить их своим интересам они не могли. Гораздо больше было дворян-чиновников,

беспоместных, мелкопоместных или имевших незначительную недвижимость. Они-то и получили возможность вместе с промышленниками-разночинцами и сельской буржуазией получить большинство мест в земстве. В этих особенностях и заключалась специфика уездных земств Пермской губернии⁷.

После выборов земские собрания получали в пределах своей сферы значительную самостоятельность.

Для начала распределение властей выглядело следующим образом: распорядительная «власть» принадлежала уездным и губернским земским собраниям; исполнительными органами земских собраний были постоянно действующие уездные и губернские земские управы в составе 3-5 человек, избравшиеся также сроком на три года.

Земские собрания, кроме того, сами определяли свой состав: «поверка числа Гласных, законности и действительности выбора возлагается на самое Земское Собрание» (ст. 37 Городового положения). Председателем земского собрания являлся уездный предводитель дворянства, который избирался сословным собранием. Земские собрания назначали также постоянные исполнительные комитеты под именем земских управ, губернских и уездных. Губернская управа состояла из 7 членов, уездная – из трех, избираемых собранием из своего состава⁸.

Благодаря такой самостоятельности земские управы имели немало привилегий, хотя по Положению им не присваивалось ни классов, ни каких-либо преимуществ. Члены управ получали жалованье от земства, в размере, определенном земскими же собраниями. Собрания также имели право назначать, независимо от членов управ, лиц из своей среды для управления имуществом и заведениями, принадлежащими земству.

Анализ результатов подготовки и проведения выборов показал все недостатки и ошибки, которые необходимо было исправлять. Требовалось создание единых форм. В 1875 г. в Хозяйственном департаменте разрабатывают две формы: 1-я и 2-форма (45 граф в одной и 51 – в другой) для предоставления по единой схеме сведений о составе городских избирательных собраний и общественных учреждений. Первой формой запрашивались сведения о числе горожан, по-

лучивших избирательное право и о количестве избирателей, участвующих в выборах, в том числе по доверенности. Форма 2-я отражала состав городских дум и управ: словная и порозрядная принадлежность гласных, основания для получения ими избирательных прав, число гласных, принимавших участие в выборах по доверенности, число вновь избранных гласных, входивших в состав предыдущей думы, разряд избирателей, выбравших гласного. Данные формы содержали достаточно широкую информацию, поскольку по ним составлялись отчетности о городских выборах в течение всего периода действия избирательного закона⁹.

После первых же проведенных выборов стало видно, что по новому избирательному закону избирательные права получила очень маленькая часть городского населения: из 22 712 жителей Перми 27% участвовали в выборах, и лишь 2,7% от этого количества получили избирательное право¹⁰.

Таковы были результаты на 1-е четырехлетие. Как же дальше развивалось участие городских жителей в выборах? За отрезок времени между выборами на 1-е и 4-е четырехлетие количество избирателей увеличилось по Перми в 3,1 раза, но это увеличение не привело к изменению соотношения между числом городских жителей и избирателей. Право голоса по-прежнему имела очень небольшая часть городского населения. Количество жителей к тому времени увеличилось до 32 909 человек, однако 5,9% получили избирательные права и 5,8% участвовали в выборах. Если сравнить показатели участия в выборах на 1-е и 4-е четырехлетие, то процент уменьшился в 4,6 раза. Как следует из анализа данных, люди не шли голосовать¹¹.

Кроме того, статистические формы, представляемые в Хозяйственный департамент, предусматривали также сбор сведений о распределении городских избирателей по роду выплачиваемого налога: по оценочному сбору с недвижимых имуществ, сбору с торговых документов и оценочному сбору с недвижимых имуществ наряду со сбором с торговых документов. По новым формам требовалось представить сведения о трех группах избирателей, что позволяло получать четкие данные по группам плательщиков, исключая домовладельцев¹².

Собранные данные о распределении избирателей по роду выплачиваемого налога позволяли судить о социальном составе городских избирательных собраний. Плательщиками налога с недвижимой собственности были дворяне, духовенство, мещане и разночинцы.

Плательщиками второй и третьей группы являлись представители торгово-промышленной категории: купечество, мещанство, крестьянство, ремесленники.

Как же выглядел состав городской думы? Число гласных, пользовавшихся правом личного голоса, составляло 68 человек. Среди них по оценочному сбору с недвижимых имуществ 17 человек – дворяне и лица духовного звания, 2 купца, 2 мещан, мелких ремесленников или крестьян; по сбору с торговых документов 2 человека – дворяне и лица духовного звания, 10 купцов и 1 человек – мещанин, мелкий ремесленник или крестьянин; по оценочному сбору с недвижимых имуществ и с торговых документов места распределялись следующим образом: 5 человек дворян и лиц духовного звания, 26 купцов и 3 мещан, ремесленников или крестьян¹³.

Из анализа состава думы видно, что в торгово-промышленную группу кроме 36 лиц купеческого сословия входили также несколько человек из крестьян, ремесленников, мещан и дворян. Эти сведения также хорошо отражают процесс разложения сословий и формирования классов капиталистического общества.

Таким образом, население, несмотря на

формирование нового способа существования общества, отнеслось безразлично к выборам. Процент городских жителей, получивших право участия в выборах, был крайне низким. Но даже при маленьком проценте избирателей чрезвычайно слабым оказалось участие в выборах лиц, имеющих такое право голоса.

Так обстоит дело с формированием механизма выборов в представительные органы власти в Пермской губернии. Несмотря на многочисленные сложности и отсутствие опыта данный механизм начинал работать и просуществовал до начала XX века.

Примечания

¹ Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. С. 88.

² Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика / Под ред. Р.Ш. Ганелина. Л., 1984. С. 51.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Черныш М.И. Указ. соч. С. 89.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ Там же. С. 98.

⁸ Лохвицкий А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. I. С. 153.

⁹ Там же. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 61

¹¹ Там же. С. 62

¹² Там же. С. 64.

¹³ Там же. С. 73

О судебной реформе 1897 г. в Сибири

Известно, что судебная реформа 1864 г. первоначально была реализована только в 44 из 82 губерниях России. Судебные уставы не регламентировали механизм введения реформы в действие. После их подписания 20 ноября 1864 г. специально созданная в 1865 г. комиссия разработала программу реализации реформы, согласно которой ее планировалось осуществить в два этапа. На первом этапе предполагалось открытие новых судов в 10 губерниях (Московской, Калужской, Рязанской, Владимирской, Тульской, Тверской, Ярославской, Санкт – Петербургской, Новгородской, Псковской) в течение 1866 г., на втором – на остальной территории России (за исключением территорий с особым управлением) в течение 4 лет¹. Так, к регионам, в которых судебная реформа не вводилась, была отнесена и Сибирь, и это обстоятельство можно объяснить следующими причинами.

Россия всегда отличалась известной неравномерностью социально-экономического и культурного развития различных ее частей. Так, Сибирь середины XIX в., по мнению большинства, была отсталой во всех отношениях окраиной империи, здесь еще не был исчерпан ресурс административных способов управления территорией. Кроме того, данный регион продолжал оставаться местом уголовной и политической ссылки. Сибирский капитал ещё не стал самостоятельной и определяющей силой, поэтому не созрели экономические предпосылки для судебной реформы. Помимо этого, необходимо учитывать неопределенность правового статуса территории.²

Екатерина Валерьевна Малышева – ассистент кафедры гуманитарных дисциплин Тобольского промышленного института.

К вышеуказанному необходимо добавить и то, что правительство недооценивало экономический и геополитический потенциал Сибири, а также очевидное игнорирование властью потребностей местного населения в правовых средствах и инструментах защиты. И, наконец, ретроградство, косность и свекорыстие местного полицейского чиновничества, оказывавшего всемерное сопротивление планам переустройства судов, а, следовательно, утрате своей юридической власти. Все это явилось непреодолимым препятствием на пути реализации судебной реформы 1864 г. в Сибири сразу же после подписания Судебных уставов.

Конечно, нельзя сказать, что царское правительство совершенно не замечало проблем сибирских территорий и не искало средств по их разрешению. Можно указать несколько мероприятий, направленных на преобразование «судебных мест» и «судебных установлений» в 70-80 гг. XIX в. Так, еще в 1871 г. Министерство юстиции пыталось принять предварительные меры, направленные на улучшение судоустройства и судопроизводства этого региона. По предложению главного Управления Сибири министерство юстиции решило распространить на данной территории действие правил 11 октября 1865 г. и Правил 10 марта 1869 г., регулировавших порядок производства дел в прежних судебных местах. Для этого был составлен проект «Временных правил о применении в Сибири улучшенного судопроизводства и делопроизводства в судебных местах прежнего устройства». Но ввиду отсутствия материальных средств распространение действий «Временных правил» было приостановлено до 1 января. Помимо «Временных правил» были выработаны «Временные шта-

ты судебных установлений и прокурорского надзора в Сибири», согласно которым предполагалось ликвидировать городские суды в ряде сибирских городов и возложить их функции на окружные суды.³

Однако, упразднение в 1882 г. Западно-Сибирского генерал-губернаторства изменило управленческий статус некоторых губерний (Тобольской и Томской). Он был фактически приравнен к статусу внутренних губерний России. В итоге Западная Сибирь превратилась в своего рода «внутреннюю окраину», повысив свое положение благодаря «интегрированности в имперское пространство».⁴ Соответственно встал вопрос о распространении благ, которыми пользовались внутренние губернии, и на данный регион (в том числе речь шла и о реализации судебной реформы). Таким образом, это событие претворило очередной этап преобразований судебной «части» Сибири. Так, в 1882 г. Министерство юстиции вновь вернулось к вопросу о сибирском суде.

20 февраля 1883 г. министр юстиции Д.Н. Набоков представил в Государственный совет записку с предложениями об изменении деятельности сибирского суда. Выработанные Министерством юстиции законоположения, после обсуждения в Государственном совете, вошли в закон 25 февраля 1885 г, в котором были утверждены «Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае», в дальнейшем «Временные правила 1885 г.». Предполагалось, что «Временные правила 1885 г.» вступят в силу с 1-го сентября 1886 г. с соблюдением постепенности, которая будет определена по взаимному соглашению министров юстиции, внутренних дел и финансов.⁵

Основой судебной реформы 1885 г. должна была стать комбинация положений нескольких законодательных актов 1860-х гг., внесших в свое время в устаревшие судебные порядки передовые процессуальные начала. Важно отметить, что все вышеуказанные преобразования судебной «части» Сибири были проведены в рамках реорганизации местной администрации на принципах единовластия и единоначалия, то есть на принципах, заведомо несовместимых с природой правосудия.

Известно, что дореформенная российская юрисдикция – это вид управленческой дея-

тельности в её специфическом виде, а система судебных органов представляла собой систему структурных подразделений администрации с полномочиями в области юрисдикции, её составную часть. Это в полной мере соответствовало форме и структуре власти империи, принципу ее единовластия. Каждое административное ведомство имело свою «судебную часть»: общая администрация губернии – суды общей юрисдикции, «по крестьянским делам», по делам опеки, «сиротские суды»; военное ведомство – военные суды, трибуналы; финансовые ведомства – коммерческие суды; церковь – духовные суды и т.д.). Суды «общих установлений» были и организационно и процессуально подчинены администрации: губернаторы не только утверждали все решения и приговоры местных судов, но и одновременно совмещали должности председателей губернских судов. Судебные процедуры, были основаны исключительно на административных приемах и методах (так называемый инквизиционный процесс). Цель такой деятельности – применение уголовной репрессии либо прямое административное разрешение гражданско-правовой коллизии. Политика частичных изменений и «улучшения» такого порядка 70 – 80 гг. XIX в. не дала результатов. Следовательно, требовалась иная модель государственного управления, которая позволила бы разделить функции управления и юрисдикции. Такой моделью и была реализованная в Европейской части России судебная реформа 1864 г.

Таким образом, назрели предпосылки для осуществления судебной реформы в Сибири в полном объеме. К тому же к концу XIX в. ситуация как внутри страны, так и за её пределами коренным образом изменилась. Россия была вынуждена искать адекватные ответы на те вызовы и угрозы её интересам, которые складывались вследствие активизации политики дальневосточного и среднеазиатского направления сопредельных и других наиболее сильных стран. Таким ответом могла быть только всемерная экспансия России на восток, реальное освоение её восточных территорий. Строительство транссибирской железнодорожной магистрали, портов, крепостей и других инфраструктурных сооружений обеспечили России реальное участие в делах Дальнего Востока и Средней Азии. Так, Сибирь из ок-

раинной, удерживаемой «про запас» территории превратилась в опорный, стратегически важный регион как внутренней, так и внешней политики империи. От властей потребовались неотложные усилия, направленные не только на активное развитие экономического и хозяйственного потенциала Сибири, но и обустройство на её территории эффективной управленческой системы. Полуколонизальная, военно-административная организация власти к тому времени успешно доказала свою полную несостоятельность и требовала срочной реорганизации. Важнейшим направлением такой реорганизации должно было быть внедрение в сферу государственного строительства правовых методов деятельности, создание стимулов для социальной и общественной ответственности сибирских властей за решение вопросов местного значения.

Следовательно, главной целью судебной реформы в Сибири 1897 г. стала интеграция Сибирских территорий в единое правовое пространство Российской империи.

В дальнейшем начался процесс разработки судебной реформы для реализации ее в Сибири. В ходе работы специальной межведомственной правительственной комиссии, возглавляемой П.М. Бутовским, представители всех министерств и ведомств (за исключением представителя Министерства внутренних дел) поддержали необходимость проведения реформы в Сибири. Все губернаторы Сибири также высказались в пользу реализации судебной реформы на началах Судебных уставов 1864 г. Такое единодушие было основано на полном осознании необходимости в коренном изменении управленческой модели сибирскими губерниями и областями. Судебная реформа должна была стать ключевым моментом этих преобразований.

Работа по подготовке «законодательных предположений» о судебной реформе в Сибири, порученная комиссии под руководством товарища министра юстиции П.М. Бутовского, совпала по времени с работой другой правительственной комиссии под руководством самого министра юстиции Н.В. Муравьева. Целью работы «муравьевской» комиссии была подготовка процессуальных кодексов, которыми предстояло заменить Судебные уставы 1864 г. Пресса, пристально следившая за работой обеих комиссий, быстро обнаружила

серьезное влияние комиссии Н.В. Муравьева на работу комиссии под руководством П.М. Бутовского. Результатом работы этих комиссий стало мнение Государственного совета «О применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири и об утверждении временных штатов судебных установлений названных губерний и областей и временного дополнительного штата Казанской судебной палаты, расписания окружных судов по округам Казанской и Иркутской судебных палат», которое легло в основу закона от 13 мая 1896 г.⁶ Таким образом, правовой базой для судебного строительства в Сибири были избраны Судебные уставы 1864 г., но в усеченном и адаптированном варианте.

Комментируя закон от 13 мая 1896 г. можно отметить следующее. Судебная реформа в Сибири – это событие далеко не локального характера, так как «изъятия» из Судебных уставов 1864 г. были произведены по тем вопросам, которые были проблемными и для остальной России при проведении судебной реформы:

1. Путем частичных «изъятий» из Судебных уставов 1864 г. их основополагающих принципов удалось ликвидировать самостоятельность и независимость судебной власти, восстановить принцип единовластия и вернуть суды под контроль местных властей. Совершено это было путем ликвидации гарантий независимости и судов, и судей. Отмены принципа экстерриториальности, принципа несменяемости и неприкосновенности судей, изменения порядка их административной и дисциплинарной ответственности, снижением их материальной обеспеченности и социальной защищенности;

2. Был отменен принцип совместной ответственности за результаты судебных решений между обществом и государством. Практически сведено к нулю участие населения в отправлении правосудия. Это было сделано путем ликвидации суда присяжных, выборной мировой юстиции, ограничение статуса почетных мировых судей, нарушение принципа гласности судебных процессов.

3. Особого внимания требует анализ существенного содержания такого института, как мировая юстиция. Мировая юстиция, предусмотренная Судебными уставами 1864 г., – это выборная, независимая часть судебной систе-

мы, имеющая свой самостоятельный предмет ведения – дела мировой подсудности. В конечном счете, это институт самоорганизации местного общества. В Сибири была реализована совершенно иная модель судебного устройства – система участковых государственных судей с расширенным кругом полномочий. Мировые судьи Сибири – это государственные служащие, назначаемые и освобождаемые от должности министром юстиции, которые организационно и процессуально подчинены окружным судам, входили в штат этих судов, поэтому председатели окружных судов осуществляли общее руководство судьями. На своем участке судьи выполняли функции судьи первой инстанции по мелким делам, а также функции судебного следователя и нотариуса. Роль съездов мировых судей выполняли судьи окружного суда. Почетные мировые судьи утверждались министром юстиции, по спискам, представляемым губернаторами. Юрисдикция этих судей была ограничена примирительными функциями. На практике же эти лица использовались исключительно «для пополнения присутствий» окружных судов.

4) расширялись возможности осуществления процессуальных действий без защитников, что в условиях крайнего дефицита кадров присяжных поверенных стало формами ограничения прав подсудимых на защиту, ограничения принципов состязательности процесса, равноправия сторон, гласности и открытости;

5) предусматривались процессуальные возможности ограничения принципов непосредственности и устности судебных процессов, то есть возврата к письменному судопроизводству.

Таким образом, в Сибири была создана совершенно иная модель судоустройства, принципиально отличная от той, которая предусматривалась Судебными уставами 1864 г.

В итоге, практика пореформенных судов Сибири, образованных по закону от 13 мая 1896 г. показала всю несостоятельность тех новаций, которые составили сущность отступлений от основных принципов Судебных уставов 1864 г. Ни окружной суд, ни мировые установления не справлялись с возрастающей нагрузкой, тем самым не обеспечивали качес-

тва правосудия, а главное не обеспечили населению надлежащей доступности к правосудию. В этих условиях, правительство было вынуждено вернуться к реформе суда в Сибири. Так, в 1900 г. созданная при Министерстве юстиции комиссия приняла решение о передаче уголовных дел о важнейших преступлениях, влекущих за собой наказания, связанные с лишением прав состояния или всех особых прав в ведение суда с участием присяжных заседателей общего состава (т. е. в Окружной суд).⁷ Это означало, что правительство решилось на учреждение в Сибири института присяжных заседателей в соответствии с Судебными уставами 1864 г. После продолжительной подготовительной работы 10 мая 1909 г. был принят закон, на основании которого, в двух западных сибирских губерниях, Тобольской и Томской, ввели институт присяжных заседателей.

Таким образом, можно сказать, что по отношению к «старым порядкам» судебная реформа 1897 г. – это значительный шаг вперед в деле становления правосудия Сибири; в отношении же к ожидаемым результатам, и в сравнении с правосудием образца первоначальной редакции Судебных уставов 1864 г. – это не совсем удачный эксперимент.

Примечания

¹ Указ Правительствующему Сенату от 19 октября 1865 г., «Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.».

² Ремнев А. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начала XX века // Российская Империя в сравнительной перспективе М., 2004., С.290–291.

³ Игнатьева М.Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. Якутск, 1995. С. 41–41.

⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX века. Омск, 1997. С.292.

⁵ Сборник Указов и Распоряжений правительства. СПб. 1885. С. 444. О судебной реформе в Сибири // Сибирская газета. 1885. № 19. С.461.

⁶ Судебные Уставы императора Александра II в Сибири. Томск. 1897 г. С.12.

⁷ Государственное учреждение Тюменской области «Государственного архива в г. Тобольске». Ф. 152. Оп. 37. Д. 872. Л. 20 об.

Русские войска в Македонии в годы Первой мировой войны

Прошло девяносто лет с момента окончания Первой мировой войны, но до сих пор многие страницы ее истории остаются малоизвестными. К ним относится судьба русских бригад на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. Уже в начале войны среди союзников сложилось представление о неисчерпаемости материальных и людских ресурсов России, которые они хотели использовать в своих интересах. Русская армия должна была, по их мнению, одерживать победы не количеством и качеством вооружения, а людской массой¹. Подобная стратегия неизбежно приводила к резкому ослаблению России, но это входило в планы союзников, особенно Англии и в дальнейшем США, которые намеревались воевать «чужими руками».

На Балканском театре военных действий сербская армия с большим трудом справлялась с наступлением австро-венгерских войск. 29 октября 1914 г. (все даты даны по новому стилю) сербский министр иностранных дел Н. Пашич запросил о возможности послать на Балканы русскую дивизию, которое имела бы большое материальное и нравственное значение. Предполагалось в ходе совместных действий завладеть Оршовой и создать удобную базу для наступления вглубь Австро-Венгрии. Это также позволило бы удержать Болгарию от вступления в войну на стороне центральных держав. Посол в Константинополе М.К. Гирс заявил, что это предложение совершенно несостоятельно. Только территориальными жертвами в пользу Болгарии можно помешать ее союзу с Австро-Венгрией². В дальнейшем было предложено Сербии уступить Болгарии Македонию по линии 1912 г. На это решение помимо тяжелого положения на

фронте повлияло, по всей вероятности, нежелание обострять отношение с Болгарией, которая входила в сферу интересов России.

В ноябре 1914 г. черногорский князь Николай обратился к Антанте с просьбой о десанте союзных войск в район Далмации, чтобы поднять восстание в славянских землях Австро-Венгрии, а также повлиять на позиции балканских стран и Италии. Однако англо-французское командование выступило в тот момент против этого, считая, что войска необходимы на фронте против Германии³.

Между тем, военные настроения в Болгарии увеличивались по мере ухудшения положения союзников, в особенности Сербии. В августе 1915 г. Сербия даже настаивала на разрешении напасть на Болгарию, что было отрицательно встречено Антантой. С.Д. Сазонов, например, считал, что вина за войну должна всегда падать на противника, и ни один из союзников не может без риска ослабления освободительного характера войны против германского и австро-венгерского милитаризма расширить по военно-стратегическим соображениям число воюющих стран. Многие в Петрограде не верили в возможность вступления Болгарии в войну против России⁴. М.В. Алексеев выступал против разрыва отношений с Болгарией, даже если она нападет на Сербию. По его мнению, Россия из-за тяжелого положения на фронте не могла угрожать Болгарии, разрыв с которой лишал возможность использования Дуная для сообщения с Сербией⁵. Постепенно, однако, в Англии и Франции усилилось мнение о необходимости посылки экспедиционного корпуса на Балканы, что должно было освободить напряжение на главных театрах военных действий. Командование предполагало придерживаться на Западном фронте оборонительной тактики, а основной удар нанести на Балканах,

Андрей Андреевич Болтаевский – аспирант исторического факультета МПГУ, Москва.

в районе Салоник, образовав армию в 1400 тыс. человек (английские, французские, русские, итальянские, сербские, греческие, румынские части). Этому также способствовало то обстоятельство, что в результате приближавшегося разгрома Сербии Балканский полуостров мог почти полностью перейти к центральным державам. Союзный экспедиционный корпус в Салониках мог быть использован для двух разных задач: либо небольшими силами сдерживать войска Четверного союза, мешая Греции примкнуть к Германии, либо крупными соединениями разбить войска противника, восстановить связь с Румынией и Россией, прервать коммуникации турок с центральными державами⁶. При этом с помощью корпуса союзники рассчитывали получить право решающего голоса в балканском вопросе в момент заключения мира. Они не хотели, чтобы Россия «чувствовала себя единственным арбитром и судьей балканских народов»⁷. Но колебания в Антанте, разногласия между Англией, которая предпочла сначала операцию в Дарданеллах, и другими союзниками не позволили создать Балканский союз, который во многом способен был решить исход войны уже в 1916 г. при значительно меньших жертвах.

На протяжении всего 1915 г. союзники неоднократно обращались к России с вопросом о посылке русских войск на Салоникский фронт или во Францию. В феврале 1915 г. начальник штаба с разрешения великого князя Николая Николаевича обещал отправить в Сербию бригаду ополчения (около 6000 человек). В эти же сроки возник проект посылки 53-го казачьего полка в Сербию, не связанный, однако, с английским предложением союзного экспедиционного корпуса на Балканы, а имевший только моральное значение⁸. Полк по меркам русской армии был очень хорошо оснащен. В его арсенале находились 4 пулемета «Максима» (в обычных кавалерийских полках в это время было 4 пулемета на дивизию). Из Петрограда были доставлены две искровые радиостанции кавалерийского образца, два грузовых и один легковой автомобили. В виду вооруженного нейтралитета Болгарии и невозможности пути через Дунай поход был отменен⁹.

В период с 5 по 8 октября 1915 г. в Салониках были высажены англо- французские вой-

ска в составе одной дивизии, десяти батарей и пулеметной роты. Французские части состояли преимущественно из зуавов и Иностранного легиона. В дальнейшем к ним предполагалось перевезти сербскую армию. Ситуация, однако, осложнилась вступлением в войну на стороне центральных держав Болгарии. Следует отметить, что Салоникская экспедиция намечалась без строго определенного плана и с явно недостаточными силами для того, чтобы существенно изменить обстановку. Не принималось во внимание и будущая оторванность этих войск от резервов.

Между тем русские власти продолжали колебаться по вопросу об отправке войск в Салоники. Россия выдерживала германское наступление при полном бездействии союзников, в результате чего было невозможно сформировать крупный отряд. М.В. Алексеев полагал, что посылка небольшого отряда на Балканы не может иметь никакого боевого и нравственного значения, а надо готовить крупную часть до корпуса, хорошо укомплектованного и снаряженного. Ввиду вероятного начала войны между Сербией и Болгарией нельзя было считать возможным направление по Дунаю, где отряд мог присоединиться к сербской армии¹⁰. 11 октября С.Д. Сазонов заявил, что «вопрос о посылке нами отряда в Македонию на помощь Сербии решен принципиально в утвердительном смысле»¹¹. Сформированную 2-ю Особую пехотную бригаду, состоящую из 2 полков, возглавил генерал-майор М.К. Дитерихс (1-я и 3-я бригады были отправлены во Францию). Процесс формирования бригады производился путем выделения рот из точно определенных частей¹². В начале августа 1916 г. бригада была доставлена из Архангельска в Салоники через Францию.

Между 10 и 20 октября 1916 г. в Салоники прибыла 4-я русская бригада во главе с генералом Леонтьевым. Всего в обеих бригадах было около 20 тыс. человек, не считая пополнения. Значительную помощь русским бригадам оказал военный агент в Сербии, полковник В.Л. Артамонов, взявший на себя функции русского коменданта в Салониках.

2-я бригада, не дожидаясь прибытия 4-й бригады, начала наступление в районе Флорины и Монастира совместно с французскими войсками. Наступление произошло в условиях гористой и болотистой местности, в от-

сутствии многих необходимых материалов и инструментов. В приказе по Восточной армии М. Саррайль отметил мужество русских войск, выбивших болгарские части с Синжакских, Сешрецких и Нерецко-Платинских хребтов и способствовавших взятию Флорины. За эти заслуги 3 особый русский полк был награжден французским Военным крестом с пальмой на знамя¹³.

6 и 14 октября русские войска провели тяжелые бои с болгарами, в результате которых удалось добиться только частичных успехов. К 15 октября русские потеряли 178 человек убитыми, 1117 ранеными и 128 пропавшими без вести.

19 ноября в 9 часов 30 минут 1-й батальон 3-го русского полка вошел в Монастир, где через некоторое время разместился штаб франко-русской дивизии. Правда, по рассказам участников событий передовые роты 3 и 4 полков вошли в Монастир в ночь с 18 на 19 ноября¹⁴. При прохождении Монастира русские войска захватили в плен 69 болгарских и 2 немецких солдат.

В начале декабря прибывшая 4-я бригада находилась на берегах реки Черны. 11 и 13 декабря она приняла участие в двух боях, а затем заняла позиции длиной больше 10 км, в составе 1-й сербской армии. Здесь бригады находились больше двух месяцев, сооружая дороги для подвоза продовольствия и боеприпасов. Наступление в излучине Черны откладывалось из-за снежной погоды и недостаточной подготовки союзных войск.

В марте среди солдат стали ходить слухи об отречении царя, но только 21 марта была проведена присяга Временному правительству. Почти все солдаты с радостью давали «честное слово служить свободе и жертвовать всем во имя ее и революции»¹⁵.

26 мая русская Ставка решила объединить две бригады в одну дивизию, при этом к ним должны были прибавиться артиллерия и инженерные войска. Однако необходимые для этого войска стали прибывать только в сентябре – октябре 1917 г. Первым командующим 2 Особой пехотной дивизии стал М.К. Дитерихс, а после его отъезда в России в начале июля его сменил генерал М.В. Тарбеев.

22 августа М.В. Тарбеев издал приказ, который устанавливал распорядок дивизии. Следовало сделать повсюду указатели и над-

писи на русском языке в целях более легкого ориентирования, упорядочить рубку леса, чтобы не нарушать маскировки местности, очистить траншеи от валявшихся в них гильз. Также, чтобы избежать несчастных случаев, были изданы правила хранения ручных гранат¹⁶.

В декабре положение в русской дивизии изменилось. В конце 1917 г. солдатами был создан военно-революционный комитет 2-й особой пехотной дивизии, впоследствии переименованный в Военно-революционный комитет Балканских войск, который решил подчиняться только советскому правительству, и потребовал возвращения домой. Комитет издавал «Бюллетень Военно-Революционного Комитета русских войск на Балканах» (всего было выпущено одиннадцать номеров). Из – за отсутствия бумаги он печатался тиражом 60 – 70 экземпляров на папирографе¹⁷.

Созданный солдатами Военно-революционный комитет решил подчиняться только советскому правительству, и потребовал возвращения домой. Началось братание с болгарскими солдатами. Антанта намеревалась отправить отряд на помощь английской армии в Месопотамии, но это предложение не было осуществлено.

В начале января 1918 г. произошла смена частей русской дивизии французскими войсками. Союзники отказались отправить бригады в Россию, разделив их на три категории (система «трияжа»):

1. Добровольцы, которые должны были сражаться во Франции.
2. Военные рабочие в тылу армии.
3. Отказавшиеся войти в первые две категории, распоряжением французского правительства отправлялись в Северную Африку на принудительные работы¹⁸.

Наиболее тяжело сложилась судьба русских солдат, оказавшихся в Северной Африке. Под надзором африканских войск они строили мосты и шоссевые дороги. Всех недовольных ссылали в особые дисциплинарные батальоны. Питание в них составляло 100 г хлеба и котелок горячей воды в сутки. Затем отобрали обувь, вместо протертой воды давали соленую. Вконец обессиленных солдат развозили по госпиталям, где отношение к ним было намного лучше.

Но даже на чужбине солдаты сохраняли чувство товарищества. 28 ноября 1919 г. в местечке Джилфа в Северной Африке на местном французском кладбище состоялось открытие памятника на братской могиле русских солдат, умерших здесь в дисциплинарном батальоне. Его сооружение велось в течение двух месяцев, почти без всякого инструмента, одним зубилом. Многие бойцы отдавали свои последние деньги, чтобы увековечить память товарищей¹⁹.

Последние русские солдаты вернулись на родину только в 1923 г. Часть из них осталась на чужбине, в основном во Франции.

Русские войска в Македонии храбро сражались, но сейчас многие страницы их истории оказались забыты. В годы Первой мировой войны экспедиционный корпус прошел такой же путь разложения, как и вся русская армия. Причинами этого были конфликты между офицерами и солдатами, палочная дисциплина, тяжесть окопной войны, действия агитаторов, к которым прибавилась оторванность от России. Нам надлежит помнить о них.

Примечания

¹ Лютов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников: По опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988. С. 52.

² Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. М.-Л., 1931 – 1939. Т. VI. Ч. 1. № 424.

³ Там же. Т. VI. Ч. 2. № 521.

⁴ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства. 1914 – 1920. М., 1993. Кн. 1. С. 128 – 129.

⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Т. VIII. Ч. 2. № 750.

⁶ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Тт. 1 – 2. М., 1934. С. 366.

⁷ Там же. С. 886.

⁸ Международные отношения в эпоху империализма. Т. VII. Ч. 1. № 151.

⁹ Рытченков С. Части особого назначения в войну 1914 – 1916 гг. // Часовой. 1961. № 426. С. 15.

¹⁰ Международные отношения в эпоху империализма. Т. VIII. Ч. 2. № 902.

¹¹ Там же. № 892.

¹² Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916 – 1918. Париж, 1933. С. 32.

¹³ Русские войска в Македонии // Часовой. 1970. № 527. С. 13.

¹⁴ Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916 – 1918. С. 169.

¹⁵ Бежанов Г. Первые вести (странички из дневника) // На чужбине. Сборник произведений русских воинов. Париж, 1919. С. 158.

¹⁶ Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916 – 1918. С. 199.

¹⁷ Алмазов И. Французская благодарность // Октябрь за рубежом. Сборник воспоминаний. М., 1924. С. 18.

¹⁸ Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну (Сообщил А. Ковалев) // Красный архив. 1931. Т. 1. С. 158.

¹⁹ Русский солдат – гражданин во Франции. 1920. 5 февраля. С. 2.

А.В. Долгова

Преступления по должности, совершаемые членами организаций по борьбе с дезертирством в 1918 — 1923-х гг.

Образование новых органов власти в годы Гражданской войны неизбежно приводило к росту преступлений по должности. Среди причин – необразованность советских работников, отсутствие опыта, совершенной системы документооборота, жажда власти и стремление нажиться за счет других. Разнообразие видов преступлений по должности заставляет по-новому взглянуть на историю Советской власти. Мы рассмотрим основные, наиболее часто встречающиеся преступления.

После того, как борьба с дезертирством приобрела повсеместный характер, и ужесточились наказания за укрывательство, население охватила паника. В годы Гражданской войны каждый мог оказаться дезертиром, а значит, ему и его семье угрожала опасность. Под суд также попадали и сами сотрудники органов по борьбе с дезертирством за «недостаточно успешную работу». Чтобы избежать наказания и не попасть под подозрение вышестоящих властей, многие вынуждены были пойти на преступления. Среди них – подделка документов, в частности, об освобождении от воинской службы; взяточничество, как правило, в виде продовольствия; халатное отношение к служебным обязанностям; предоставление ложных сведений вышестоящим инстанциям и др. Трудно говорить о точной дате возникновения подобных преступлений. Согласно приведенным данным М.Я. Лациса, за преступления по должности в 1918 г. ЧК было расстреляно 157 чел., за семь месяцев 1919 г. – свыше 100 чел. Всего же привлечено к ответственности: за хищения – 849 чел;

за измену – 391; разгул – 945; за взятки – 422; за разные преступления – 6211; а всего – 8 288¹.

Одним из преступлений по должности была выдача поддельных документов об освобождении от воинской службы. Красноармейцы, по каким-либо причинам уходившие с фронта, должны были иметь на руках удостоверение личности и документ, подтверждающий увольнение со службы. До образования Центральной комиссии по борьбе с дезертирством (Центркомдезертир), на местах их выдавали практически всем желающим (за вознаграждение), что способствовало росту дезертирства.

Укрывательство дезертиров – еще один вид преступлений по должности. В них принимали участие партийные работники. По сводкам ГЧК в период с 15 по 31 августа 1920 г. в Пермской губернии ситуация была следующей: «Дезертирство не уменьшается.... В Уральском уезде в лесах скрываются вооруженные дезертиры, которые нападают на продотрядников и милицию и занимаются грабежами. Особенно тревожное в этом отношении положение Чердынского уезда. Борьба с дезертирами ведется усиленная, но результаты тормозятся, так как во многих исполкомах председатели скрывают дезертиров»².

Взяточничество становится массовым явлением среди органов по борьбе с дезертирством. Так, например, в период с 16 июля по 1 августа 1920 г. в Петроградской губернии сводки передавали: «Весь состав пятого участка городской милиции совсем не соответствует своему назначению, занимаясь укрывательством преступников»³.

Одним из видов преступлений по должности было хищение и растрата казенного имущества. Причина этого была в отсутствии

Долгова Анжела Валерьевна – преподаватель истории Пермского государственного университета.

надлежащих органов, которые бы контролировали деятельность властей на местах. Только к окончанию Гражданской войны были проведены расследования и выявлена масса нарушений по этому делу. Так, в январе 1920 г. по распоряжению Пермской губкомдезертир была проведена ревизия в Осинской комдезертир. В ходе расследования удалось выяснить следующее: «Учет продуктов, материалов и инвентаря отсутствует. Все поступающие и расходимые материалы ни в книгах, ни в актах не записываются, ...материальный учет на основании документальных данных произвести не представляется возможным. В частности, по личному заявлению председателя комдезертир ...выяснено, что в комиссии имелось: бесхозяйственных лошадей 12; муки ржаной около 100 пудов; сена два – три воза и полшубков неограниченное количество. К моменту ревизии оказалось в наличии: три лошади и муки около 30 пудов. Недостающее количество предметов, ...израсходовано по следующему назначению: в уездный земский отдел – семь лошадей; начальнику уездной милиции – одна лошадь и отцу убитого дезертирами красноармейца – одна лошадь; полшубки и прочие теплые вещи были розданы нуждающимся красноармейцам.... Таким образом, не достает документов в израсходовании 50 пудов муки, фуража и прочих теплых вещей. Организационная сторона дела поставлена не нормально: книги протоколов заседаний комиссии совершенно не ведутся, а потому проследить о деятельности комиссии ...не представляется возможным»⁴.

О произволе среди партийных работников свидетельствуют воспоминания красноармейца: «Я дрался с белой гвардией и проливал кровь.... Защищал труд человека.... Приезжал к нам отряд, отобрал хлеб столько, сколько полагается...»⁵. В Крыловской волости Осинского уезда Пермской губернии родители писали сыну: «...Стоят у нас в деревне два солдата и все отбирают. Пришли в наш совет ситец, соль, табак, а нам ничего не дают. Просят с нас масло, яйца, хлеб, а мы сами-то покупаем.... Солдаты эти заводские, работу крестьянскую они не знают, ходят и руки в карманы...»⁶. Жители Юсьвенской волости Усольского уезда Пермской губернии вспоминали: «Организация здесь работает скверно, настроение крестьян враждебное. Пришла мануфак-

тура, но никому не выдается, а коммунисты себе уже сумели получить. Все коммунисты старые и работают по-старому.... Крестьяне исполкому не доверяют, ждут все опять белых...»⁷.

Особыми отделами 7-й и 15-й армий также приводились факты злоупотребления служебным положением: «Организация управления в армии и прифронтовой полосе ...представляет собой безотрадную картину.... Откровенное, яркое шкурничество, получение лучших продуктов и обмундирования, часто в двойном количестве ...выходы перед оборванными красноармейцами в новеньких шкарных галифе, полусапожках, кантиках, снежно-белых френчах и ярко блестящих пуговицах. Сожительство на фронте с женами, семьями, тасканье за собой десятков пудов бахла, пьянство, хищение спирта, болтливость, разглашение военной тайны семье и сослуживцам, злоупотребление командировками в личных целях и даже самовольные отпуска и отлучки. Нерадивость по службе, отсутствие надзора за подчиненными, и наряду с этим глупый бюрократизм, доходящий до восстановления отдания чести и вставания, при уходе начальника из части, характеризующий полное отсутствие товарищеского отношения к рядовым бойцам в этих последышах гибнущего мира неравенства и насилия. Особый отдел 7 армии приводит результаты агентурной разведки по Старой Руссе: местный партком есть не более, не менее как шайка примазавшихся к коммунистической организации [лиц], из-за выгодных дел. В организации отсутствует всякая дисциплина, люди тупые, одуревшие от спеси и жира. Есть купцы, фабриканты, кулаки и их дети.... Выселение красноармейцев из квартир комсоставом»⁸.

В одном из архивов г. Перми сохранилось письмо члена организации по борьбе с дезертирством, который был арестован за многочисленные убийства мирных граждан. Впрочем, он несколько не раскаивался в содеянном, а наоборот, оправдывал свои действия необходимостью борьбы с дезертирами.

Вот это письмо: «Товарищи! Я совершил преступление, сам того не осознавая.... Я – сын пролетария, рабочего Нытвенского завода, родился в 1900 г., не окончил средней школы. После смерти отца, умершего на фабрике, я остался 9 лет. Кроме меня в семье было еще

пять человек, и чтобы не умереть с голоду ... вместе с матерью поступил работать на фабрику.... Работая на фабрике с 9 лет, я совершенно не видел «света», и был как забитый щенок, получавший только пинки да оскорбления. Февральская революция застала меня в Оханской тюрьме, в каковой я отбывал наказание за покушение на убийство полицейского урядника Аликина, палача и экзекутора рабочей молодежи.... При белых этот паразит явился с отрядом князя Вяземского в Нытву и расстрелял очень много сочувствующих Советской власти. Освободившись из тюрьмы, ... я опять пошел на фабрику, думая, что после свержения «пьяницы», именовавшегося «Николай II», рабочему люду выдохнется свободней, но, увы. Я на 17 году один из первых в Нытве взял в руки винтовку и пошел на зов наших старших товарищей.... Итак, я в Красной гвардии. Несу все радости и горести походной жизни, летая с отрядом с одного востания на другое, и «по-пролетарски» справляясь с многоголовой гидрой контрреволюции. В это время я уже был в рядах РКП (б), вступил в сентябре 1918 г.... Начал работать в Нытвенской ЧК ...до эвакуации, ... в Оханской ЧК. Когда территория Оханского уезда была занята белыми, меня перебросили в Вятскую ЧК.... Я работал по борьбе с бандитизмом в пределах Оханского, Пермского, Усольского уездов. В Оханском, а частью в Пермском, была поймана банда в несколько человек.... Таковые скрывались около четырех лет. Подумав, что с ними делать, я ... в ночь на 14 марта взял главарей шайки Зырянова и Вожаква и в 12 часов ночи вывел их на площадь и... [расстрелял]. Обстановку подготовили хорошо.... Все население волости трех уездов были рады, что избавились от них, так как четыре года они порядком пострадали как от

бандитов, так и от приезжающих отрядов по борьбе с бандитизмом...»⁹.

Справедливо предположить, что в те годы невозможно было обойтись без применения крайних мер наказания. Однако очень часто гибли невинные люди, а преступники были на свободе. С той лишь разницей, что в годы войны они скрывались, а после – проникли в органы власти и там, уже на законных основаниях творили произвол.

Вчерашние рабочие и крестьяне получили уникальную возможность выйти в люди. Вряд ли их можно назвать преступниками. Заключалась ли их вина в отсутствии опыта работы, профессиональных знаний и пр. Они не отдавали отчет своим действиям. Из-за отсутствия доказательств и показаний свидетелей большая часть преступлений, совершенных по должности в рассматриваемый период, так и остается до сих пор не раскрытой.

Примечания

¹ См.: *Лацис М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920. С. 69.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 414. Л. 81 об.

³ Там же. Л.63.

⁴ ГАНИОПДПО (Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области). Ф. 754. Оп. 2. Д. 100. Л. 10.

⁵ Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 51. Л. 40.

⁶ Там же. Л. 49 об.

⁷ Там же.

⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 414. Л. 20 об. – 21.

⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 15. Л. 73 об, 76 – 78 об.

В.В. Вяткин

Сопротивление разгрому церкви в 1920—1930-е гг. (на материалах Урала)

Столкнувшись в 1918 г. с неистовым натиском на Церковь, многие уральские клирики покинули привычные места. В докладной записке священника Ф. Букетова читаем, что из Осинского уезда при отступлении армии А.В. Колчака «духовенство... эвакуировалось в Сибирь поголовно: кажется, 95 %»¹. Проблема затронула весь Урал. В сводке Пермской ЧК за 1918 г. говорится: «Пермское духовенство... почти все уехало с Колчаком, остались лишь те, кому не на что было ехать и некуда»². Другие клирики пробовали после Гражданской войны пойти на сближение с коммунистами. В 1919—1920 гг. котмечались факты служения торжественных молебнов и... колокольного звона при вступлении частей Красной армии в населенные пункты»³. По свидетельству уральских чекистов, местное духовенство не раз участвовало «в политической работе» и проводило съезды «с целью агитации среди крестьянства — для укрепления советской власти...»⁴

Но коммунисты не изменяли своего враждебного отношения к православию. Некоторые их акции были откровенно кощунственными. Выступая в январе 1920 г., пермский руководитель Е. Ярославский похвастался, что «коммунисты вскрыли мощи святых»⁵. В 1921 г. они поступили так с мощами св. Симеона Верхотурского в Екатеринбургской епархии. В июне 1923 г., «для раскрытия религиозного шарлатанства»⁶, в здании Пермского отдела ГПУ «обследовали» частицы мощей. Протестные выступления верующих не были зарегистрированы. И можно согласиться с архимандритом Феодосием (Алмазовым): «Когда вскрывали святые мощи, народ в целом безмолвствовал»⁷.

Очередной трагедией стало изъятие церков-

ных ценностей в 1922 г. Но особого сопротивления изъятию на Урале также не наблюдалось. Тем не менее, кто-то из клириков подвергся уголовной ответственности. Весной 1922 г. в г. Оса судили священников Александра Овсянникова, Александра Сперанского, Дмитрия Овечкина⁸, иеромонаха Александра (Копейко) и четырех членов приходского совета. Их обвинили не только в агитации против изъятия, но и в хищении церковных ценностей⁹. По словам коммунистов, в вопросах изъятия духовенство раскололось на два лагеря. В августе того же года за сопротивление изъятию судили управляющего Екатеринбургской епархией¹⁰. Известна попытка и организованного сопротивления. Прихожане Федоровской Рождество-Богородицкой церкви Осинского уезда, собравшись 25 марта 1922 г., решили ценности не выдавать, производя в пользу голодающих денежные сборы¹¹. О помощи голодающим думали во всех уральских епархиях: в Пермской для них собрали 4 750 000 руб.¹² Что до епископа Пермского Сильвестра (Братановского), то он «стремился если не ограничить выдачу ценностей, то, во всяком случае, направить церковные общины на устранение от активного в ней участия»¹³.

С начала 1920-х гг. по Уралу прокатилась волна закрытия монастырей. Монахи не сразу уходили с привычных мест, что назовем формой пассивного сопротивления. Закрытие монастырей оказывалось многоэтапным. Впечатляющий пример Обвинского женского монастыря Пермской епархии. Летом 1921 г., после того как сестры сняли урожай, ликвидировали монастырскую «дачу», а сестер разогнали, не оставив им ни крупницы из собранного урожая. Сам монастырь был упразднен еще раньше — в январе того же года, но часть сестер осталась в монастыре и продолжала трудиться. Верующие написали просьбу в СНК не разрушать обитель и оставить сестер, но ответа не было. В ноябре 1922 г. объявили, что монастырь закрывается, а вместо него организуется богадельня для духовенства. Боль-

шую часть сестер выселили. Но приготовлений к открытию богадельни так и не было. В 1923 г., опять после сбора урожая, в монастырь явился председатель волисполкома, получивший в уезде разрешение окончательно ликвидировать обитель. Председатель нашел оставшихся в монастыре сестер и выгнал их, не дав никому переночевать в обители и запретив сестрам жить в «его» волости. (Но крестьяне приютили изгнанниц.) В тот же день отобрали все монастырское имущество: скот, сено, земледельческие орудия, все запасы. К составлению описи ни одну из сестер не допустили. Затем председатель опечатал церковь. С колокольни сняли колокола, сбросили кресты, водрузив красные флаги, изготовленные из подклада плащаницы. Началась беззастенчивая торговля иконами и церковной утварью. Книги истреблялись, монастырское имущество расхищалось. Все жалобы были проигнорированы¹⁴.

Аналогична судьба Гефсиманской пустыни. 19 декабря 1925 г. в обитель приехали четверо советских служащих и произвели тщательную опись не только церковного, но и хозяйственного инвентаря. На церковь повесили замок, приложили печать и приказали монахиням покинуть обитель. Обнаружился другой способ сопротивления. Игуменья ездил в Москву к М.И. Калинину, но тот отказал ей в ходатайстве¹⁵.

В 1920-е гг. иным монахиням удалось объединиться в новых местах. В июле 1927 г. на территории Сивинского района числилось три новых обители: Иоанно-Предтеченский монастырь в д. Грановской с 10 насельницами, женский скит в д. Усть-Клюкинке с 15–20 насельницами во главе с игуменьяй и женская община в д. Самозванке примерно с 20 насельницами¹⁶.

Трудно было всему духовенству. Со временем его обложили всевозможными поборами. «Не хватает на самое необходимое»¹⁷, – жаловался пермский протоиерей. Так было на всем Урале. И потому не случайно открыто критиковали власть представители свердловского духовенства¹⁸. При новой кампании репрессий духовенства, раздалась протесты мирян. «Интересно знать, на каком основании местные органы... угоняют наших священников на лесозаготовки?»¹⁹ – вопрошали верующие из Уральской области. В 1923 г. в Перми состоялся суд над епископом Борисом (Шипулиным), который успешно участвовал в религиозных диспутах с коммунистами, что было формой идейного сопротивления.

Уральские верующие пробовали влиять на власть: «...от государства не требуем помощи, а лишь... просим не теснить религию...»²⁰ – заявили представители Екатеринбургской епархии.

Особое сопротивление оказывалось обнов-

ленческому движению, инспирированному советскими спецслужбами. Уже на первом съезде обновленцев в Перми наметилась серьезная оппозиция: нашлись решительные противники обновления. Иные общины скоро отделились от обновленцев, став «колотом реакции против обновленческого движения, а впоследствии – цитаделью тихоновщины...»²¹. Обновленческие приходы чаще пустовали. При мизерной пастве у обновленцев не хватало средств. В одном из писем обновленческого иерарха Николая (Ашихмина) говорится, что большинство сотрудников подчиненного ему Кунгурского викариального управления работает бесплатно²².

После освобождения патриарха Тихона²³ и его знаменитого послания о непризнании обновленческого собора 1923 г. «обновленческому движению в Перми грозила гибель»²⁴, – писали сами обновленцы. В 1923 г. часть пермских приходов, противостоявших обновленцам, устремилась к епископу Нижнетагильскому Льву (Черепанову), объявившему себя автокефалистом.

Анализ имеющихся материалов говорит, что на Урале активно боролись с обновленцами епископ Павлин (Крошечкин)²⁵, архиепископ Глеб (Покровский)²⁶. Служил в Пермской епархии с 1932 по 1935 г. и архимандрит Таврион (Батозский), много заботившийся о духовном просвещении народа. Но прямолинейности в их действиях не было. Нужную уступчивость обновленцам проявлял архиепископ Глеб, который, к примеру, обещал священническое место обновленческому иерею Волкову, «только бы сей Волков перевел в тихоновщину общину с. Никольского»²⁷. «Злейшим врагом обновленчества» называли епископа Кудымкарского Илию (Бабина). В Кунгуре обновленцев громил епископ Аркадий (Ершов). Благодаря Аркадию Урал стал одним из центров противостояния обновлению.

Отметив борьбу духовенства с обновленцами, все же заявим, что основные усилия предпринимались прихожанами. 5 октября 1924 г., под председательством священника Алексея Попова, в Успенской церкви Кунгура состоялся первый съезд «тихоновцев»: «решено открыть свою епархию в Кунгуре и окружное управление. Избрано четыре делегата в Пермь на епархиальный съезд»²⁸. «Неприятно тихоновцев к обновленцам проявляется всюду»²⁹, – говорили уральские коммунисты. В 1930 г. Николай (Ашихмин) писал: «Уже третий месяц, как я без прихода и доходности»³⁰. В Кунгуре были «нередки чуть ли не рукопашные схватки»³¹ между представителями противоборствующих лагерей. По приезду в Пермь епископ Иринарх (Синеоков-Андреевский) издал указ, которым запретил «не только иметь общение с обновленцами, но даже здоро-

ваться и разговаривать с ними»³².

Выступление против знаменитой Декларации Сергия (Страгородского), пошедшего на сближение с властью, для многих стало борьбой с коммунистами. В пределах Юго-Осокинского района Пермской области сформировалась противосергианская оппозиция³³. В Вятской епархии противников Сергия оказалось больше: здесь сложилось целое антисергианское движение – «викторианство», инспирированное викарием Вятской епархии Виктором (Островидовым), к которому присоединился другой вятский архиерей – епископ Яранский Нектарий (Трезвинский). Критикуя Декларацию Сергия, Виктор утверждал, что «от начала до конца она исполнена тяжелой неправды...»³⁴ И, временно управляя Вятской епархией, Виктор разорвал общение с Сергием. Против Декларации выступил викарный епископ Пермской епархии Петр (Гасилов), но от общения с Сергием не отошел, точно так же как епископ Хрисанф (Клементьев). Антисергианство отслеживали коммунисты, считая осуждение Декларации выступлением против государства.

На фоне нестроений, при неблагоприятных внешних условиях, впечатляет тенденция к росту и возрождению, что также назовем пассивным сопротивлением. В Свердловске число крещений в 1935 г. выросло в полтора раза в сравнении с 1934 г.³⁵ На Урале занялись даже духовным образованием. В 1920 г. в Перми появились восьмимесячные Пастырско-богословские курсы. Но в конце 1922 г. они были закрыты. В 1922 г. закончили строительство Свято-Духовской церкви в с. Касимово Пермского края. Приходской совет обращался к властям с просьбой о выделении церковной утвари³⁶. Как ответили большевики – понятно. О попытках «тихоновцев» открывать недеятельные церкви говорили сами коммунисты³⁷. Православные д. Сановой Пермской области решили закрыть школу, чтобы использовать ее помещение под церковь³⁸. В с. Тюриково вместо сгоревшего храма стали строить новый: «Работа закипела с проявлением громадной сметливости, инициативы, самодеятельности»³⁹. Не забывали о Боге и многие советские чиновники. В 1922 г. членом приходского совета одной из церквей Пермской епархии состоял не только председатель сельского совета, но и заведующий отделом народного образования. В 1930-е гг. председатель другого уральского сельского совета обратился к священнику: «Предлагаю отпеть или крестить ребенка»⁴⁰. Подпись председателя заверялась печатью. Религиозность проявлялась всевозможным образом. Председатель Марковского колхоза из того же Пермского края целую неделю мастерил кирпичную трубу в церкви. Когда же его попросили сложить в клубе печь к 7

ноября, он ответил, что некогда⁴¹.

Несмотря на гонения, не умолкала проповедь православия. Один из уральских архиереев епископ Стефан (Знамяковский) говорил в 1920-е гг. о желательности разъездных священников-проповедников, которые могли бы вести и «научно-религиозные» беседы. Пастыри ко многому обязывались: паства ждала «живого слова». В с. Красный Ясыл в 1922 г. вдохновенная проповедь священника молодежь сдала новые книги в читальню. В 1926 г. в Кунгуре существовал кружок «научно-религиозной молодежи». Уральский обком призвал местных коммунистов на борьбу с ним⁴². В 1920-е гг. в лучших приходах Урала вводится общенародное пение при богослужениях, формируется приходская благотворительность. В некоторых местах проводятся богословские лекции и дискуссии между мирянами и духовенством. В Перми этим отличалась Феодосиевская церковь, причт которой со временем твердо встал на «староцерковнические» позиции. Замечательным просветителем был настоятель храма архимандрит Таврион (Батозский). Он находил время и на обучение детей. «С приходом отца Тавриона [в Феодосиевскую церковь] церковная жизнь закипела. Уставные богослужения с всенародным пением, частая проповедь, вовлечение прихожан в приходскую жизнь наполнили храм молящимися. В свободное время батюшка с детьми прихожан выезжал на Каму для отдыха и занятий. Чтобы не привлекать внимания, одевался в гражданский костюм, с собой брал духовную литературу, читал детям вслух и пояснял прочитанное. На реке дети играли, купались...»⁴³

Впечатляют примеры и церковной благотворительности, уже запрещенной властями. В пасхальные дни 1928 г. приходской совет Феодосиевской церкви передал в больницы Перми большое количество продуктов питания. Итак, мы видим, что Церковь показала свою жизнестойкость и под прессом атеистического государства.

На Урале сопротивлялись и закрытию храмов. Яркие примеры предоставляет Свердловская епархия. Рабочий Надеждинского металлургического завода, выступая на собрании против изъятия церкви, заявил: «Не мешайте... нам веровать в Бога»⁴⁴. В г. Туринске прошла многолюдная демонстрация против закрытия храма. А в г. Н. Салда той же области разыгралась настоящая трагедия. Здесь при попытке коммунистов закрыть церковь рабочий А.Ф. Постыляков ударил в набат. Собралось множество верующих, которые отстояли храм. Но Постылякова в дальнейшем расстреляли⁴⁵. Верующие с. Бобровского так стойко защищали храм от закрытия, что местное ГПУ предложило районным властям не закрывать церковь⁴⁶. Закрытые храмы пытались вернуть.

В г. Первоуральске для открытия церкви собралась массовая демонстрация. В 1930 г. Уральский облисполком принял 30 делегаций от Свердловского округа, ходатайствовавших об открытии церквей⁴⁷. Власти признали перегибы в закрытии церквей. В том же году в Ирбитском округе Уральской области из 91 закрытого храма общинам вернули 36⁴⁸. Были обращения с Урала и во ВЦИК, как в 1937 г., и ВЦИК тогда распорядился о возвращении храма одной из общин Свердловской епархии. По количеству ходочков, отправленных для открытия храмов, Свердловская епархия оказалась на одном из первых мест в стране.

Примеры сопротивления есть и по Пермской епархии. В 1932 г. группа православных оказала значительное сопротивление закрытию церкви в г. Соликамске: активисты организовали круглосуточное дежурство.

На Урале проявилось и организационное сопротивление. В 1920–1930-е гг., когда архиереи подвергались частым репрессиям, а их проживание в областных центрах было опасным, растет число архиереев в глубинке. Появляются, к примеру, епископы Кунгурские. В 1930 г. Синод постановил преобразовать Кунгурскую епархию в викариатство. Интересен взгляд уральских коммунистов: «Со смертью патриарха Тихона... заметна... тенденция к переходу к автокефалии и организация областного епископата»⁴⁹, – говорится в отчете одного из окружкомов партии за 1924–1925 гг. «В условиях систематического гонения многочисленные способные к дроблению, трудноуловимые автономные церковные единицы, возглавляемые епископами, борющимися с массовыми арестами – массовыми тайными хиротониями, были наилучшей, если не единственно возможной формой церковной организации»⁵⁰.

Таким образом, мы видим разнообразные формы активного и пассивного сопротивления разгрому Церкви на Урале. Но силы были неравными.

Примечания

¹ Государственный архив Пермской области (далее: ГАПО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 175. Л. 56 об.

² Государственный общественно-политический архив Пермской области (далее: ГОПАПО). Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 105.

³ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

⁴ Там же.

⁵ Красный Урал. 1920 г. 13 января.

⁶ Там же.

⁷ Феодосий (Алмазов), архимандрит. Мои воспоминания (записки соловецкого узника). М., 1997. С. 46.

⁸ Принял мученическую смерть в 1937 г.

⁹ ГАПО. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 435. Л. 180, 197.

¹⁰ Государственный архив административных органов Свердловской области (далее: ГАОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 46693. Т. 1. Л. 370.

¹¹ ГАПО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 9. Л. 195.

¹² Звезда. 1922. 15 февраля.

¹³ Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в 1917–1927 гг. (На примере Урала): дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 78.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 197. Л. 53–53 об.

¹⁵ Там же. Д. 153. Л. 7–7 об.

¹⁶ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 87.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 143. Л. 210 об.

¹⁸ См.: Государственный архив Свердловской области (далее: ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 4536. Л. 80.

¹⁹ Там же. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 126. Л. 299.

²⁰ ГАСО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 126. Л. 300.

²¹ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.

²² ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 170. Л. 31.

²³ 25 июня 1923 г.

²⁴ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 16 об.

²⁵ Занимал Пермскую кафедру с 1928 по 1930 г.

²⁶ Служил в Пермской епархии с 1932 по 1935 г.

²⁷ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 123. Л. 17 об. – 18.

²⁸ Там же. Д. 170. Л. 43.

²⁹ ГОПАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 139. Л. 12.

³⁰ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 40. Л. 10.

³¹ ГОПАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 139. Л. 12.

³² ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 129 об.

³³ Противники митрополита Сергия (Страгородского), главы РПЦ, заявившего о лояльности к советской власти.

³⁴ Цит. по: Иоанн (Снычев), митрополит. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб., 1995. С. 188.

³⁵ Лавринов Валерий, протоиерей. Екатеринбургская епархия: события, люди, храмы. Екатеринбург, 2001. С. 66.

³⁶ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 78. Л. 17–17 об.

³⁷ ГОПАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 139. Л. 12.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ГАПО. Ф. Р-1610. Оп. 1. Д. 88. Л. 8.

⁴¹ Там же.

⁴² ГОПАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 208. Л. 47–47 об.

⁴³ Архимандрит Таврион (Батозский). Жизнеописание. Воспоминания духовных чад. Проповеди. М., 2003. С. 18.

⁴⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее: ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 144. Л. 73.

⁴⁵ ГАОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20883. Л. 11, 15.

⁴⁶ Там же. Д. 43497.

⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 169. Л. 9.

⁴⁸ Лавринов В. Екатеринбургская епархия: события, люди, храмы. С. 62.

⁴⁹ ГОПАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 139. Л. 13.

⁵⁰ Регельсон Л. Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. М., 1996. С. 81.

С.С. Ховалыг

Социальный состав руководящих кадров Тувинской Народной Республики в 1921–1928-х гг.

Чиновничество, будучи особой стороной социальной структуры общества, занимает важное место в государственном и местном управлении. Более того, как неотъемлемая компонента самого государственного механизма оно играет особую роль в его функционировании. В ходе исторического развития государства, на каждом этапе меняется состав и положение представителей чиновничества, в большей или меньшей степени привилегированной по сравнению с остальным населением. При этом кадровый состав чиновничества каждого государства имеет свою специфику.

Большим своеобразием отличался социальный облик чиновничества Тувинской Народной Республики в первые годы ее самостоятельного существования, после обретения независимости в двадцатые годы прошлого столетия.

Следует отметить, что в начале XX в. в сфере государственного управления в Туве происходили серьезные перемены. Связано это было с тем, что после довольно длительного нахождения под властью китайских императоров династии Цин Урянхайский край (как тогда называли Туву) в 1914 г. перешёл под протекторат Российской империи. Затем, после революций 1917 г. и в ходе Гражданской войны, Тува взяла курс на обретение собственного суверенитета, что завершилось провозглашением в 1921 г. независимой Тувинской Народной Республики. Всё это сопровождалось существенными перестройками управленческого аппарата, когда взамен или параллельно с традиционной правящей

тувинской элитой возникала русская администрация, а затем новая система властных учреждений, организованных по образцу Советской России.

13–16 августа 1921 г. состоялся Учредительный Хурал (съезд) тувинского народа, на котором было объявлено о создании Республики Танну-Тыва Улус. Было объявлено, что Народная Республика Танну-Тува является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах государством свободного народа, однако в международных сношениях она действует под руководством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики¹.

Также была принята первая Конституция Тувы, согласно которой верховная и законодательная власть в ТНР принадлежала съезду всех *хошунов* – Народному Хуралу, созываемому не реже одного раза в год. Вместе с тем, в Конституции еще отсутствовало положение о постоянно действующем высшем законодательном и распорядительном органе власти².

Высшую исполнительную, т.е. правительственную, власть осуществлял Всеобщий Центральный Совет. В промежутке между съездами Народного Хурала ему принадлежала вся полнота власти. Он имел право издавать постановления в пределах Конституции. Центральный Совет должен был для работы созываться не менее четырех раз в год, а в случае необходимости по заявлению двух членов Совета могло быть созвано внеочередное заседание. В промежутках между сессиями члены Совета по очереди управляли делами республики. Можно утверждать, что тем самым сохранялся очередной порядок работы в администрации, имевший место в традиционной системе управления тувинцев. Также установ-

Салимаа Сергеевна Ховалыг – преподаватель кафедры истории Отечества Тувинского государственного Университета, г. Кызыл, Республика Тыва.

ление такого порядка работы правительства, вероятнее всего, объясняется традиционным предпочтением персонифицированной власти перед коллегиальным руководством. К тому же в организации Народного Хурала явно заметен отголосок прежних общетувинских сеймов, созываемых не реже одного раза в год, а то и чаще.

Хотя Конституция декларировала принцип выборности должностных лиц государства, на деле это не препятствовало первоначально сохранению доминирующего положения в делах правления исторически сложившейся тувинской аристократии. Анализ социального состава первого правительства Тувы, в которое вошло семь человек, показывает, что все они представляли прежнюю властную элиту тувинского общества, поскольку ранее занимали должность *угерда*³. Председателем правительства был утвержден Оюн Соднам-Балчыр, последний наследственный *амбын-нойон* Тувы⁴.

Однако Соднам-Балчыр исполнял обязанности председателя правительства всего несколько месяцев, поскольку вскоре, сославшись на болезнь, отказался от поста. Функции главы правительства пришлось исполнять Монгуш Буян-Бадыргы⁵, тесно связанному с местной знатью.

Новым явлением стала попытка отстранить от участия в делах управления буддийское духовенство, игравшее заметную роль в жизни тувинского общества. Законным порядком ламы, живущие в монастырях и существующие за счет подношений населения, лишились права быть избранными на государственные должности. Ламы же ведущие самостоятельное хозяйство и *хуураки* (послушники, ученики лам) были уравнены в правах с остальным населением Тувы. Впрочем, первая попытка проведения в жизнь принципа разделения государства и религии пока не принесла заметного практического результата, поскольку фактически духовенство, особенно высшее, продолжало оказывать значительное влияние на общественно-политическую жизнь республики.

В 1922 г. было решено переименовать Центральный Совет в Совет Министров республики. Одновременно учреждались министерства – иностранных дел, внутренних дел, юстиции и военных дел. В конце 1922 г. было со-

здано Министерство финансов⁶. Руководящие посты в министерствах в тот момент занимали представители традиционной знати, зажиточных слоёв и, частично, выходцы из ламаистского духовенства. Достаточно сказать, что из десяти последовательно сменившихся до 1929 г. председателей правительств, пятеро были из числа потомственных *угерда*, княжеского сословия и дореволюционного чиновничества⁷. Например, Председателем Совета Министров и министром иностранных дел являлся Лопсан-Осур, бывший *чангы* Маады сумона. Его советником был сын богатого русского купца и промышленника П.С. Медведев⁸.

Надо заметить, что в первые годы существования министерств наблюдается большая текучесть кадров в высшем управленческом составе министерств. Причиной такого явления была старинная практика работы в управленческом аппарате. Обычно чиновники выполняли служебные функции от трёх месяцев до одного года, пока их не отзывали и не заменяли. В первые годы существования ТНР эта традиция была перенесена на государственные органы⁹. Кроме того, поначалу государственное руководство и министры работали без зарплаты, и постоянно в столице не проживали. Только с 1923 г. они начали получать номинальную заработную плату.

Важным фактором, повлиявшим на дальнейшее государственное строительство Тувы, выступало русское население республики. Постановлением Всегувинского Учредительного Хурала русскому населению Тувы разрешалось образовать автономную колонию, живущую по советским законам – Русскую самоуправляющуюся трудовую колонию¹⁰. Русская колония поддерживала тесные контакты с Советской Россией и Коминтерном. В немалой степени через нее осуществлялась советизация Тувы.

Специфика первых лет развития ТНР состояла в том, что формирование органов государственной власти шло параллельно с процессом создания Тувинской Народно-Революционной Партии и Революционного Союза Молодежи. В 1923 г. с помощью большевиков – секретаря райбюро РКП(б) Я. Чугунова, а также консула СССР в ТНР Ф. Фальского – была создана Тувинская Народно-Революционная партия. За год количество всту-

пивших в партию увеличилось до 7 000 человек, что представляло солидную организованную силу. Постепенно, с 1925 г., в низовом аппарате партии, а затем ее Центральном Комитете и правительстве происходят изменения в сторону увеличения числа аратов в их составе. Связано это было с тем, что в 1925 г. начала возвращаться молодежь, ранее посланная на обучение в партийные школы Советского Союза¹¹, Монголии и Ойратской республики. С точки зрения представителей Советского Союза и Коминтерна, внимательно следившими и подчас вмешивавшимися время от времени во внутренние дела Тувы, они являлись прекрасными кандидатурами для вхождения в руководство республикой с целью проведения социалистических преобразований. Результатом становилась тесная увязка принимаемых партийных и государственных решений¹². Так I Великий Хурал ТНР (20 сентября – 1 октября 1923 г.) закрепил решения II съезда партии об отмене княжеских титулов, чинов и знаков их различия; установил новое административное деление страны и избрал новый состав Совета Министров.

Все же социальный состав управленческих кадров Тувы оставался практически неизменным вплоть до событий 1924 г., когда произошло восстание под руководством Сумунака, бывшего помощника правителя *хошуна*¹³.

4. Даже в 1928 г. в руководящем составе Тувинской Народно-революционной партии, ее Политбюро, правительстве республики заметно было присутствие старого чиновничества. Из 34 человек высшего руководства: двое были бывшими князьями, крупными чиновниками в сане *угерда*; шестеро имели когда-то классные чины китайской иерархии (*чагырыкчы*, *мейрен*, *чалан*, *чангы*, даже один *зайсан*), четверо являлись буддийскими священниками и лишь двадцать чиновников были новобранцами из аратов¹⁵. Характерно и то, что в первый период развития ТНР в руководящем составе государственных органов не было ни одной женщины. Только в конце рассматриваемого периода в президиуме Тувинского Революционного Союза Молодежи появляется одна девушка.

Таким образом, в первый период развития Тувинской Народно-революционной Республики состав партии и чиновничества характеризуется социальной пестротой. В промежутке с 1921 по

1925 г. налицо был явный перевес во властных структурах представителей прежнего княжеского сословия и крупного чиновничества. Объясняется это тем, что новая советская власть в немалой степени использовала прежний, традиционный управленческий опыт в создании новой государственной системы. Хотя внешняя форма власти изменилась, но принципы строгой иерархичности чиновничества, методы подбора руководящих кадров, чинопочитание оставались прежними. Разве что взамен старинных военных и гражданских чинов маньчжуро-монгольской администрации появились новые должности партийного и правительственного руководства, которые занимали представители прежней княжеско-чиновнической верхушки.

К таким явлениям очень настороженно относились правящие круги Советского Союза. Через своих агентов влияния, через представителей Коминтерна СССР стремился изменить в свою пользу расклад сил и сформировать подконтрольную ему партийно-государственную элиту Тувы. Результатом стало проведение в 1928–1929 гг. чистки государственного аппарата от представителей «феодално-байской группировки» и переход рычагов управления в руки жестко централизованной группы партийных функционеров. После 1929 г. начинается новый этап развития государственной системы Тувинской Народной Республики за счет увеличения сроков службы чиновников и превращения их обязанностей в постоянные функции. В конце концов, вся система управления эволюционирует, полностью воспроизводя модель органов СССР.

Примечания

¹ ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 12.

² Ондар Н.А. Этапы становления тувинской государственности. Красноярск, 1999. С. 63; ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп.1. Д. 26. Л. 1; История Тувы: в 3 томах. Т. II / Под общей редакцией В.А. Ламина. Новосибирск, 2007. С. 129.

³ *Угерда* (также *огурта*, *огурда*, *ухерида*, *ухэр-да*, по-китайски - *цзун-гуань*) – правитель, пользовавшийся правами *дзасаков*. Так в монгольской властной иерархии, распространённой и на Туву, именовали правителя княжества, не удостоенного официально признанной княжеской степени, но пользовавшегося тем не менее всей полнотой власти в подведомственной ему территории. Должность

угерды, однако, считалась не наследственной, а выборной, и избранный на нее кандидат подлежал последующему утверждению со стороны *цзянцзюня*, т.е. наместника китайского императора в Северной Монголии.

⁴ Оюн Соднам-Балчыр (1878–1924) – последний потомственный амбын-нойон Тувы. Амбын-нойоном титуловали высшего правителя, которому подчинялись тувинские *хошуны*. Соднам-Балчыр последовательно придерживался позиции присоединения Тувы к Монголии. В 1921 г. был избран главой Центрального Совета, но не приступил к выполнению своих обязанностей. В 1923 г. избирался министром юстиции. Являлся одним из вдохновителей мятежа на Хемчике (1924 г.) под лозунгом присоединения Тувы к Монголии. Погиб при попытке переправиться через р. Тес-Хем и уйти в Монголию.

⁵ Монгуш Буян-Бадырғы (1892–1932) – последний правитель Даа-хошуна (одного из западных округов Тувы), видный государственный и политический деятель ТНР. В 1921 г. – Председатель Всетувинского Учредительного Хурала; в 1921–1922 гг. – исполнял обязанности главы правительства; в 1923 г. – премьер-министр ТНР. С 1924 по 1927 г. – видный партийный деятель, автор законопроектов республики. В 1927 г. – министр финансов ТНР. В 1928 г. – начальник Госторга. В 1929 г. арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности и в марте 1932 г. расстрелян.

⁶ Впрочем, вскоре Военное министерство расформировали, а его функции передали Министерству внутренних дел.

⁷ ЦГА РТ. Ф. 144. Оп. 2. Д. 12. Л. 56 и др.

⁸ История Тувы: в 3 томах / Под общей редакцией В.А. Ламина. Новосибирск, 2007. Т. II С. 133.

⁹ ЦГА РТ. Ф. 144. Оп. 2. Д. 12. Л. 56 и др.

¹⁰ Моллеров Н.М. Истоки братства: Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике (1922–1932). Кызыл. 1989. С. 20.

¹¹ Прежде всего, в Коммунистический университет трудящихся Востока.

¹² История Тувы: в 3 томах. Т. II. С. 139–140.

¹³ 11 марта 1924 г. в Шеми под руководством бывшего *чагырыкчы* Куулара Сумнака оппозиция, не довольная проводимыми преобразованиями (в том числе отменой прежней системы титулов, чинов и должностей, а также знаков их различия, налоговой политикой правительства) сколотила группу из 23 человек. Основная цель состояла в реставрации старого строя, ликвидации государственной самостоятельности Тувы и присоединения ее к Монголии, где, как они ожидали, произойдет государственный переворот.

¹⁴ Содунам Ооржак Дончаа-оглу – бывший батрак Буян-Бадырғы. Учился в Урге. С 1923 по 24 г. был секретарем Чаданской партийной ячейки. В 1925 г. окончил партийную школу в г. Улан-Батор. С октября 1925 по июль 1926 г. заведовал отделом Народного образования Министерства внутренних дел. Генеральный секретарь ЦК ТНРП с 1926–1928 гг. В 1927 г. был в составе экономической делегации в СССР. Впоследствии был обвинен как сторонник Буян-Бадырғы и в 1932 г. расстрелян по обвинению контрреволюционной деятельности.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 29. Л. 186–187.

Н.А. Володина

Деятельность властей по формированию советской системы политического контроля в 1917—1941 гг.

Интерес к советскому периоду отечественной истории не ослабевает, что объясняется как необходимостью осмысления новых исторических источников, так и небольшой хронологической удаленностью изучаемых событий и явлений. В полной мере эта тенденция отражена в современных учебниках по истории Отечества, где изучению истории советского государства уделено значительное внимание. Предвоенные десятилетия требуют особо тщательного рассмотрения на уроках истории, т.к. до сих пор не получили однозначной оценки.

В результате октябрьской революции 1917 г. изменился характер власти, и она сосредоточилась преимущественно в руках одной партии. Деятельность советских властей по организации политического контроля в рассматриваемый период была успешной, хотя следует отметить, что она не являлась с самого начала четко спланированной и всеобъемлющей. Решая насущные проблемы с процессе формирования социалистического государства и «строительства социализма», власти находили новые действенные методы, что позволило, в итоге, сформировать стройную и эффективную систему политического контроля.

Впервые термин «политический контроль» появляется в конце 1920-х гг.: «... не должно быть безграничного доверия к людям, чуждым по классу и по идеологии. Здоровый деловой политический контроль должен быть необходимым условием, гарантирующим от возможного сознательного и бессознательного вредительства».¹ Советская система политического контроля представляла собой и способ воздействия на массовое сознание, и форму контроля за поведением

индивида на предмет соответствия идеологическим канонам. Основной целью политического контроля было формирование гомогенного общества с унифицированной системой взглядов и ценностей, что делало общество более управляемым. Молодое советское общество было социально неоднородным, что обусловило дискриминацию по классовому признаку практически во всех важных сферах: в образовании, правосудии, предоставлении жилья, распределении карточек и т.д.

Результатом такой политики стало стремление людей, имеющих «неподходящее» социальное происхождение, скрывать его и пытаться миновать препоны под видом пролетариев или крестьян-бедняков. Случаи сокрытия своего социального происхождения характерны уже для первой партийной чистки: «Попов Павел Алексеевич ... Комиссией по чистке парторганизаций НКВД исключен из рядов ВКП(б) за сокрытие соцпроисхождения. Установлено, что Попов скрыл свое соцпроисхождение как при вступлении в партию, так и при переводе из кандидатов в члены».² Из совпартшколы в 1935г. был исключен Ефремов Трофим Филатович «за сокрытие социального происхождения, как выходец из кулацкой семьи». Курсант Никишин был исключен «за сокрытие ссылки на 10 лет за вредительство в колхозе своего отца».³ Были отчислены курсантки Щербакова и Волошина как классово-чуждый элемент: «Щербакова – дочь бандита, Волошина – дочь раскулаченного».⁴

Широкое распространение в этот период получили анкеты, ставшие буквально неотъемлемой частью повседневной жизни советского человека 1930-х гг. Без заполнения анкет не обходилось ни устройство на работу, ни вступление в партию, комсомол или профсоюз. Анкеты носили специфический характер, поскольку должны были слу-

Наталья Анатольевна Володина – докторант кафедры истории Московского педагогического государственного университета.

жить выявлению «социально чуждых элементов». Пункт анкеты, который должен был прояснить социальное происхождение заполняющих ее, был одним из самых обстоятельных. В нем предлагались следующие варианты, из которых и следовало выбирать: «бывшие люди и нетрудовой элемент, уголовно-профессиональный и деклассированный элемент, кулак, единоличник, колхозник, служащий, рабочий со стажем до трех лет, со стажем более трех лет и прочие».⁵

Фонд Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР содержит образцы личных листов по учету кадров, в которых обязательными для заполнения являются, в том числе, следующие пункты: «... точно указать социальное происхождение: бывшее сословие (звание); а) основное занятие родителей, б) владели ли недвижимым имуществом (каким и где?); в) чем занимаются и где находятся в настоящее время; г) кто из родственников лишен избирательных прав и за что».⁶

Вопрос о «засоренности» советского аппарата поднимался властями постоянно: «Под засоренностью нашего аппарата мы понимаем нахождение в рядах адморганов и милиции классово чуждых нам людей, бывших полицейских работников, жандармов, попов и др. вредных для рабочего дела субъектов».⁷

Прием на работу лиц, чуждых по происхождению, грозил серьезными неприятностями руководителям предприятий и организаций. Это могло быть расценено как пособничество врагу. Например, в докладной в крайисполком от председателя СамРИК Фадеева сообщалось, что «директор винзавода Рождественского с/с принял в качестве рабочих до 15 человек кулаков. Попытка со стороны с/с их снять не увенчалась успехом. Директор их скрыл – чем сигнализировал самым отъявленным кулаком...».⁸ В вину также вменялось грубое обращение с крестьянством, «протягивание на службу в аппарат антисоветских элементов и активное противодействие проведению землеустройства».⁹

При этом партия позиционировала себя как «авангард пролетариата», как партию рабочего класса. Крестьянство рассматривалось как отсталое в сравнении с рабочими, его права ущемлялись: колхозники не имели паспортов, введенных в конце 1932 г. Крестьяне часто высказывали недовольство своим положением и ролью, которую партия отводила рабочему классу. По поводу «смычки рабочего и крестьянина» в гу-

бернскую контрольную комиссию ВКП(б) поступило письмо от гражданина Рямшина, в котором говорилось следующее: «надо рисовать фактическое обращение рабочих к крестьянам. Нужно нарисовать крестьянина с серпом, рабочего посадить на крестьянина с верхом, – вот это будет справедливо – обращение рабочих к крестьянам. Крестьянин, своими мозолистыми руками приобретает, но рабочий-лодырь у него отнимает. Почему это Вы ставите свой 8 часовой труд дороже 24 часового».¹⁰ Председатель колхоза в Ст-Кармале Петров «17.09.1930 напился пьяным и в присутствии беспартийных заявил: «что прав Бухарин, что у нас существует феодальная эксплуатация крестьянства, без машин на лыке и мочале развивай ударные темпы, для чего нам контактация и т.д.»».¹¹

Создание в деревне коллективных хозяйств не вызывало у крестьян большого энтузиазма. На объединенном пленуме Средневолжского обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б) 23-27 ноября 1929 года отмечалось, что «недовольство крестьян насильственной коллективизацией выразилось ... в многочисленных выступлениях против активистов, уничтожением колхозных построек».¹²

Широко было распространено мнение, что «в сущности, каждый крестьянин собственник, кулак, а бедняк и середняк – это случайно. Бедняк также не против быть кулаком, он стремится к этому, иначе говоря, стремится быть враждебным партийной и советской политике».¹³ Нежелание крестьян вступать в колхозы в первую очередь объяснялось влиянием кулаков. Сводки отмечали, что «отношение к коллективным хозяйствам кулацкой и зажиточной части населения отрицательное. Со стороны верхушки деревни «наблюдается массовая контрагитация и враждебное отношение к бедноте».¹⁴ «Кулаки всюду вели агитацию против организации коллективов, старались отговорить, запугать бедноту, а также оторвать середняков от бедноты».¹⁵

Когда «социалистическое наступление» в деревне набирало обороты, особенно после ноябрьского пленума 1929 г., колхозное движение мыслилось руководством «мощной лавиной», которая «сметая сопротивление кулака и ломая кулачество»,¹⁶ прокладывает дорогу социалистическому строительству в деревне. По кулачеству, говорил Сталин, нужно ударить так, чтобы оно больше не могло подняться на ноги. «Это называется у нас, большевиков настоящим наступлением».

Наступление на крестьянство вызывало ответное сопротивление. В условиях растущей социальной напряженности, по мнению партийных органов, необходимо было «в особенности в крупных кулацких, бывших торговых селах произвести изъятие активного контрреволюционного элемента из числа кулаков, торговцев, церковников и активных контрреволюционеров в прошлом».¹⁷

Со второй половины 1930-х гг. социальная принадлежность перестает быть одним из определяющих признаков, по которому можно выявить потенциального врага. Он становится еще более скрытым, трудно распознаваемым. Выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Ежов делал акцент на том, что враг «прикрывается и преданностью партии и советской власти, он проявляет всюду, где нужно и где не нужно инициативу, он хвалит всех и хвалит советскую власть для того, чтобы навредить тогда, когда у него есть уверенность, что его не раскроют».¹⁸

Система политического контроля включала в себя и компании бдительности, которые разворачивались в стране всякий раз, когда следовало очередное разоблачение «врагов». Компании бдительности также выполняли консолидирующую функцию, поскольку ставили общую задачу – выявление врага. Это должно было способствовать объединению партии и народа: «Партия рабочего класса в ответ на действия врагов Советского Союза еще сильнее свяжет свою бдительность с широкими массами трудящихся и врагам Советского Союза не удастся сорвать социалистического строительства».¹⁹

Раскрытие «контрреволюционных организаций, ведших активную работу по подготовке интервенции и восстаний внутри СССР и развернувших широкую вредительскую работу, значительно осложнившую и усилившую наши трудности, сигнализирует нам о необходимости большей классовой бдительности во всей нашей практической работе».²⁰ Сохранять бдительность необходимо, поскольку «у каждой из этих организаций были свои группы и отдельные члены на периферии, часть которых уже выявлена, а часть остается нераскрытой и продолжает вредительскую деятельность».²¹ Только постоянно помня «о классовой бдительности», можно «вскрыть отдельные цели контрреволюционных организаций, ликвидировать подпольную работу кулачества».²² Для этого «каждая первичная парторга-

низация, каждый райком, руководящий работник, все до единого должны «держать «ухо остро», должны на каждом факте, на каждом случае делать соответствующие выводы, во время угадывать классового врага».²³ Именно поэтому необходимо было «решительно преодолевать настроение самоуспокоенности, увлечения достигнутыми успехами и притупления внимания к подрывной деятельности остатков разбитого классового врага».²⁴

К.Е. Ворошилов утверждал, что «мы, не воюя, ведем жестокую борьбу с нашим классовым врагом».²⁵ В качестве обоснования выступала теория об обострении классовой борьбы. Согласно распространенному в 1930-е гг. мнению, в обстановке обостряющейся классовой борьбы, «все враждебные нам элементы используют все формы для борьбы против социалистического строительства».²⁶ При этом, как было заявлено на пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г.: «Враг выбирал наиболее чувствительные места нашего социалистического строительства, наиболее важные пункты для того, чтобы, изнутри поражая самые чувствительные нервные узлы, в этих пунктах наносить вред всему нашему государственному строительству».²⁷

«Социалистическое наступление» началось по всем правилам военных действий с провозглашения фронтов: «фронта индустриализации», «фронта коллективизации», «тракторного фронта», «идеологического фронта», «культурного фронта», «антирелигиозного фронта», «литературного фронта», и т.д.²⁸ Понятие «фронт» было применимо к любой области жизни. Создавалось впечатление, что страна представляла собой поле брани. Приведем ряд примеров выражений из партийных документов, подчеркнем, что зачастую они один в один совпадают с газетными заголовками: «Драться за урожай», «Годичная борьба за выполнение Постановления ЦК ВКП/б о школе»,²⁹ «Фронт народного образования отстает от фронта социалистического строительства»,³⁰ «Разоружение кулаков».³¹

Аналогии со временем революции и гражданской войны активно внедрялись в сознание. Периодизация, приведенная в «Кратком курсе истории ВКП(б)» объявляла 1920-30-е годы новыми этапами гражданской войны. Надо отметить, что обществу была близка и понятна военная терминология и методы борьбы. Умело поддерживали этот «военный угар» и идеологию «социалистического наступления» средства массовой инфор-

мации. Содержание статей пестрело военными терминами. Газеты сообщали о том, что «местам даны все указания о развертывании боевыми темпами ликбезфронта». В статье, посвященной работе библиотек, сообщается, что «положение на книжном фронте тревожное», а книги именуются не иначе как «могучее оружие культурной революции».³² Использование языка, наполненного военными терминами, стало частью повседневной жизни. Например, в письме коллектива пензенского велозавода им. Фрунзе, в котором был вызов на соревнование Самарскому заводу, содержался и призыв «объявить беспощадную войну всему, что мешает социалистическому строительству: подтянуться, работать с военной твердостью и самопожертвованием».³³

Для прессы характерно использование языковых штампов, грубых и откровенно ругательных. В соответствии с этим «враги» в массовой печати именовались не иначе как «империалистическими гадинами», «бандой наемных убийц, диверсантов и шпионов», «отъявленными контрреволюционерами», «вражеским охвостьем», «вражескими отпрысками», «мразью, оскверняющей своим дыханием воздух нашей земли».³⁴ После прошедших «чисток», как писала «Рабочая Пенза», партия стала «еще монолитней, могучей, очистившей свои ряды от всякой предательской нечисти, от злейших врагов социализма – троцкистско-зиновьевского отрепья, трижды проклятых и презренных агентов гестапо, реставраторов капитализма». Внешние враги именовались не иначе как «господа-фашисты – современные каннибалы – людоеды, ищущие выхода в войне».³⁵

Целенаправленно создавалась атмосфера постоянного доносительства, подозрительности. От террора морального до террора физического оставался один шаг.

Таким образом, практически с самого начала своего существования советская власть проводила политику, направленную на создание, во-первых, гомогенного общества, во-вторых, на формирование атмосферы всеобщей подозрительности, доносительства, поиска «врагов». В совокупности это делало общество более управляемым, восприимчивым к идеологическому воздействию

и манипуляциям, осуществляемых властью в ходе реализации политического контроля.

Примечания

¹ СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории) Ф.1. Оп.1. Д.125. Л.16.

² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.613. Оп.2. Д.136. Л.10.

³ ГАПО (Государственный архив Пензенской области) Ф.р-420. Оп.1. Д.75. Л.213.

⁴ ГАПО. Ф.р-420. Оп.1. Д.75. Л.145.

⁵ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 452. Л. 159.

⁶ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.Р- 7668. Оп. 1. Д. 175. Л. 26.

⁷ ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 110. Л. 30.

⁸ ГАСО (Государственный архив Самарской области). Ф.р-779. Оп. 2. Д. 825. Л. 147.

⁹ ГАСО. Ф.р-779. Оп.2. Д.531. Л.102.

¹⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2378. Л. 65.

¹¹ Самарское Поволжье в XX веке: Сб. документов и материалов. Самара, 2000. С. 293–294.

¹² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 21. Д. 2537. Л. 103.

¹³ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д. 2378. Л. 32.

¹⁴ ГАСО. Ф. р-779. Оп.2. Д. 5. Л. 42.

¹⁵ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д. 2402. Л.7.

¹⁶ ГАПО. Ф. 1381. Оп. 1. Д. 17. Л. 93.

¹⁷ ГАСО. Ф. р-779. Оп. 2. Д. 5. Л.106.

¹⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 21.

¹⁹ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д. 2582. Л. 18.

²⁰ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 244. Л. 167.

²¹ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 244. Л. 169.

²² ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 244. Л. 167.

²³ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 482. Л. 69.

²⁴ Правда. 1936. 5 июля.

²⁵ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 15.

²⁶ ГАПО. Ф.р-420. Оп. 1. Д.77. Л. 17.

²⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. С.3.

²⁸ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.390. Л. 24, 27, 41, 45, 54.

²⁹ ГАПО. Ф.1993. Оп.1. Д.257. Л.25.

³⁰ ГАПО. Ф.р – 926. Оп.1. Д.36. Л.12.

³¹ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.474. Л.1.

³² Средневолжский комсомолец. – 1933. - 11 декабря.

³³ СОГАСПИ. Ф.655. Оп.2. Д.330. Л.153-154.

³⁴ Комсомольская правда. 1938. 23 августа.

³⁵ Рабочая Пенза. 1937 - 1 января.

А.В. Хохлов

Восстановление системы народного образования и культуры в освобожденных районах СССР в годы Великой Отечественной войны

Проблема восстановления системы образования и культуры в освобожденных районах СССР в годы Великой Отечественной войны является одной из актуальных проблем в изучении Великой Отечественной войны и процесса восстановления народного хозяйства.

Характерной и наиболее яркой особенностью восстановительного процесса на советской территории, освобожденной от немецко-фашистских захватчиков, являлась его комплексность и всесторонность. Это выразилось, в частности, в том, что наряду и одновременно с нормализацией жизни в освобожденных районах, восстановлением народного хозяйства там проходило быстрое возрождение системы народного образования и культуры. Следует подчеркнуть, что данному аспекту рассматриваемого процесса государственные и партийные органы придавали исключительно большое внимание.

Государственные органы уже в ходе войны, используя многообразные формы и средства идейного воздействия, проделали огромную работу, чтобы мобилизовать массы «на оказание помощи Красной Армии в деле полного разгрома немецко-фашистских захватчиков, на скорейшее восстановление народного хозяйства и всемерное укрепление колхозного строя»¹. Как и в других делах военного времени, большую роль в решении данной задачи сыграли комсомольские организации. Свои усилия ВЛКСМ прежде всего направил на всемерную помощь партийным и советским органам в укреплении материально-тех-

нической базы для проведения массово-политической и культурно-просветительной работы в освобожденных районах². Так, в сентябре 1943 г. специальные решения принял Орловский обком ВЛКСМ³. В соответствии с ним, для непосредственной организации молодежи на восстановление культурно-просветительных учреждений при райкомах и горкомах комсомола были созданы специальные комиссии, повсеместно сформированы строительные бригады, среди юношей и девушек развернулось движение по сбору среди населения культуринвентаря.

Комсомольские организации сыграли видную роль не только в восстановлении сети культурно-просветительных учреждений, но и налаживании их работы. Много делалось по обеспечению учреждений культуры необходимыми кадрами. Например, к январю 1945 г. в освобожденных районах Ленинградской области комсомольцы и молодежь составили 60 процентов всех культпросветработников⁴. Аналогичная картина наблюдалась и во многих других областях. Местные комсомольские органы только в течение 1944 г. сумели организовать подготовку 4,5 тыс. молодых киномехаников, что имело большое значение для реализации постановления СНК СССР от 4 февраля 1944 г. «О мероприятиях по улучшению кинообслуживания населения»⁵.

Наряду с восстановлением и развертыванием деятельности культурно-просветительных учреждений в исследуемый период государственные и общественные организации участвовали в налаживании системы народного образования в освобожденных районах РСФСР. Следует подчеркнуть, что деятельность государственных организаций имела

¹ Александр Валентинович Хохлов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Воронежской государственной академии.

ряд направлений. Прежде всего, государственные и общественные организации сосредоточили свои усилия на восстановлении материально-технической базы системы народного образования. Для этой цели в республиках и областях были созданы тысячи специальных строительных комсомольско-молодежных бригад, развернулось социалистическое соревнование за досрочную сдачу объектов. Получили широкое распространение такие патриотические начинания, как безвозмездное участие в восстановлении школ сверх своего основного рабочего дня, помощь городской молодежи селу в форме воскресников, а также сверхурочные работы на предприятии с передачей заработанных средств в фонд восстановления школ и многое другое. Разносторонняя организаторская и политическая деятельность в этом отношении партийных и комсомольских организаций определили быстроту восстановления школ⁶. Многообразием форм и широким размахом характеризовалась деятельность партийных и комсомольских организаций по подготовке и переподготовке идеологических кадров. Заметим, что типичным в этом отношении, так же как и для районов глубокого тыла, были семинары, совещания, различные школы, инструктажи. Например, в конце 1944 г. в Брянской области было создано более 20 школ молодых агитаторов, в которых обучались 400 юношей и девушек⁷. Таким образом, в исследуемый период комсомольские организации делали все возможное, чтобы организовать проведение идеологической работы на советской территории, подвергавшейся вражеской оккупации. Проводимые комсомольскими организациями в этом направлении мероприятия являлись важным фактором, обусловившим широкий размах и высокую эффективность политической пропаганды и агитации среди молодежи освобожденных районов.

В условиях войны советским государством были активно использованы все средства и области духовной культуры: общественные науки; литература и искусство; средства массовой информации – пресса, радио, кино; художественные учреждения – театры, музеи; библиотеки, клубы и другие культурно-просветительные учреждения. Состояние культуры, разных её областей, рассматривалось в ряде решений ЦК ВКП (б), местных партийных

организаций, СНК СССР и РСФСР, комсомола, ВЦСПС, Наркомпроса РСФСР и других учреждений, связанных с культурой.

Необходимо отметить, что специальные постановления правительства и партии были посвящены деятельности культурно-просветительных учреждений, народному образованию, восстановлению политпросветучреждений и расширению в них культурно-массовой и воспитательной работы, восстановлению школ, учреждений культуры⁸.

В августе 1943 года, например, было принято решение ЦК ВКП(б) о мероприятиях по усилению культурно-просветительной работы в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации. 4 февраля 1944 г. было принято решение СНК СССР «О мероприятиях по улучшению кинообслуживания населения». Соответствующее постановление было принято СНК РСФСР 8 апреля 1944 г.⁹.

Непосредственное руководство всей культурной деятельностью осуществляли Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, соответствующие отделы областных, краевых и городских комитетов партии, Главное политическое управление Красной Армии, Комитеты по делам искусств при СНК СССР и при СНК РСФСР, Наркомпрос РСФСР, отдел культуры ВЦСПС. В соответствии с отчетом Чрезвычайной государственной комиссии по итогам ущерба, причиненного Наркомпросу РСФСР в 1945 г., общий размер ущерба по учреждениям НКП республиканского подчинения составляют сумму в 706345,5 тыс. рублей¹⁰.

Возрождение и развитие духовной жизни было одним из приоритетных дел в районах, освобожденных нашими Вооруженными силами от фашистской оккупации. Хотя работа на этой территории строилась на основе общенародных задач, она имела и значительное своеобразие. В этих районах страны, независимо от времени изгнания из них врага, сразу вставали новые, отличающиеся от областей глубокого тыла задачи: восстановление хозяйства, ликвидация последствий оккупации во всех сферах жизни. Решение этих задач позволяло более или менее нормализовать жизнь освобожденных советских людей и включить их в активную работу по оказанию помощи Армии, продолжавшей в жестоких боях гнать агрессора на Запад. Новые задачи требовали

выработки и новых направлений, методов и форм налаживания духовной жизни. Специфика этих районов была связана с тем, что продолжительная оккупация оставила тяжелейшие последствия.

Неустанная работа страны о подрастающем поколении проявилась также и в организации возрождения учреждений народного образования в освобожденных от врага районах. Уже в ходе войны, в 1943 – 1945 гг., по мере освобождения отдельных областей СССР, было восстановлено свыше 70 тыс. школ. Только на территории РСФСР, подвергавшейся вражеской оккупации, за годы войны было восстановлено свыше 16 тыс. школьных зданий и построено 418 новых школ¹¹.

19 февраля 1943 г. Наркомпрос РСФСР разослал в помощь местным органам народного образования «Инструкцию по восстановлению дела народного образования в областях, освобожденных от немецко-фашистской оккупации». 15 апреля 1943 г. СНК РСФСР принял специальное решение о восстановлении системы народного образования в освобожденных районах, на основе которого Наркомпросом с апреля по июнь 1943 г. было издано 12 распоряжений, касающихся каждого края, области, автономной республики¹².

Важную роль в решении проблемы учительских кадров сыграло Постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» (июнь 1944 года), где указывалось, что одна из причин низкого качества обучения является слабая теоретическая и педагогическая подготовка части учителей, недостаточная методическая помощь им со стороны органов народного образования, нехватка педагогической литературы, отсутствие хорошо налаженной системы повышения квалификации учителей¹³. В школы освобожденных районов отправлялись библиотеки, учебники, учебные пособия. Восстанавливались разрушенные школы, освобождались школьные здания, занятые под иные нужды. Отремонтировано и открыто было почти 96% довоенного числа школ. Все это способствовало дальнейшему успешному обучению детей. Особенно это было важно для районов, подвергшихся оккупации, так как миллионы детей были надолго оторваны от учебы и подвергались воздействию фашистской идеологии. Организационные меры, улучшение учебно-воспита-

тельной работы, введение выпускных экзаменов, специальных классов для отставших, забота об обеспечении школ учительскими квалифицированными кадрами привели к быстрому возрождению школьного дела в освобожденных районах. В результате к 1 января 1944 г. в освобожденных районах возобновили работу 23 805 школ, в которые было принято 2,8 млн. учащихся. Когда вся территория была освобождена от оккупантов, в 35 тыс. школ занималось уже 4,8 млн. детей¹⁴.

Несмотря на кропотливую созидательную работу, к концу войны невозможно было полностью возродить систему народного образования — так велики были потери, связанные с нашествием фашистского агрессора. Усилия советских органов и общественных организаций в послевоенные годы были направлены на полное возрождение и дальнейшее развитие культуры в районах, подвергавшихся оккупации. Возрождение высших учебных заведений на освобожденных от врага территориях стало делом всего народа и, конечно, интеллектуальной элиты России.

Не взирая на огромные трудности объективного и субъективного характера, в годы войны в СССР был создан значительный духовный потенциал, который должен был стать одной из слагаемых сил страны в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В решении этой исторической задачи значительная роль принадлежала системе государственно-партийного руководства культурой в условиях войны. Эта системы функционировала как административно-командная система. Для культуры она порождала «закрепощение» духовной жизни, подавление творческого начала в культуре. Но «ирония истории» состояла в том, что в условиях войны административно-командная система оказалась как бы более «приспособленной» к экстремальной обстановке. Следует отметить, что в этом не было ничего противоестественного, административно-командная система имела много общего с военными методами управления. В обстановке войны масштабы культурно-идеологических «проработок» и кампаний, назревавших накануне войны, заметно сократились. Разросшиеся до войны бюрократический аппарат управления культурой и идеологического контроля был численно ослаблен, а главное — переориентирован в значительной мере

на решение специфических задач военного времени. Перед деятелями культуры встала общая объединяющая цель – спасти страну, культуру.

Таким образом, Великая Отечественная война – событие и трагическое и героическое в истории России. Война внесла в систему организации культурной жизни свои, собственные только ей методы. Жесткая централизация, подчинение всей культурной политики интересам победы предопределили основное направление реорганизации управления всеми учреждениями культуры.

Примечания

¹ ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 12.

² *Ондар Н.А.* Этапы становления тувинской государственности. Красноярск, 1999. С. 63; ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп.1. Д. 26. Л. 1; История Тувы: в 3 томах. Т. II / Под общей редакцией В.А. Ламина. Новосибирск, 2007. С. 129.

³ *Угерда* (также *огурта*, *огурда*, *ухерида*, *ухэр-да*, по-китайски - *цзун-гуань*) – правитель, пользовавшийся правами *дзасаков*. Так в монгольской властной иерархии, распространённой и на Туву, именовали правителя княжества, не удостоенного официально признанной княжеской степени, но пользовавшегося тем не менее всей полнотой власти в подведомственной ему территории. Должность *угерды*, однако, считалась не наследственной, а выборной, и избранный на нее кандидат подлежал следующему утверждению со стороны *цзянцзюня*, т.е. наместника китайского императора в Северной Монголии.

⁴ Оюн Соднам-Балчыр (1878–1924) – последний потомственный амбын-нойон Тувы. Амбын-нойоном титуловали высшего правителя, которому подчинялись тувинские *хошуны*. Соднам-Балчыр последовательно придерживался позиции присоединения Тувы к Монголии. В 1921 г. был избран главой Центрального Совета, но не приступил к выполнению своих обязанностей. В 1923 г. избрался министром юстиции. Являлся одним из вдохновителей мятежа на Хемчике (1924 г.) под лозунгом присоединения Тувы к Монголии. Погиб при попытке переправиться через р. Тес-Хем и уйти в Монголию.

⁵ Монгуш Буян-Бадьргы (1892–1932) – последний правитель Даа-хошуна (одного из западных округов Тувы), видный государственный и политический деятель ТНР. В 1921 г. – Председатель Всетувинского Учредительного Хурала; в 1921–1922 гг. – исполнял обязанности главы правительства; в 1923 г. – премьер-министр ТНР. С 1924 по 1927 г. – видный партийный деятель, автор законопроектов республики. В 1927 г. – министр финансов ТНР. В 1928 г. – начальник Госторга. В 1929 г. арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности и в марте 1932 г. расстрелян.

⁶ Впрочем, вскоре Военное министерство расформировали, а его функции передали Министерству внутренних дел.

⁷ ЦГА РТ. Ф. 144. Оп. 2. Д. 12. Л. 56 и др.

⁸ История Тувы: в 3 томах / Под общей редакцией В.А. Ламина. Новосибирск, 2007. Т. II С. 133.

⁹ ЦГА РТ. Ф. 144. Оп. 2. Д. 12. Л. 56 и др.

¹⁰ *Моллеров Н.М.* Истоки братства: Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике (1922–1932). Кызыл. 1989. С. 20.

¹¹ Прежде всего, в Коммунистический университет трудящихся Востока.

¹² История Тувы: в 3 томах. Т. II. С. 139–140.

¹³ 11 марта 1924 г. в Шеми под руководством бывшего *чагырыкчы* Куулара Сумнака оппозиция, не довольная проводимыми преобразованиями (в том числе отменой прежней системы титулов, чинов и должностей, а также знаков их различия, налоговой политикой правительства) сколотила группу из 23 человек. Основная цель состояла в реставрации старого строя, ликвидации государственной самостоятельности Тувы и присоединения ее к Монголии, где, как они ожидали, произойдет государственный переворот.

¹⁴ Содунам Ооржак Дончаа-олу – бывший батрак Буян-Бадьргы. Учился в Урге. С 1923 по 24 г. был секретарем Чаданской партийной ячейки. В 1925 г. окончил партийную школу в г. Улан-Батор. С октября 1925 по июль 1926 г. заведовал отделом Народного образования Министерства внутренних дел. Генеральный секретарь ЦК ТНРП с 1926–1928 гг. В 1927 г. был в составе экономической делегации в СССР. Впоследствии был обвинен как сторонник Буян-Бадьргы и в 1932 г. расстрелян по обвинению контрреволюционной деятельности.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 29. Л. 186–187.

В.В. Зюлин

Государственная политика модернизации среднего Медицинского образования Российской Федерации (с 1990-х гг. до 2005 г.)

В 1990-х гг. система среднего медицинского образования была вовлечена в процесс модернизации структуры и содержания российского профессионального образования, в первую очередь, в становление систем непрерывного образования и региональных образовательных центров, университетских комплексов.

Значительная часть медицинских и фармацевтических училищ в течение 1990-х гг. получила статус колледжей и стала осуществлять реализовывать образовательные программы повышенного уровня. Среди них следует назвать Калужский фармацевтический колледж (с 1991 г.), Ставропольский базовый медицинский колледж (с 1992 г.), Брянский медицинский колледж (с 1992 г.) Санкт-Петербургский акушерский колледж (с 1993 г.), Волгоградский медицинский колледж № 2 (с 1997 г.) и др.

Еще в начале 1990-х гг. в различных регионах России создавались инновационные структуры медицинского образования. Например, с 1991 года в Нижнем Тагиле действовал медико-биологический комплекс образовательного учреждения № 64 и медицинского училища, созданный с целью улучшения профориентации и профинформации школьников в допрофессиональном воспитании и образовании. Муниципальное Нижнетагильское медицинское училище с 1994 г. было включено в российско-американскую программу «Новые сестры для Новой России»; и т.п. В базовых медицинских колледжах создавались отделения последипломной подготовки и дополнительного образования. Например, городском медицинском колледже Екатеринбурга по такому отделению с 2004 г. велась подготовка по 18 специальностям, продолжалось введение новых циклов¹.

В составе Новгородского государственного университета (НовГУ) им. Ярослава Мудрого на базе медицинского училища был в 1994 г. создан меди-

цинский колледж, ежегодно выпускавший более 500 специалистов². Многие медицинские вузы сотрудничали на постоянной основе с училищами и колледжами. Например, Кемеровский областной медицинский колледж с 1999 г. участвовал в программах подготовки специалистов с высшим сестринским образованием на кафедре сестринского дела при Кемеровской государственной медицинской академии³.

1990-е годы характеризовались сложными социально-экономическими, политическими и демографическими изменениями в стране, которые коренным образом изменили характер деятельности медицинских организаций, поставили перед отраслью целый ряд новых сложно решаемых проблем⁴. Сохранялся существовавший и в советский период дефицит квалифицированных медицинских работников среднего звена, связанный с низкой оплатой их труда и соответствующим социальным статусом. В этих условиях решение правовых, финансовых и организационных вопросов развития отечественного здравоохранения должно было идти параллельно с усовершенствованием медицинского и фармацевтического образования, в том числе, среднего⁵.

Принципиальные шаги в этом направлении были сделаны во второй половине 1990-х гг. 29 июля 1995 г. вышло постановление Правительства Российской Федерации N 770 «О совершенствовании системы профессиональной подготовки медицинских и фармацевтических кадров». 5 ноября 1997 г. была принята Концепция развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации. В том же году в результате совместной работы Министерства здравоохранения и Министерства образования России была утверждена номенклатура специальностей среднего медицинского и фармацевтического персонала. В июне того же 1997 г. двумя министерствами была одобрена стратегия Минздрава России по развитию системы медицинского и фармацевтического образования. С 1999 г. образовательные учреждения приступили к подготовке специалистов повышенного уров-

Владимир Васильевич Зюлин – соискатель кафедры «История и политология» Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТИС), директор Волгоградского медико-экономического техникума.

ня квалификации по утвержденным государственным образовательным стандартам.

Приказом Минздрава России от 25 мая 1998 г. № 172 «О реорганизации медицинских училищ федерального подчинения г. Москвы» в целях упорядочения сети средних профессиональных образовательных учреждений, находящихся на федеральном бюджете, была проведена реорганизация Всероссийского учебно-научно-методического центра по непрерывному медицинскому и фармацевтическому образованию (ВУНМЦ) путем слияния и присоединения к нему государственных образовательных учреждений: Федерального медицинского училища, Медицинского училища при Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова, Московского медицинского училища при РКБ №2 ЛДО Минздрава России и создания медицинского колледжа в качестве структурного подразделения ВУНМЦ⁶.

Отраслевые вузы и медицинские факультеты университетов уделяли значительное внимание вопросам повышения квалификации медицинских работников⁷.

На коллегии Министерства здравоохранения 28 декабря 1999 г. (протокол № 20), была принята «Доктрина среднего медицинского и фармацевтического образования». В документе отмечалось, что в стране окончательно сформировалась многоуровневая система среднего медицинского и фармацевтического образования, которая предполагает базовый уровень подготовки, повышенный уровень подготовки, высшее сестринское образование. Доктрина была разработана в соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании» и Национальной доктриной образования в Российской Федерации. Она определяла цели подготовки и воспитания специалистов отрасли, пути их достижения в соответствии с политикой Министерства образования РФ, Министерства здравоохранения России и органов управления здравоохранением субъектов Федерации.

Документ раскрывал основные направления развития среднего медицинского и фармацевтического образования, в том числе, систематическое обновление содержания образования, прежде всего гуманитарного и профессионального, отражающего изменения в сфере экономики, медицинской науки и здравоохранения; непрерывность образования на протяжении всей профессиональной деятельности специалиста; развитие двух типов образовательных учреждений: медицинских и фармацевтических училищ и колледжей, совершенствование Государственных образовательных стандартов с целью формирования единого образовательного пространства; преемственность и интеграцию среднего и высшего медицинского и фармацевтического образования; развитие в последипломном образовании дистанционного обучения, создание программных продуктов,

реализующих информационные технологии в образовании. В этот период в ведении Минздрава РФ находилось 391 среднее специальное учебное заведение (14,6% от общего числа ссуз)⁸.

Принципиальное значение для развития среднего медицинского образования в стране имели документы, принятые Первым съездом средних медицинских работников⁹. Медицинская общественность страны заявила о необходимости внедрения нового подхода к профессиональной и социальной роли медицинской сестры, который включал бы не только комплекс нормативно-правовых и финансовых мер, но и морально-этический компонент, переход от негативного образа «очень среднего медицинского работника» к возрождению традиционно высокого общественного статуса сестры милосердия. Существенную роль в реализации последней задачи сыграла в 1990-е годы Русская Православная церковь, выступившая организатором подготовки сестер милосердия¹⁰. Например, с 1998 г. впервые в России в Смоленском базовом медицинском колледже была начата подготовка сестер милосердия с одновременным обучением в Смоленском межпархиальном духовном училище¹¹. В 2003 г. между РПЦ и Минздравом РФ было заключено соглашение, предусматривавшее участие церкви в деятельности учреждений среднего медицинского образования. В частности, Тобольский медицинский колледж им. В. Солдатова с 2003г. объявил набор студентов для подготовки сестер милосердия, обучение которых проводилось по государственным стандартам «Сестринское дело» и программе «Духовные основы милосердия» совместно с преподавателями Тобольской духовной семинарии.

Решением Коллегии Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 апреля 1999 года «О состоянии и перспективах развития сестринского дела в Российской Федерации» была отмечена необходимость развития и совершенствования среднего, повышенного уровня и высшего медицинского образования по специальности «Сестринское дело», разработки и внедрения Государственных образовательных стандартов по всем профилям и уровням квалификации, Государственных стандартов практической деятельности сестринского персонала, проведения комплексных научных исследований в сестринском деле. Были внесены изменения в содержание преподавания с перееоринтацией на медико-санитарную и медико-социальную профилактику, обучение новым технологиям сестринской практики, повышение ответственности и этических норм деятельности сестринского персонала¹². Следует отметить, что новые концепции развития в России сестринского дела оказывали влияние на состояние и социальный престиж среднего медицинского образования в целом¹³.

Эти тенденции реформирования среднего медицинского образования нашли отражение в отраслевой «Программе развития сестринского дела в Российской Федерации» на 2001–2005 гг., утвержденной 9 января 2001 г. приказом Минздрава РФ № 4.

В последующие годы системы среднего медицинского образования имела позитивный вектор развития. Однако многие проблемы российского здравоохранения сохраняли свою остроту, что сказывалось на отраслевом образовании и профессиональной реализации выпускников медицинских средних специальных учебных заведений. В резолюции II Всероссийского съезда средних медицинских работников, проходившего в Москве 20–21 мая 2004 г., отмечалась нерешенность в полном объеме вопросов кадрового обеспечения отрасли специалистами сестринского дела, рационального и эффективного их использования. Выполнение медицинской сестрой несвойственных ей обязанностей младшего медицинского персонала, возрастающие моральные и физические нагрузки, отсутствие мотивации к повышению профессионального уровня вели к оттоку сестринских кадров и значительному дисбалансу в соотношении врач/медицинская сестра¹⁴.

За период с 1996 по 2003 г. численность среднего медицинского персонала в целом по России сократилась на 6,6%, а обеспеченность ими на 10 тыс. населения – с 100,8 до 96,9. В этих условиях дополнительно возросла значимость вопросов профессиональной подготовки, нравственного воспитания медицинского персонала на этапе обучения в средних и высших медицинских учебных заведениях¹⁵.

В то же время, достаточно динамично и эффективно развивалась подготовка фармацевтических кадров, которые находили себе применение в растущем негосударственном секторе аптек и фармацевтических предприятий¹⁶.

В 2000-е гг. в Российской Федерации началась реализация ряда стратегических программ социально-экономического развития страны. При этом одним из существенных аспектов сразу двух приоритетных национальных проектов – «Здравоохранение» и «Образование» стала задача модернизации системы подготовки медицинских кадров среднего звена. Ее эффективное решение предусматривает дальнейшее совершенствование теоретической и научно-методической основы учебного процесса, развитие материально-технической и информационной базы учреждений среднего медицинского образования, создание условий для улучшения качества профессиональной подготовки и переподготовки преподавательских кадров медицинских училищ и колледжей.

Примечания

¹ Среднее профессиональное образование. М., 2006. № 3. С. 34.

² История среднего профессионального образования в России / *Анисимов П.Ф.* и др.; Под рук. *В.М. Журавковского*. М., 2001. Кн.2. С.487; Фармация в Великом Новгороде / *Вебер В.Р.* и др.; Под ред. *В.А. Медика*. В. Новгород, 2001. С. 56.

³ Медицина в Кузбассе: Рецензируемый научно-практический журнал. Спецвыпуск № 6 – 2005: Подготовка сестринского персонала сегодня – качество медицинской помощи завтра. Материалы к 70-летию ГОУ СПО «Кемеровский областной медицинский колледж». Кемерово, 14 октября 2005 г. Кемерово, 2005. С. 6.

⁴ «О ходе реализации Концепции развития здравоохранения и медицинской науки, задачах на 2001 – 2005 годы и на период до 2010 года». Решение Коллегии Минздрава РФ от 20–21 марта 2001 г. Протокол № 6. С. 1.

⁵ См.: Современные проблемы подготовки медицинских кадров. М., 1990. Ч. 1–2.

⁶ Отчет о работе медицинского колледжа ФГОУ «ВУНМЦ Росздрава» по итогам самообследования. М., 2006. С. 2.

⁷ *Бреднева Н.Д.* и др. Совершенствование последипломного обучения провизоров на кафедре фармации Тюменской медицинской академии // Фармацевтическая наука и практика в новых социально-экономических условиях / НИИ Фармации Минздрава РФ: Научные труды. Т. 36. Ч. 1. С. 125–128.

⁸ История среднего профессионального образования в России. М., 2000. Кн.1. С. 353.

⁹ Резолюция Первого Всероссийского Съезда средних медицинских работников г. Санкт-Петербург, 35 ноября 1998 г. Ведомости № 8 (11) 1998 г.

¹⁰ *Иванюшкин А.Я.* Этика сестринского дела. М., 2003; Возрождение духовности и милосердия в сестринском деле: Сборник работ научно-практической конференции, посвященной Международному Дню медицинской сестры и 400-летию г. Томска. 12 мая 2004 г. Томск, 2004.

¹¹ История среднего профессионального образования в России. М., 2001. Кн. 2. С. 635.

¹² Об отраслевой программе развития сестринского дела в Российской Федерации. Приказ Минздрава РФ от 09.01.2001 г. № 4.

¹³ См.: *Петухов В.Д.* Современные стандарты и динамика профессиональной функции медработников. СПб., 1999; *Юсков В.Н.* Профессия – медработник. Ростов н/Д, 1999.

¹⁴ О постановлении II Всероссийского съезда средних медицинских работников: Письмо Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 6 декабря 2004 г. N 1417-ВС.

¹⁵ *Душенков П.А., Бражников А.Ю., Камынина Н.Н., Урываев В.А.* Подготовка специалистов в области сестринского дела: оценка качества, пути его повышения // Издательский дом «Русский врач». Статьи из журналов.

¹⁶ *Ахметзянова Ф.А., Сафиуллин Р.С.* Фармацевтические кадры в системе управления качеством лекарственных средств в аптечных учреждениях // Фармация в XXI веке: Инновации и традиции: Тезисы докладов Международной конференции 7–8 апреля 1999 г. СПб., 1999. С.83–84.